ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник научных статей

Барнаул • 2016

Министерство образования и науки РФ

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова»
Кафедра истории Отечества

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник научных статей

Изд-во АлтГТУ
Барнаул ● 2016

УДК 94+008(08) ББК 63.3+71
П 781

Проблемы истории и культуры в современном мире : сб. науч. статей / отв. ред. И. Н. Никулина, О. А. Литвинова, Н. Г. Павлова; Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2016. – 283 с.
ISBN 978-5-7568-1214-5

Предлагаемый сборник содержит статьи, посвященные различным проблемам истории и культуры, представленные белорусскими, казахскими, китайскими, польскими, российскими исследователями.

Издание рассчитано на широкую аудиторию преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами истории и культуры.

ISBN 978-5-7568-1214-5

© Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 6

Актуальные вопросы истории 7

Контева О. Е. Кабинет Его Императорского Величества в XVIII веке: статус государственного учреждения и его структурная организация 7

Каланчина И. Б. Территория рудного Алтая на картах и рисунках XVII–XIX вв. 22

Никулина И. Н., Резмер В. Алтай в Польше. Поляки в истории Алтая: проблемы изучения 28

Михалюк Д. Участие шляхты в повстанческом движении на литовско-белорусских землях в 1863 г. в свете рапортов губернаторов в Западный комитет. Национальный вопрос в Витебской и Могилевской губерниях 36

Серак Е. В. Правовая регламентация и деятельность судебно-следственных органов в системе наказания белорусских участников восстания 1863–1864 гг. 64

Недзелюк Т. Г. Правовое пространство Сибири в восприятии мигрантов из западных регионов Российской империи (рубеж XIX–XX столетий) 76

Дурново И. В. Письма и переписка Никандра Александровича Петровского 85

Потупчик М. Н. Состояние библиотечного дела на Алтае на рубеже XIX–XX в. 93

Шерстюков С. А. Среднеазиатский суфизм в работах российских дореволюционных исследователей (краткий историографический обзор) 100

Калиева К. С. Информационный потенциал и репрезентативность источников по истории учета населения в Казахстане в 1898–1919 гг. 108

Жиляков Д. В., Кунгурова Е. В. Жилищные условия жизни сибирского студенчества в 1920-е гг. 121

Литвинова О. А. «Апеллирование к власти». Заявления и жалобы населения Сибири в 1920-е гг. в ракурсе социально-психологического анализа советского общества 125

Шевцова О. Н. Профессиональный труд женщин Сибири в годы первых пятилеток 135

Калиева К. С. Эгодокументы как источники по истории депортации народов в годы Великой Отечественной войны 141

Степанова О. В. Медико-социальные меры в области охраны детства в послевоенный период на Алтае (вторая половина 1940-х гг.) 148

Голуенко Т. А. Из истории формирования и развития общественного движения солдатских матерей в Западной Сибири (на примере Алтайского края) 155

Цапко А. И. Старый центр города Бийска как объект туристических предпочтений 163

Рыгалова М. В. Историко-культурное наследие как элемент городской застройки 168

Проблемы культуры 173

Абрамова Ю. А.
Научно-методическая работа в Алтайском государственном краеведческом музее 173

Альшевская О. Н. Книгораспространение Сибири в проекте «Культурная карта России. Литература. Чтение» 182

Вохменцева Н. В., Чжоу Синь Эволюция басенного творчества в Китае 193

Вохменцева Н. В. В кадре и за кадром: о творчестве режиссеров телерекламы Евгения Платонова и Константина Зайвия 200

Дунец А. Н. Проблемы культурной идентичности казачества в Алтайском крае 208

Ермаков Ю. М. Происхождение и отмирание технических терминов 217

Лихацкая Л. Н., Царева Н. С. Опыт культурного сотрудничества художников и исследователей Алтая и Монголии: аспекты и тенденции 221

Островский М. Проект «Воздушный шар – галерея с орлиного полета» как акция в области искусства, науки и гражданской активизации 230

Островский М. Модель образной базы данных Varsovia.pl как платформа современных культурных анализов в пространственно-временном контексте 236

Павлова Н. Г. Российская интеллигенция: проблема коммуникации 246

Утробина Т. Г. Формирование культурных стереотипов вербально-визуальными символами рекламы 254

Черных В. А. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь» как артефакт культуры конца XIX – начала XX вв. 264

Сведения об авторах 280

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей «Проблемы истории и культуры в современном мире» посвящен 75-летию Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, 55-летию образования кафедры «История Отечества» и 25-летию Гуманитарного факультета.

В него включены статьи, подготовленные учеными, сотрудниками музеев и библиотек России (Москва, Новосибирск, Бийск, Барнаул), Республики Казахстан (Усть-Каменогорск), Республики Польша (Варшава, Торунь), Республики Беларусь (Минск), Китайской Народной Республики (Шихецзы).

Публикуемые материалы затрагивают различные направления научного изучения актуальных проблем истории и культуры, представленные оригинальными работами исследователей вышеназванных стран. Сохранен авторский стиль изложения обозначенных проблем.

Издание рассчитано на широкую аудиторию ученых, преподавателей, аспирантов, студентов, сотрудников музеев и библиотек, а также всех интересующихся проблемами истории и культуры.

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

КАБИНЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА В XVIII ВЕКЕ: СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ЕГО СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

О. Е. Контева

История становления и развития Колывано-Воскресенских металлургических предприятий в XVIII – XIX вв. неразрывно связана с деятельностью императорского Кабинета – личной канцелярии российских монархах. В 1744 г. демидовские заводы на Алтае перешли под ведение, а в 1747 г. под его управление. Он являлся центральным административным органом горнозаводского комплекса, определяя перспективы его развития. Ведомственная принадлежность Колывано-Воскресенских заводов напрямую зависит от определения статуса императорского Кабинета, его места в государственной системе управления России в XVIII веке [13, с. 71–76].

Изучение данного учреждения является не полным, и, зачастую, фрагментарным. Рассматривая политические и экономические процессы XVIII–XIX вв., многие историки затрагивали проблему существования личных канцелярий при монархе, одной из которых был императорский Кабинет. Его история дается в общем контексте анализа центральных и местных органов управления [35]. Непосредственным предметом изучения Кабинет становился не столь часто. Исключением стала работа В. Н. Строева, изданная в 1911 г. и посвященная 200-летнему юбилею данного учреждения [34]. К этому разряду также можно отнести исследования М. В. Кричевцева, в которых история Кабинета его императорского величества рассматривается в связи с его деятельностью по руководству горнозаводскими предприятиями [14–19].

В 1998 г. было издано две статьи исследователя М. В. Бабич, в которых были проанализированы причины такой историографической традиции. Автор отмечает, что в силу целого ряда объективных причин история личных канцелярий обходится молчанием в обобщающих трудах и крупных историко-юридических исследованиях [1, с. 20]. Изучение вопроса о характере деятельности императорского Кабинета, о его роли и месте в государственном аппарате управления, имеет ряд сложностей. С одной стороны, документы личных «кабинетов» в XIX веке

были рассредоточены по архивам других государственных органов власти, что затрудняет поиск информации. С другой же стороны, Кабинет только условно можно отнести к высшим административным учреждениям. Согласно положениям русского государственного права, как отмечает автор, учреждением является совокупность должностных лиц, чья компетенция (т. е. круг возможного действия на население в порядке проведения выраженной в законе государственной воли) распространяется на всей территории государства и имеет управление над другими государственными органами [2, с. 35–36]. Положения данного определения практически нельзя отнести к императорскому Кабинету в период первой половины XVIII в. По мнению М. В. Бабич, уже первые работы, в которых анализировался статус Кабинета, грешили противоречиями. Так, например, в трудах В. Н. Татищева и И. И. Голикова, с одной стороны, отмечалось большое влияние и значение данного органа управления, а с другой, авторы не приводили в подтверждение своих слов соответственные законодательные акты, говоря лишь о деятельности отдельных секретарей [2, с. 39].

Период второй половины XVIII – пер. пол. XIX вв. являлся временем активной деятельности императорского Кабинета, однако историки не обращали на него свой профессиональный взгляд. В этот период нет работ, посвященных данной тематике. Наиболее серьезные исследования появляются лишь во второй половине XIX столетия, когда предметом фронтального научного анализа становиться эпоха от Петра I до Павла I, и в частности, изучение государственного аппарата России XVIII в.

В данных работах Кабинет определялся как личная канцелярия, существовавшая при монархах. В. Г. Щеглов в своем труде «Государственный совет в царствование императора Александра I» помимо Кабинета, к таким административным учреждениям относил Верховный тайный совет, а также Конференцию и Совет при высочайшем дворе. «Каждое из этих новых установлений, – писал В. Г. Щеглов, – немедленно вступало в неизбежную конкуренцию с Сенатом…, но затем вдруг, по-видимому неожиданно исчезало само, чтобы уступить свое место другому, такому же недолговечному учреждению» [36, с. 1]. Автор приводит примеры эмоциональной и крайне негативной оценки работы Кабинета: «по выражению гр. Н. И. Панина возник «интервал между Государем и правительством» в виде «домового Кабинета», участие которого в работе по управлению государством было весьма существенно, оставаясь как бы неофициальным, «безгласным» и безответственным» [36, с. 42].

Исследователи отмечали, что именно в XVIII столетии личная канцелярия монарха, так называемый «домовой Кабинет», становился едва ли не главным государственным органом управления. В. Г. Щеглов объяснял это тем, что данный период был переходным от одного образа государственного правления к другому. В частности, он пишет: «Высшие учреждения XVIII века не имели определенного типа московской боярской думы, образовавшейся в течение ряда веков на почве взаимных отношений между боярским сословием и царской властью московских государей… Точно так же они не заключали в себе и того сравнительно ясного и точного разграничения функций управления, которое характеризует… учреждения александровского царствования». Причиной этому являлась сложившаяся в XVIII в. форма государственного устройства – абсолютная монархия, при которой власть главы государства была неограниченной. Центром верховного управления становился император, для облегчения труда которого создавались специальные советы по внутренним и внешним делам. Такие советы при главе государства получали, как правило, значительные полномочия [36, с. 3, 38].

Рассматривая период царствования Екатерины II. Ю. Готье так же пришел к выводу, что причиной такого большого влияния императорской канцелярии в государственном аппарате управления являлась самодержавная форма правления. Он пишет: «Личная канцелярия государя…, в которой председательствует сам государь, а движущую силу составляют исполнители его непосредственных велений, очень часто имеет значение первенствующего органа управления в самодержавной монархии, … такой монархии, в которой древние формы участия сословий в управлении отживают безвозвратно, между тем как до новых форм, близких к парламентаризму, ещё далеко» [4, с. 346].

Историки советского периода чаще всего обращались к истории Кабинета в рамках рассмотрения других тем. Автор курса «Истории государственных учреждений дореволюционной России» Н. П. Ерошкин отмечал, что императорский Кабинет, созданный при Петре I, как личная его канцелярия, со временем приобрел черту высшего государственного учреждения и решал вопросы, касающиеся в целом государственной политики [5, с. 80]. В 1742 г., восстановленный Елизаветой Петровной, Кабинет также функционировал «как личная канцелярия, сходная по характеру с Кабинетом Петра I». Однако такое положение, по мнению исследователя, сохранялось не долго. Уже в 40–60-е гг. XVIII в. возник целый ряд учреждений (Конференция при высочайшем

дворе Елизаветы, затем Императорский совет Петра III, и, наконец, институт статс-секретарей Екатерины II), которые воспринимают функции личной канцелярии от Кабинета ее императорского величества [5, с. 108–109].

Исследователи советского периода рассматривали деятельность данного учреждения в связи с изучением истории горнозаводской промышленности Сибири и подведомственного заводской администрации населения [3, 6, 7, 11, 30, 32, 33]. В силу того, что императорский Кабинет не являлся центром внимания данных работ, их авторы лишь повторяли выводы своих предшественников. Они определяли Кабинет, как личную канцелярию царствующего монарха, которая заведовала императорской казной.

Заметным историографическим событием явились работы М. В. Кричевцева, вышедшие в середине 90-х гг. XX в. К истории Кабинета автора обращается в рамках рассмотрения системы управления горнозаводским хозяйством Сибири и Урала, однако акцент перенесен на деятельность самого административного учреждения. Уже в заголовке одного из разделов диссертационного исследования вынесена позиция автора. Название гласит: «Кабинет ее императорского величества как личная канцелярия монарха». Основной вывод базируется на анализе функций и полномочий данного учреждения. Споря с Н. П. Ерошкиным, Кричевцев утверждал, что и с возникновением института статс-секретарей императорский Кабинет не утрачивал своего статуса личной канцелярии [14].

Государственная система управления в России в XVIII в. представляла собой сложную структуру. Определяющим фактором являлась абсолютная власть монарха в рамках сложившегося вотчинного государства. Сложившийся в 20-х гг. XVIII в. государственный аппарат управления представлял собой довольно разветвленную бюрократическую систему, в которой центральное место занимал Правительствующий Сенат, подчиненный непосредственно императору. Коллегии, которых было сформировано двенадцать, имели разграниченные права и полномочия. Вместе с тем, уже в первые годы реформ потребовался административный орган, который был в распоряжении монарха, представляя собой его личную канцелярию.

Традиция функционирования личных канцелярий при монархе, который имеет абсолютную, неразделенную власть в стране, восходит ко времени правления царя Алексея Михайловича. Монополия на политическую власть в рамках вотчинного государства выражалась в том, что монарху необходим был орган, подчиненный непосредственно ему.

По мнению А. И. Заозерского, для выполнения таких функций был определен приказ тайных дел, который функционировал с 1654 по 1676 гг. Появление такого учреждения стало возможно потому, что «государево и государственный интерес мыслились не иначе как конкретно – в форме живой личности государя и государева дела» [8, с. 38]. Приказ тайных дел стал проводником монаршей инициативы в области государственного управления, что позволял решать многие важные вопросы без участия высших органов власти, в частности без Боярской думы.

В момент возникновения приказа в его состав входили тайный дьяк, который возглавлял учреждение, и 6–7 подьячих. Со временем число служащих возросло в два раза, а во главе приказа стояла целая дьяческая коллегия [5, с. 64].

Функции приказа не были определены нормативными документами. Первоначально, основным направлением деятельности был надзор за работой приказов. Одна из форм такого контроля выражалась в принятии челобитных, которые подавались различными лицами на имя царя. Рассмотрение и решения по жалобам происходило помимо Боярской думы [5, с. 64–65]. Интересно то, что принятие челобитных станет, во многом, определяющим признаком для личных монарших канцелярий. Забегая вперед хочется сказать, что именно переход обязанности принятия челобитных от императорского Кабинета к статс-секретарям во время правления Екатерины II, позволило исследователям говорить об утрате Кабинетом статуса личной канцелярии.

Вторым, немаловажным отличительным моментом, являлось наличие императорской казны и территории, которые состояли под управлением приказа тайных дел. Источники формирования данной собственности были как государственные, так и частные владения. Различны были и методы: покупка, обмен, а также простое причисление по государственному указу. А. И. Заозерский при определении формы собственности хозяйства приказа уже высказывает точку зрения, что его трудно отнести как государственному, так и к частновладельческому. Оно необычно по условиям своего возникновения и потому не подходит ни к первому, ни ко второму определению. Именно по условиям возникновения и, вместе с тем, говоря о его предназначении («должно было служить целям, которые были особенно близки царю»), он называет его царским хозяйством [8, с. 44].

Расходование царской казны и запасов, в большей части, шло не на удовлетворение нужд самого монарха. К таким расходам можно отнести: содержание штата Потешного и Гранатного дворов, выплата жалованья солдатам, рейтарам отдельных полков, раздача милостыни,

выделение наградных сумм и т.д. [32, с. 8]. Однако, эта казна расходовалась только по личному распоряжению государя и призвана была способствовать усилению авторитета царской власти.

С окончанием правления Алексея Михайловича приказ тайных дел перестал существовать, а подобный орган появился уже при Петре I. Императорский Кабинет, созданный в 1704 г. Кабинет, при минимальном численном составе имел довольно обширный круг полномочий в решении государственных вопросов. Деятельность его, как и функционирование Приказа тайных дел, регламентировалась не официальными указами, а личными распоряжениями монарха.

По существу Кабинет весьма условно можно отнести к понятию «государственный орган управления». 5 октября 1704 г. император для ведения собственных дел назначил кабинет-секретаря А. В. Макарова. В дальнейшем ближайшим помощником Макарова являлся И. А. Черкасов, который в 1712 г. был принят в Кабинет копиистом и сумел выдвинуться за счет своих способностей [34, с. 20]. Автор исторического исследования, посвященном Кабинету, определяет его функции и полномочии через анализ делопроизводственных документов. Круг решаемых вопросов был очень обширным и отбирались они по двум основным признакам: актуальность на данный момент и необходимость вмешательства главы государства, когда не было сложившихся прецедентов в существующем законодательстве. В эпоху петровских реформ таких вопросов существовало много и неудивительно, что императорский Кабинет в первой четверти XVIII в. занял значительное место в центральном аппарате управления. Кабинет сыграл большую роль в развитии горной промышленности. Кабинет-секретарю подавались рапорты и прошения, через него велась переписка о постройке заводов, давались резолюции на просьбы о поисках руд. Вместе с тем, Кабинет приглашал иностранных мастеров и организовывал обучение русских молодых людей за границей. Даже после основания специального учреждения по горным делам, Берг-коллегии, многие вопросы рассматривались в императорском Кабинете. По мнению В. Н. Строева, «во все, что касается сибирских заводов, Берг-коллегия являлась преимущественно исполнительницей предписаний Кабинета [34, с. 100].

Существует, вместе с тем, и другая точка зрения на вопрос о роли Кабинета в развитии горной промышленности. Н. И. Павленко отмечает, что ошибочно ссылаться на материалы по горному делу, которые имеются в архиве данного учреждения. Наличие таких бумаг, по его мнению, объясняется, во-первых, тем, что их можно отнести к разряду, так называемых, «интересных дел», поступавших на имя императора, а,

во-вторых, решение таких проблем выходило за рамки любого президента коллегии [20, с. 92].

Вместе с тем известно, что при Петре I Кабинет его императорского величества контролировал строительство в Санкт-Петербурге, в частности строительство каналов [21]. По указу от 17 марта 1725 г. на финансировании Кабинета были определены Сестрорецкие заводы [23]. По всей видимости, Кабинет, являясь личной канцелярией императора, которая контролировала наиболее актуальные вопросы и проблемы. Таким стратегически важным вопросом для России в начале XVIII в. был вопрос градостроительства и развития горнозаводской промышленности.

Как и во времена правления Алексея Михайловича, при императорском Кабинете формируется отдельная денежная сумма, которой император распоряжается лично без участия высших государственных органов управления. М. В. Кричевчев отмечает, что источники поступления в государеву казну были различными, однако самым крупным было поступление соляного сбора [14, с. 83]. Определение соляного сбора в распоряжение императорского Кабинета произошло по сенатскому указу 12 августа 1724 г. В документе говорилось, что за последние три года количество собранных средств равнялось 662 118 руб. 5 коп. [21]. Такая традиция сохранилась и в дальнейшем.

После смерти своего основателя, при Екатерине I, Кабинет еще продолжал удерживать позиции высшего государственного учреждения, несмотря на создание Верховного тайного совета. Указом от 7 сентября 1726 г. подтверждались его высокие полномочия. В нем в частности говорилось, что все важные материалы, которые адресованы в Сенат, Верховный тайный совет или коллегии, прежде должны были отдаваться на рассмотрение в императорский Кабинет [22]. Однако, наличие такого напоминания говорит о том, что позиции данного органа управления после смерти Петра I значительно пошатнулись. Следствие этого явилось то, что в 1727 г., после кончины императрицы Екатерины I, Кабинет был упразднен как центральный орган управления.

Елизавета Петровна, взошедшая на престол в 1741 г., задумала воссоздать систему государственного управления и, в частности, Кабинет в такой форме, как он был при императоре Петре I. Вновь личная канцелярия была учреждена по указу 12 декабря 1741 г. На должность кабинет-секретаря был назначен барон И. А. Черкасов [34, с. 145].

Анализируя работу елизаветинского Кабинета, историки качественно расходятся в своих оценках. М. Б. Бабич отмечает, что круг решаемых вопросов значительно отличался от петровского

начала XVIII в. Она приводит самый приблизительный список дел, проходивших через эту административную структуру в 1740–50-х гг.: вопросы Канцелярии конфискаций, Вотчинной коллегии, дела по имениям, доклады Сената о награждениях, имущественное положение отдельных лиц, судебные разбирательства, организация поездок императрицы и членов монаршей семьи, дела Синода (чаще всего это вопросы украшения церквей и соборов), дела внешней торговли, вопросы по Мануфактур- и Берг-коллегиям. Исследователь делает вывод, что 75 % вопросов, решаемых Кабинетом, относились к «дворцовым делам», а остальные – проблемы торговли, строительства и хозяйства [1, с. 32–33]. Так, в 1751 г. был издан указ, по которому запрещалось печатать сведение о придворной жизни без одобрения на то императорским Кабинетом [24].

По мнению же Н. П. Ерошкина, функции Кабинета Елизаветы Петровны и Петра I во многом были схожи. Через личную канцелярию Елизаветы проходили все документы, подаваемые на имя императрицы, здесь подготавливались тексты «именных указов» [5, с. 108]. Автор истории Правительствующего Сената отмечал, что именно при Елизавете Петровне в 40-х гг. XVIII столетия значение Кабинета было высоким как никогда [9, с. 38].

Статус Кабинета ее императорского величества, как и любого государственного учреждения на разных этапах зависел от многих обстоятельств. Даже такой высший государственный орган как Правительствующий Сенат, функции и полномочия которого были определены нормативными документами, за свою 200-летнюю историю переживал взлеты и падения. Особенно это касается личных императорских канцелярий, которые зависели от воли монарха.

Кабинет, восстановленный Елизаветой Петровной в 1741 г. с самого начала, по оценке М. В. Кричевцева, «местом притяжения внимания государственных служб и частных просителей». По его мнению, это было вызвано отчасти тем, что новое учреждение унаследовало название Кабинета, который являлся высшим государственным органом при Анне Ивановне. В доказательство своих слов он приводит тот факт, в 1742 г. Сенату было предписано передать в личную канцелярию императрицы документы упраздненного учреждения [14, с. 76]. Однако, уже в начале 50-х гг. XVIII в. важные государственные вопросы решаются в обход императорского Кабинета. Закономерным следствием данного процесса стало появление в 1756 г. другой личной императорской канцелярии Конференции при высочайшем дворе. Данное учреждение было создано для решения вопросов ведения военных действий, однако

со временем полномочия его были значительно расширены. На смену ему при императоре Петре III пришел Императорский совет. Оба эти учреждения возникли по воле монарха и прекратили свое существование с их смертью.

Время правления Екатерины II отмечено тем, что императорский Кабинет на протяжении нескольких десятилетий функционировал параллельно с Канцелярией статс-секретарей государыни. Формирование Канцелярии начиналось еще в момент дворцового переворота, когда обязанности секретаря новой императрицы выполнял Г. Н. Теплов. Им были подготовлены многие документы и, в частности, Манифест о восшествии Екатерины II на престол и текст присяги. Указом от 27 июля 1762 г. статс-секретарем был назначен И. П. Елагин, который был близок ко двору Екатерины Алексеевны еще с 1758 г. В том же, 1762 г., на эту должность был назначен и С. М. Козьмин. Оформление Канцелярии как учреждения произошло в 1763 г. Указом 2 мая императрица поручила собственные ее императорского величества дела отправлять Г. Н. Теплову, а 11 июня поручила статс-секретарям принимать прошение на высочайшее имя [10, с. 172–173].

Историки, справедливо отмечают, что Императорский Кабинет с момента появление других личных канцелярий, а в особенности института статс-секретарей, утрачивает свои первоначальные функции [4, с. 348; 5, с. 129; 12, с. 173; 34, с. 355]. Он становится хозяйственно распорядительным органом, в ведении которого находилась императорское хозяйство и императорская казна. Под управлением Кабинета помимо Колывано-Воскресенских заводов находились: Нерчинские предприятия и рудники, Колыванская шлифовальная фабрика, гранильная фабрика в Екатеринбурге, Царско-Сельская обойная фабрика, Выборгский зеркальный завод и многие другие промышленные предприятия [7, с. 58]. Примечательно то, что ни казна, ни хозяйство не передавались в ведение новых личных канцелярий. На наш взгляд, формирование кабинетского производственного комплекса, значительной составляющей которого были горнозаводские предприятия Сибири, определило долговечное функционирование императорского Кабинета.

Важным моментов в истории функционирования императорского Кабинета является издание указа 16 июля 1786 г. [28], поскольку это был первый нормативный документ, регламентирующий его работу. Появление этого указа было вызвано отнюдь не путаница в определении статуса различных учреждений, а финансовые проблемы самого Кабинета. Они четко обозначились еще в конце 70-х гг. XVIII в., когда Екатерина II обратила внимание на нехватку средств на её собственную

«диспозицию». Тогда были переведены некоторые денежные суммы из других государственных учреждений: Московского и С.-Петербургского казначейств, Берг-коллегии, Статс-конторы и др. [14, с. 97–98]. Но эта разовая мера не могла решить финансовых проблем императорского Кабинета.

Следующий попыткой был как раз указ 16 июля 1786 г., целью которого было списать накопленные долги учреждения, дать значительные субсидии (2 млн. руб. – в 1786 г. и такая же сумма – в 1786 г.), и вместе с тем упорядочить приход и расход «комнатной суммы». Нужно отметить, что и эта мера не принесла ощутимого результата, поскольку кабинетские долги постоянно росли. Так, на 1 мая 1790 г. они составляли 2 426 571 руб. 67 коп., следовательно, двухлетние финансовые вливания не могли покрыть производимых расходов [14, с. 99]. История этих событий не имеет прямого отношения к исследуемой нами проблеме. Однако, благодаря этому появляется нормативный документ, к котором прописываются основные функциональные обязанности императорского Кабинета, а также штатной расписание, где показана его структура.

Анализ пунктов указа 1786 г. показывает, что основной обязанностью Кабинета являлась хранение императорской казны и контроль прихода и расхода. Во 2 пункте определялось: «Наличныя в Кабинете деньги и вещи хранить в казенной, имея всегда её за печатью одного члена Кабинета…». Далее значились правила ведения бухгалтерского учета.

Наряду с этим, в указе мы видим документальное подтверждение тому, что «комнатная сумма» главы государства существовала отдельно от государственных средств: «На нужды государственные, кои по свойству их к Кабинету не относятся, по указам Нашим делать издержки на счет доходов государственных…». Таким образом, в 1786 г. за личной императорской канцелярией нормативно закрепляются хозяйственно-распорядительные функции.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. статус и функции императорского Кабинета существовали практически без изменений. На это не влияет даже тот факт, что в годы правления Павла I, кабинетские горно-металлургические заводы были переданы для управления в Берг-коллегию. Это означало, что доходы от данного производства поступали теперь в «комнатную сумму» через государственное казначейство. Но и такое положение вещей просуществовало не долго. Александр I, в 1801 г., вернул прежний порядок управления.

Статус Кабинета ее императорского величества как государственного учреждения и соответствующие этому статусу функции определяли и структурную организацию, изменения которой находились в прямой зависимости от назначения этого органа власти.

До конца 1740-х гг. Кабинет имел весьма простую структурную организацию. В него входили: руководители или кабинет-секретари и канцелярия, ведавшая письменными делами учреждения [1, с. 24]. Как упоминалось выше, с 1741 г. управляющим Кабинета был барон А. И. Черкасов. В 1758 г. на этом посту его сменил граф Адам Васильевич Олсуфьев. На пост кабинет-секретаря он был назначен 19 октября 1758 г. Полно и основательно восстановить структурную организацию учреждения до штата 1786 г. весьма сложно, поскольку она не была определена нормативными документами.

В 1747 г. под управление Кабинета были определены Колывано-Воскресенские заводы. Для осуществления хозяйственно-распорядительных функций горнозаводского комплекса была создана Экспедиция Колывано-Воскресенских заводов.

Экспедицию долгое время, вплоть до своей кончины возглавлял управляющий императорским Кабинетом А. В. Олсуфьев. В 1784 г. для руководства по Экспедиции был определен член Кабинета генерал-майор П. А. Соймонов, который активно занялся как делами горнозаводским предприятий, так и реорганизацией самого структурного подразделения. На момент его назначения в Экспедиции находилось три сотрудника: 2 асессора и 1 регистратор. По новому штату А. П. Соймонова в Экспедицию должны были войти: асессор, секретарь, два регистратора и один горный офицер «для сочинения планов и разных вычислений для назначаемых работ при рудниках» [14, с. 49].

В Экспедицию Колывано-Воскресенских заводов входил актуариус[1] И. Железный (Железнов), а также Н. Ф. Скрипицын, в ведении которого находились дела и чертежи кабинетских заводов в Сибири. В 1757 г. по Экспедиции был определен Г.С. Качка «к обучению разделения серебра от золота, к пробному делу и прочим горным делам» [15, с. 48]. Долгое время при Кабинете находился асессор А. И. Порошин. Он был послан в 1751 г. в Санкт-Петербург с караваном выплавленного металла. После смерти А. Беэра в том же году, он был назначен главным

[1] Актуариус – в XVIII веке канцелярский служащий в государственном учреждении регистрирующий акты или их составляющий (БЭС. – 2-е изд. – М., 1997. – С. 29.)

командиром Колывано-Воскресенских заводов. По свидетельству И. Веймарна Порошин до 1761 г. находился «при Кабинете у исправления по Колыванской экспедиции дел» [31, л. 293].

Параллельно с формирование кабинетского хозяйство шел процесс структурной организации Экспедиции и всего учреждения. Примечательно то, что при наличии значительных сумм, до конца 60-х гг. XVIII в. не было строго контроля за ними и учета. По различным приходным статьям имелись задолженности. Так, в указе 19 июня 1768 г. говорилось, что за последние 18 лет (с 1750 по 1768 гг.) от Главной соляной конторы в «комнатную сумму» не поступило 926 954 руб. 63 коп. Для ясности в делах прихода и расхода денежных сумм кабинет-секретарю Железнову приказывалось вести приходные и расходные книги [26].

В 1779 г. под руководством И. Железнова была учреждена специальная Экспедиция для свидетельства счетов. В состав Экспедиции вошли один коллежский секретарь и два канцелярских служителя [27].

Еще одним структурным подразделением императорского Кабинета была Экспедиция о продаже мягкой рухляди. В 1763 г. по Манифесту 15 декабря был упразднен Сибирский приказ и все дела, связанные с привозимой из Сибири пушниной, а также доходы передавались в ведение Кабинета. В документе в частности говорилось: «Мягкой же рухляди, какая в том Приказе ведома была, повелеваем быть в ведомстве Нашего Кабинета, для чего и наличную ныне, так и прочие товары из того Приказа отдать в Наш Кабинет» [25].

Об учреждении специальной Экспедиции для управления и распоряжения новым хозяйством в нормативных документах. Упоминание о нем мы находим в сенатском указе 1775 г., в котором управляющий Кабинета А. В. Олсуфьев пояснял, что данная Экспедиция не является самостоятельным учреждением, а состоит под ведение Кабинета ее императорского величества.

Полную информацию о структурной организации учреждения дает штатное расписание 1786 г. [29] Кабинет ее императорского величества состоял из Канцелярии и экспедиций, которые курировали различные направления деятельности.

В штате были определены две счетные экспедиции: первая – «единовременно учреждаемой для 10-летних счетов, вступивших из разных мест ко двору Императорского Величества принадлежащих», вторая – «для рассмотрения счетов, вновь вступающих из Конторы строения домов и садов и из всех других мест, ко двору Императорского Величества принадлежащих».

Далее, в составе императорского Кабинета входили Экспедиция по Колывано-Воскресенским заводам, архив, отделения, заведовавшие «мягкой рухлядью», «товарной казенной» и гардероб императрицы.

Таким образом, Кабинет ее императорского величества, учрежденный Петром I в 1704 г. и восстановленный Елизаветой Петровной в 1741 г., на протяжении второй половины XVIII в. претерпел значительные изменения, как в функциональном, так и в структурном плане. Воссозданный как личная канцелярия при монархе, Кабинет в 1740–1750-х гг. приобрел статус главного органа в системе государственного управления, подчиненный непосредственно императрице. Процессу складывания кабинетской собственности положило начало передача под управление Кабинета Колывано-Воскресенских заводов. С этого времени в деятельности Кабинета начинает доминировать хозяйственно-финансовая функция. К середине 1780-х гг. Кабинет по существу становится учреждением, в ведении которого находились финансово-имущественные дела императрицы. Указ подписанный Екатериной II 16 июля 1786 г. стал законодательным оформлением изменившегося статуса и обязанностей императорского Кабинета.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бабич, М. В. Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет императорского величества / М. В. Бабич // Вестник Московского университета. – Серия 8: История. – М., 1998. – № 6.
2. Бабич, М. В. Кабинет императорского величества в XVIII веке: традиции и перспективы изучения / М. В. Бабич // Вестник Челябинского университета. Серия 7: Государственное и муниципальное управление. – Челябинск, 1998. № 1. – С. 35–36.
3. Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая В XVIII веке: В 2-х ч. – Ч. 1. / Ю. С, Булыгин. – Барнаул : Алтайск. гос. ун-т, 1997.
4. Готье, Ю. В. Происхождение собственного ее императорского величества канцелярии / Ю. В. Готье // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. – СПб., 1922.
5. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. доп. / Н. П. Ерошкин. – М., 1968.
6. Жеравина, А. Н. Очерки из истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX.) / Под ред. З. Я. Бояршиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.

7. Жидков, Г. П. Кабинетское землевладение (1747 – 1917 гг.). / Г. П. Жидков. – Новосибирск: Наука – Сибирское отделение, 1973.
8. Заозерский, А. И. Царская вотчина XVII века. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2-е изд. / А. И. Заозерский. – М., 1937.
9. История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911. – СПб., 1911. – Т.2.
10. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II //Государственные учреждения России XIV-XVIII вв. /Под ред. Н. Б. Голиковой. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
11. Карпенко, З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. / З. Г. Карпенко. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отделения АН СССР, 1963.
12. Кислягина, Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II / Л. Г. Кислягина // Государственные учреждения России XIV-XVIII вв. /Под ред. Н.Б. Голиковой. – М., 1991.
13. Контева, О. Е. Владельческая принадлежность Колывано-Воскресенских горно-металлургических предприятий во второй половине XVIII в.: историография вопроса. / О. Е. Контева //Краеведческие чтения, посвященные 80-летию С.Е. Черных: материалы международной научно-практической конференции /Под ред. Аубакиров А. А. – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 71–76.
14. Кричевцев, М. В. Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в. Диссертация… канд. ист. наук. / М. В. Кричевцев. – Екатеринбург, 1994.
15. Кричевцев, М. В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III: Исторический очерк. / М. В. Кричевцев. – Новосибирск, 1993.
16. Кричевцев, М. В. Колыванское золото и серебро в Кабинете Елизаветы Петровны и Петра III / М. В. Кричевцев // Роль Сибири в истории России. – Новосибирск, 1993. – С. 30–37.
17. Кричевцев, М. В. Управление Богословским горным округом в 1791 – 1796 гг. (опыт внедрения кабинетской системы хозяйственного управления) / М. В. Кричевцев // Уральский исторический вестник № 3. – Екатеринбург, 1996. – С.79–90.
18. Кричевцев, М. В. П. А. Соймонов и реформа управления кабинетским хозяйством в Сибири в 1785–1786 гг. / М. В. Кричевцев // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–

XX веков. Материалы научной конференции. Вып. II. – Новосибирск, 1997. С. 21–25.
19. Кричевцев М. В. Императорский Кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха. 1741–1801 / М. В. Кричевцев. – Новосибирск : НГУ, 2007.
20. Павленко, Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. / Н. И. Павленко. – М., 1953.
21. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – (ПСЗ РИ) – I. Т. VII. № 4548.
22. ПСЗ РИ – I. Т. VII. № 4954.
23. ПСЗ РИ – I. Т. VII. № 4680.
24. ПСЗ РИ – I. Т. XIII. № 9903.
25. ПСЗ РИ – I. Т. XVI. № 11989.
26. ПСЗ РИ – I. Т. XVIII. № 13136.
27. ПСЗ РИ – I. Т. XX. № 14888.
28. ПСЗ РИ-I. Т. XXII. № 16415.
29. ПСЗ РИ – I. Т.XLIV. Ч. 2. Книга штатов. Отделение IV. К № 16415. С. 199–200.
30. Рафиенко, Л. С. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. / Л. С. Рафиенко // Вопросы истории Сибири досоветского периода. (Бахрушинские чтения, 1969). – Новосибирск, 1973. – С. 219–233.
31. РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23.
32. Соболева, Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): Управление и обслуживание. / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997.
33. Сорокин, М. Е. Горнозаводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири в 1747–1779 г.: Автореф. дис. канд. ист. наук / М. Е. Сорокин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1965.
34. Строев, В. Н. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества (1704 – 1904) / В. Н. Строев. – СПб., 1911.
35. Филиппов, А. Н. Правительственная олигархия после Петра Великого / А. Н. Филиппов // Русская мысль. – 1894. – Кн. 1, 8, 9. – С. 27–37.
36. Щеглов, В. Г. Государственный Совет в России в особенности в царствование Александра I: историко-юридическое исследование. Вып.1. / В. Г. Щеглов. – Ярославль, 1895.

ТЕРРИТОРИЯ РУДНОГО АЛТАЯ НА КАРТАХ И РИСУНКАХ XVII–XIX ВВ.

И. Б. Каланчина

Понять и оценить происходящие исторические перемены можно, изучая и анализируя первоисточники. На их основании прослеживается ход событий. Но имеющиеся источники не всегда дают представление о том, как выглядела та или иная территория в конкретный исторический период. И здесь огромную роль играют карты, атласы, рисунки путешественников и исследователей, донесших до нашего времени бесценные изображения, с помощью которых мы изучаем и понимаем прошлое. Эти раритетные документы дают нам возможность увидеть то, что видели первопроходцы, посмотреть на некоторые места «их глазами», тем более что многие исторические памятники не сохранились до настоящего времени.

Каким виделся Рудный Алтай исследователям XVII-XIX вв.? Прежде чем отвечать на этот вопрос, определим само понятие – Рудный Алтай. Современная территория Восточно-Казахстанской области, если оперировать географическими понятиями, это юго-западная Сибирь, а геологическими – Рудный Алтай. Если быть точнее: Рудный Алтай – это особая геолого-географическая зона, включающая в себя западные предгорья Алтайской горной системы с Верхним Прииртышьем. Понятия «Рудный Алтай», «Монгольский Алтай» и «Горный Алтай» были введены в научный оборот геологом Б. К. Катульским в 1916–1917 гг. [1, с. 22].

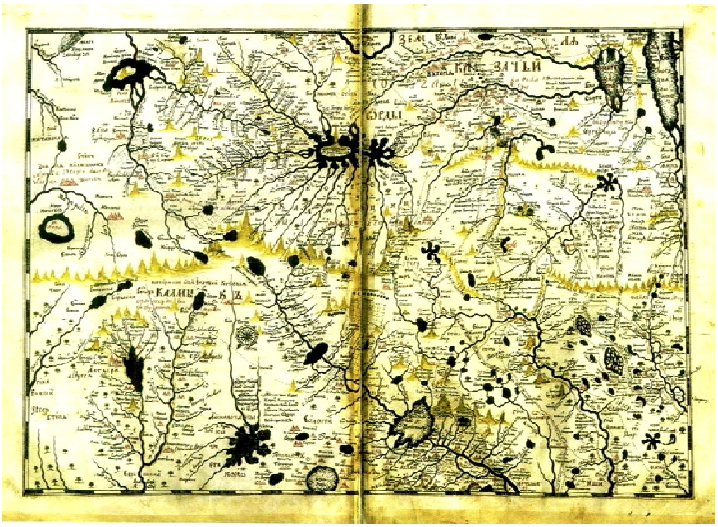
С глубокой древности Рудный Алтай являлся своеобразной контактной зоной племен и народов, заселявших равнины лесостепного Алтая, степи Казахстана, Горный Алтай. [1, с. 22]

Еще в первой четверти XVII в. была сделана первая попытка составить чертеж всей Сибири. Но чертеж 1629 г. не сохранился. О том, что существовала общая карта Сибири, есть указание в статейном списке посольства Василия Богдановича Лихачева к флорентийскому герцогу Фердинанду в 1659 г. Надо полагать, что, он и, так называемый,

«Годуновский» чертеж послужили источником для географических сведений о Сибири для последующих картографов.

Среди дошедших до нашего времени источников, на которых изображена территория Рудного Алтая, – рукописный атлас «Чертежная книга Сибири» Семена Ульяновича Ремезова – основоположника инженерной графики Урала и Сибири, архитектора и строителя, художника и писателя-историка. Работа Ремезова с сыновьями – Семеном, Леонтием и Иваном над атласом длилась с 30 января 1699 г. по 1 января 1701 г. Рукопись С. У. Ремезова начинается словами: «Чертежная книга учинится по приказу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, всей Сибири и городов и земель налично описанием с прилегающими жительствы, в лето от создания света 7209-го от Рождества Христова 1701 году, января в 1 день». В атласе, как и в некоторых других чертежах XVII в., север изображен внизу чертежа, юг – наверху, восток – налево, запад – направо. Никакой градусной сетки нет. Ценность «Чертежной книги Сибири» состоит в том, что впервые С. У. Ремезов отобразил в своем атласе территорию Рудного Алтая. Атлас давно приобрел всемирную известность как драгоценный историко-географический памятник и является бесценным краеведческим материалом.

Рукописный атлас содержит «снискательное изображение наличие всей Сибирской стране 23-х чертежей градов и сел русских и волостей ясашных туземец, всяких урочишь, рек, озер, и лесов, и степей калмыков, и немирных родов кочевых орд, с прилежащими землями соседских жилищ и городов внутренней Сибири и украин». Первый русский географический атлас отличается обилием и детальностью сведений и подводит итог накопившимся к тому времени географическим материалам. Листы атласа не были точной картой, а, скорее, рисунками с относительной степенью достоверности.



Для казахстанских исследователей особое значение имеет «Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи», где территория Рудного Алтая обозначена как казачьи орды. [4, с. 21]

XVII-XVIII века стали временем активного освоения малоизученных сибирских земель.

В 1720 г. майором Иваном Лихаревым в месте слияния рек Ульбы и Иртыша была заложена Усть-Каменогорская крепость, ранее называвшаяся Усть-Каменной, она стала крайней южной оконечностью Иртышской укрепленной линии, которая возводилась по указу Петра I для укрепления рубежей и разведки месторождений золота в верховьях Иртыша. Возводил крепость инженер Летранже. Первая крепость была деревянной, была окружена довольно высокими валами и частоколом. В крепости располагались казармы для солдат, военный госпиталь, квартиры военачальников. После нескольких пожаров в 1766 г. была построена новая каменная крепость с каменным валом и рвами. В крепости стали располагаться тюрьма с караульной, винный погреб и магазин [6].

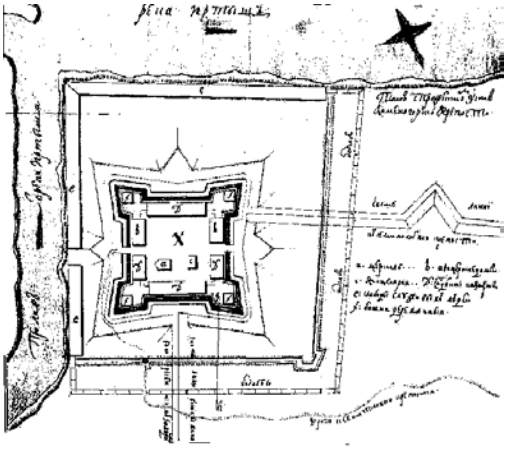


Рисунок 1 *– План Усть-Каменогорской крепости (1765?)*
Впервые крепость Усть-Каменогорская появляется на карте 1745 г.

Одним из первых русских художников, кто посетил наш край и занял заметное место в истории русского искусства, был Емельян Корнеев (1780–1839 гг.).

Емельян Михайлович происходил из мещан Хорольского уезда Полтавской губернии. С 1788 по 1800 гг. он обучался в Петербургской Академии художеств. За успехи в обучении Корнеев был оставлен при Академии пенсионером. Он был в числе четырёх лучших, награждённых первыми золотыми медалями, а также правом отправиться в заграничную поездку для усовершенствования навыков писания.

Рисунок 2 *– Корнеев Е. М. Вид крепости Усть-Каменогорская. Акварель, белила, тушь, перо. 1802.*

В 1802 г. Корнеев входит в экспедицию, снаряженную по личному приказу Александра I, с целью объехать для «военно-стратегического

осмотра» Азиатскую и Европейскую Россию. 25 февраля 1802 г. Корнеев отправляется «по России, Сибири и в чужие края для снятия видов и костюмов разных народов». Экспедиция должна была посетить разбросанные в различных частях воинские подразделения. Художник побывал в самых отдалённых уголках Сибири. Тогда он и написал акварели «Несчастные каторжники на работах по благоустройству Усть-Каменогорской крепости», «Каторжники, работающие на соленых озерах», «Вид Петропавловской крепости на Ишимской линии». Эти работы хранятся в отделе графики Государственного исторического музея [5].

Несомненный интерес представляют труды Григория Ивановича Спасского (1783–1854) – горного инженера, востоковеда-историка, археолога, издателя, члена-корреспондента Академии наук, почетного библиотекаря Публичной библиотеки Санкт-Петербурга. Г. И. Спасский участвовал в горно-геологических экспедициях в Сибирь (Красноярский край, Алтай и др.), на юг России, в разработке Бухтарминских рудных приисков. Свою службу по горной части всегда совмещал с занятиями историей, археологией, этнографией, с журналистской деятельностью. Спасский являлся издателем журналов «Сибирский вестник» (1818–1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827), в которых печатались и многочисленные статьи самого Спасского.

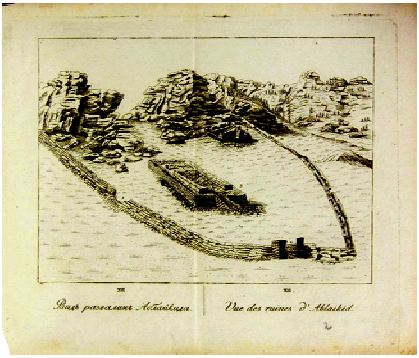


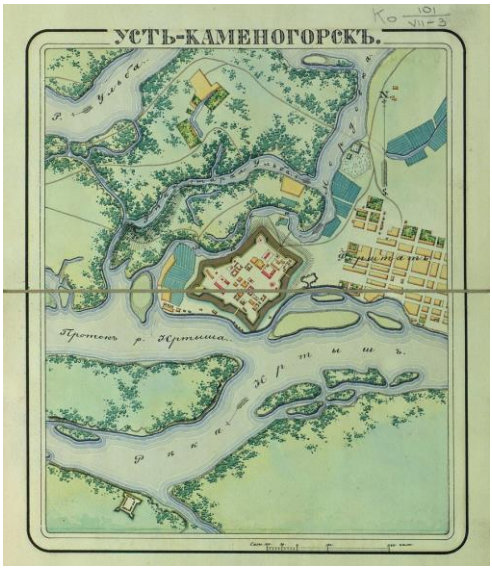
Рисунок 3 *– Вид развалин Абайкида (так обозначено в источнике)*

В № 3 журнала «Сибирский вестник» за 1818 г. он опубликовал статью «О древних развалинах Сибири», приложением к которой явился «Альбом видов, чертежей зданий и древних надписей Сибири». Среди рисунков вид уже в то время разрушенного буддистского храма Аблаинкит, а также Бухтарминской крепости [7, с. 2, 5].

Рисунок 4 *– Вид Бухтарминской крепости в Сибири*

Крепость Усть-Каменогорская побыва ла станицей, а затем и уездным городом. Лишь в 1868 г. Усть-Каменогорск получил статус города.

Вот таким представлен план Усть-Каменогорска с пометкой «3 класса» в «Атласе планов крепостей Российской Императорской Армии», изданном примерно в 1830–1840 гг. [3, С.3] На тот момент Усть-Каменогорску было более 100 лет.



Исторические события находят свое отражение на картах и рисунках, которые являются уникальным источником получения знаний о прошлом. По ним можно проследить динамику роста и изменения городов. Несомненно, картографические изображения явились одной из важных предпосылок для дальнейшего активного освоения региона, изучения его уникальной природы и богатств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехин, Ю. П. Рудный Алтай в древности и в Средневековье / Ю. П. Алехин // Серебряный венец России. – Барнаул, 2003. – С. 22–67.
2. Андреев, А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век

/ А. И. Андреев. – СПб. : Изд-во Главсевморпути, 1940. – 184 с.
3. Атлас планов крепостей Российской Императорской Армии (примерно 1830–40 гг.). – 130 с.
4. Глазкова, Е. И. Редкий фонд научной библиотеки ВКГУ имени С. Аманжолова / Е. И. Глазкова. – Усть-Каменогорск : Изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2009. – 95 с., [4] л.; ил.
5. Золотарев, Д. Е. Художник Е. М. Корнеев в Сибири и на Алтае в 1802 г. / Д. Е. Золотарев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://new.hist.asu.ru/biblio/borod2/69-331.html
6. Матвеев, А. Семь древних крепостей, ставших тюрьмами / А. Матвеев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://smartnews.ru/articles/17437.
7. Спасский, Г. И. Альбом видов, чертежей зданий и древних надписей Сибири : [приложение к работе автора «О древних развалинах Сибири» в журнале «Сибирский вестник», 1818 г., №3] / [Г. И. Спасский]. – [1818]. – 7 л.; ил.
8. Шилов Л. А. Спасский Григорий Иванович / Л. А. Шилов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/nlr_history/history/info.php?id=172

АЛТАЙ В ПОЛЬШЕ. ПОЛЯКИ В ИСТОРИИ АЛТАЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

И. Н. Никулина
В. Резмер

Десятки лет поляки интересуются Сибирью, что сопровождается невероятным сочетанием правды, полуправды, стереотипов и мифов в географическом, культурном, историческом отношениях. Подавляющее большинство уверено, что Сибирь – это экзотическая территория огромной протяженности, расположенная на востоке России, безлюдная и неприветливая, заросшая огромными лесами (тайгой), покрытая вечным снежным покровом и с трескучими морозами. Немногие могут показать географическое расположение Сибири. Из современных школьных и вузовских учебников, популярных энциклопедических изданий, средств массовой информации известно, что Сибирь является частью азиатской территории Российской Федерации (ранее царской России и Советского Союза), которая занимает около 10 млн. кв. км и

охватывает Западно-Сибирскую и Северо-Сибирскую низменности, Средне-Сибирскую возвышенность и горы Алтая, Саян, Верхоянска.

Многие поляки не имеют представления о том, что Сибирь является неоднородной в географическом, национальном, языковом, конфессиональном, административном, экономическом отношениях. Для современного поляка Сибирь является такой же, как и в XIX в. Тогда появился термин «сибиряк» – политический заключенный, сосланный в Сибирь, тот, кто был в изгнании в Сибири.

Последнее значение термина «сибиряк» особенно крепко сидит в памяти поляков. Это связано с тем, что десятки тысяч поляков последние три века попадали за Урал. Прежде всего, это были поляки, наказанные сибирской ссылкой властями царской России, а позднее депортированные в советский период. Впервые поляки появились в Сибири как военнопленные в первой половине XYII в. Однако история польских сибиряков начинается после неудачи барских конфедератов в 1768 г. Специальным указом Екатерины II за Урал принудительно было выслано около 14 тыс. человек, освобожденных только в 1773– 1781 гг.

Следующая волна ссыльных, участвовавших в заговорах и восстаниях, была в 30–40-х гг. XIX в. Образы нескольких тысяч борцов за независимость, сосланных в Сибирь до середины XIX в., представлены в совместной работе польских и российских историков – словаре, изданном в 1998 г. [5]. Наибольшее число поляков прибыло в Сибирь в результате поражения Январского восстания 1863–1864 гг. Подсчитано, что в этот период было сослано около 38 тыс. участников восстания и лиц, поддерживающих его. Значительно меньшая по численности волна ссыльных деятелей освободительного движения, в основном членов польских социал-демократических и рабочих партий, появилась в Сибири в конце XIX в.

Польские ссыльные, очень часто всесторонне образованные люди, внесли значительный вклад в цивилизационное развитие Сибири. Среди них можно назвать Б. Дыбовского, Я. Черского, Б. Пилсудского, А. Чекановского, В. Годлевского и др.

Хотя в Польше менялись сочетания, связанные с сибирской трагической судьбой, прежде всего, это была каторга, марши по этапу, кандалы, печаль и тоска по родине, позднее – примитивные железнодорожные вагоны, продовольственные пайки, ужасный холод, болезни, изнуряющая работа в лагерях и местах принудительного поселения – все это имело мрачный «черный смысл». В Польше стереотип Сибири был и остается однозначно негативным.

В 1996 г. В. Кравчинский из Кракова и А. Кучинский из Вроцлава начали издавать журнал «Ссыльный». В журнале представлены исследования польских авторов, а также российских из Абакана, Барнаула, Иркутска, Южно-Сахалинска, Новосибирска, Омска, Тюмени, Томска. Данное издание значительно дополнило знания в области истории, существенно расширяя представления польских читателей о Сибири в целом. Журнал получил широкое распространение, его экземпляры имеются в различных библиотеках.

Естественно, что в условиях, когда поляки не имеют объективных представлений о Сибири, многие из них не слышали вообще об Алтае.

Правдивые знания об Алтае начали передаваться полякам в последнее десятилетие XIX в. Тогда в Варшаве появился первый том «Большой универсальной иллюстрированный энциклопедии», в которой три статьи были посвящены Алтаю. Научных публикаций было немного. Среди них можно назвать историю ссыльного ксендза Я. Хыличковского «Сибирь в отношении этнографическом, административном, сельскохозяйственном и промышленном», Г. Крахмера, Ю. Талко-Хрынцевича, В. Студницкого [4, с. 143–146].

В межвоенный период Алтаем в широком смысле слова никто не интересовался. О нем упоминалось только, когда касались темы Сибири. Серьезным результатом являются исследования Сибири А. Кучинского, проводившиеся с 70-х гг. XX в. Среди наиболее значимых достижений Кучинского следует назвать книгу «Сибирь. 400 лет польской диаспоры», являющуюся первым результатом профессионального изучения истории польско-сибирских отношений, в котором упоминается об Алтае и поляках [2]. Большой интерес представляет монография А. Кучинского «Поляки в Казахстане. Ссылки, наследие, надежда, возвращение», содержащая сведения о судьбах польских ссыльных и добровольных переселенцах в Усть-Каменогорске, входящим в состав Алтайского горного округ в XIX в. [3].

Систематическая информация о горах Алтая, об Алтайском крае и проживающих здесь народах имеется практически во всех энциклопедиях.

Имена и судьбы поляков, находившихся на Алтае, можно найти благодаря словарям и монографиям. Среди важнейших из них можно с уверенностью назвать словарь В. Сливовской «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX в», в котором содержатся биографии польских политических ссыльных, находившихся в Сибири в период 1815–1856 гг. [5]. Стоит также обратиться к работам А. Брус,

Е. Качинской [6], Б. Ендрыховской [1], рассматривающих пребывание в ссылке поляков, в т.ч. и находившихся на Алтае.

В последнее время тема Алтая появляется в польской литературе с более привлекательной стороны. Среди таких изданий можно назвать работу В. Гжелака, рассматривающего две административные единицы: Алтайский край и Республику Алтай, – подробно освещающего Бийск [4, с. 154–156].

Сейчас большинство поляков узнают о мире из Интернета, в т. ч. и об Алтае, Республике Алтай, о поляках, там проживающих. Алтай становится модным в Польше. Туристы, стремящиеся к контактам с дикой природой, заинтересованы в поездках в Алтайский край и Горный Алтай.

Огромную роль в вопросе понимания сущности Сибири и Алтая должен сыграть Музей памяти Сибири, открытие которого планируется в 2016 г. в Белостоке. В музее будут представлены экспозиции, связанные с вывозом польского населения на Восток, в т. ч. в Сибирь в 1939–1941 гг., ссылкой поляков периода царской России, а также добровольным переселением поляков в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. Предполагается представление большого количества оригинальных экспонатов: документов ссыльных и депортированных, личных вещей, игрушек, атрибутов религиозного культа, изданных в Сибири книг и брошюр, календарей, тетрадей, записок, воспоминаний, фотографий. Думается, что в экспозициях музея найдется место и для поляков, находившихся на Алтае.

Поляки сыграли заметную роль в истории Алтая, внеся свой вклад в развитие региона. Примечательно, что одним из первых на Алтае побывал Петр Сабанский (польского происхождения), дошедший в 1633 г. с отрядом казаков от Кузнецка до реки Бии и Телецкого озера, и совершивший второй поход к Телецкому озеру в 1642 г.

Начиная с XIX в. на Алтае находились польские политические ссыльные, их численность особенно возросла после восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском. Со второй половины XIX в. увеличилось количество добровольных переселенцев, среди которых были и поляки, в т.ч. направляемые на службу (чиновники, военные). Новая волна польских переселенцев на Алтай была связана с массовой депортацией населения Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики в 1940–1941 гг.

Поляки Алтая внесли заметный вклад во всестороннее развитие региона. К сожалению, об Алтае в Польше известно очень мало, что дает основание для различных мифов. В России также немногие знают,

что на Алтае находились поляки, жизнь и деятельность которых оставила значительный след в истории края.

Алтай как собственность царя и Кабинета Е. И. В. находился в особом положении, что послужило причиной его закрытия для ссылки, которая была запрещена законами Правительствующего Сената от 22 января 1762 г., от 29 апреля 1776 г., Высочайшими повелениями от 18 июля 1808 г. и 26 февраля 1862 г., запрещавшими водворять ссыльных всех категорий.

Однако все препоны, возводимые администрацией Кабинета, не могли полностью оградить округ от ссылки. В исключительных случаях ввиду различных обстоятельств с учетом особого положения Алтая сюда допускались политические ссыльные, в т. ч. и польские. Польская политическая ссылка на Алтае в XIX в. была представлена ссыльными членами Общества военных друзей в Белостоке, участниками Ноябрьского восстания 1831 г. в Царстве Польском, ссыльными римско-католическими священниками конца 30-х гг. XIX в., участниками Январского восстания 1863 г. в Царстве Польском, ссыльными членами революционных кружков, партии «Пролетариат» 80–90-х гг. XIX в. В целом, по нашим подсчетам на протяжении XIX в. на Алтае находилось 373 польских ссыльных.

Находясь в изгнании, поляки были вынуждены заниматься разносторонней деятельностью, внося тем самым свой вклад в экономическое и культурное развитие региона. Несомненно, их научное изучение Алтая, педагогическая деятельность, занятия ремеслами, торговлей, пчеловодством оказали значительное влияние на жизнь края [7].

Поляки, находившиеся на Алтае, занимались предпринимательством. Их деятельность в колбасном и кондитерском производстве, пивоварении, торговли, сельском хозяйстве, включая молочное животноводство и маслоделие, способствовала экономическому развитию региона [11].

В последнее время все более актуальными становятся исследования по истории диаспоральных сообществ, в т. ч. польской диаспоры [12]. Этому в немалой степени способствует проведение международных научно-практических конференций, материалы которых затрагивают различные аспекты и направления научных исследований многообразной истории поляков в регионе. Несомненно, конструктивный диалог между российскими и польскими учеными является основой для дальнейшего сотрудничества.

Немало важнейших вопросов еще требуют своего разрешения. К их числу относятся непосредственное участие и вклад поляков в экономическое и культурное развитие Алтая, составление биографий наиболее выдающихся лиц польского происхождения, изучение их разносторонней деятельности в сфере производства, науки, искусства и причастности к событиям, происходившим в стране.

Новые горизонты для изучения темы, несомненно, дает освещение вопроса синтеза культур на примере местного населения Алтая и поляков, находившихся здесь, их роли в культурно-просветительской деятельности и общественной жизни региона, что будет способствовать формированию объективного отношения, внесению корректив в традиционный стереотип и образ Сибири (и Алтая) как места изгнания и дикости. Именно культура, как известно, выступает мощным связующим звеном между народами, влияя на облик их взаимоотношений. Поэтому вопросы взаимовлияния и взаимоотношений различных культур, обусловленные совместным проживанием, тесными и постоянными контактами нуждаются в подробном и тщательном исследовании.

Большой интерес вызывает изучение духовной жизни населения, религиозно-конфессиональной проблематики, взаимодействие религии и общества, приобретающее особое значение в современных условиях. В связи с этим становится очевидна актуальность исследования общей картины религиозной жизни населения Алтая, отношений Русской Православной и Римско-Католической Церквей.

Следует подчеркнуть, что многовековая история Сибири (и Алтая) складывалась как история многонационального и достаточно веротерпимого края, что являлось важнейшей особенностью сибирского общества. Несомненно, совместное проживание, общение, деятельность оказывали воздействие на людей по линии взаимной адаптации друг к другу, сближали их, хотя и не искореняли полностью различий. Особый интерес в связи с этим приобретают исследования процессов адаптации и положения поляков в местном обществе, взаимоотношения с администрацией, заключения смешанных браков.

Именно сейчас, когда человеческому фактору в истории и культуре уделяется все большее внимание, необходимо приступить к созданию целевых публикаций по истории поляков на Алтае, изданию библиографического справочника, содержащего информацию о поляках, внесших конкретный вклад в развитие Алтая и оставивших заметный след в истории края.

Попытка решения вышеперечисленных проблем впервые была предпринята коллективом исследователей при реализации проекта

Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» «Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.)» [10], в результате которого были изданы сборник научных статей «Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.)» [9] и научно-популярный справочник-информатор «Поляки на Алтае» [8]. В первом издании на основе изучения и анализа широкого круга источников рассматриваются вопросы истории поляков на Алтае, их портреты и судьбы, участие в культурной жизни региона. Во втором издании представлены имена известных ученых, врачей, государственных служащих, предпринимателей, деятелей культуры, искусства, памятные места, связанные с пребыванием поляков, полонийные организации края.

Вышеназванные работы, несомненно, призваны содействовать популяризации в России и Польше имеющихся знаний о жизни и деятельности поляков на Алтае. Следует особо отметить, что в издании сборника научных статей приняли участие ученые России (Барнаул, Новосибирск), Республики Польша (Вроцлав, Торунь), Республики Казахстан (Усть-Каменогорск) как сопредельной с Алтаем территории.

Безусловно, данная тематика предполагает дальнейшее продолжение изучения с расширением круга рассматриваемых вопросов и создания обобщающих работ при участии ученых России, Польши, Казахстана, а также привлечение всех заинтересованных лиц к обсуждению предмета исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jędrychowska, B. Polscy zesłańsy na Syberii 1830–1883. Działalność pedagogiczna, óswiatowa i kulturalna / B. Jędrychowska. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. – 240 s.
2. Kuczyński, A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory / A. Kuczyński. – Wrocław : Atla 2, 1998. – 436 s.
3. Kuczyński, A. Polacy w Kazachstanie. Zesłańia-dziedzictwo-nadzieje-powroty / A. Kuczyński. – Krzeszowice: wydawnicnwo «Kubajak», 2014. – 544 s.
4. Rezmer, W. Ałtaj w pamięci Polaków/ W. Rezmer // Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.). – Барнаул : Алт. дом печати, 2013. – С. 140–158.
5. Śliwowska, W. Zesłańcy polscy w Jmperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny / W. Śliwowska. – Warszawa : Wydawnictwo Dig, 1998. – 835 s.

6. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach polaków 1815–1914 / oprac. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. – 438 s.
7. Никулина, И. Н. Ссыльные поляки на Алтае в XIX в. / И. Н. Никулина// Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.) – Барнаул : Алт. дом печати, 2013. – С. 29–46.
8. Поляки на Алтае / под ред. И. Н. Никулиной, Н. Г. Павловой. – Барнаул : Алт. Дом печати, 2013. – 64 с.
9. Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.) /под ред. И. Н. Никулиной, Н. Г. Павловой – Барнаул: Алт. Дом печати, 2013 – 174 с.
10. Работа выполнена при финансовой поддержке фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» (проект «Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.» № 2013 РП 001).
11. Скубневский, В. А. Предпринимательство поляков на Алтае во второй половине XIX – начале XX века / В.А. Скубневский // Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XYIII–XXI вв.) – Барнаул : Алт. дом печати, 2013. – С. 6–13.
12. Шайдуров, В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX - начала XX в. / В. Н. Шайдуров. – СПб. : Изд-во Невского института языка и культуры, 2013 – 260 с.

УЧАСТИЕ ШЛЯХТЫ В ПОВСТАНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В 1863 Г. В СВЕТЕ РАПОРТОВ ГУБЕРНАТОРОВ В ЗАПАДНЫЙ КОМИТЕТ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ВИТЕБСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ[1]

Д. Михалюк

Вступление на трон Александра II предвещало долгожданные реформы и либерализацию внутренней политики. Это событие оживило надежды на перемены к лучшему у многих слоев населения Российской империи. В то же время усиливалось политическое стремление добиться демократизации государственного строя. В Польском королевстве возрастали патриотические настроения, а желание бо̀льших политических свобод в результате переродилось в патриотическое движение среди некоторой части шляхты и мещанства, позднее охватившее Литву и Беларусь. Были поставлены амбициозные цели по возврату государственности Речи Посполитой в границах до первого раздела 1772 г. Осмотрительная политика партии белых, которая делала ставку на органичную работу и сотрудничество с правительством, конкурировала со стратегией красных, стремящихся к незамедлительной организации восстания.

Существенную роль в повстанческих планах Центрального национального комитета играли Литва и Беларусь, которые на первом этапе операции должны были стать своего рода буфером, не допускающим в Польское королевство военную помощь из восточных гарнизонов. Это должно было осуществится благодаря захвату линий связи в Литве, Беларуси и Подляшьи. План действия для повстанческих отрядов на этих территориях был разработан З. Падлевским, офицером, членом тайного офицерского кружка, основанного в Петербурге талантливым офицером генерального штаба З. Сераковским. Он по распоряжению Литовского провинциального комитета также стал командующим восстания на Литве [1, s. 151]. Они оба вращались в российских демократических кругах и видели перспективу в объединении сил в борьбе за изменение

[1] Научная работа финансирована в рамках программы министра науки и высшей школы – «Национальная программа развития гуманитарных наук» в 2012-2015 годах, грант № 0156/FNiTP/H12/80/2011

строя в империи. План З. Падлевского предполагал, что несколько повстанческих формирований захватят железнодорожные пути по направлениям Варшава-Гродно-Динабург-Петербург и Варшава-Брест-Москва, а также будут контролировать гравийные дороги [1, s. 115]. По планам повстанцев стратегически важной территорией должна была стать северная часть Литвы. Это было связано с тем, что доступ к побережью Балтийского моря давал возможность доставлять оружие и помощь из заграницы через местные морские порты. Предполагалось, что после быстрого взятия под контроль Польского королевства повстанцами, антиправительственные действия будут передислоцированы на литовско-белорусские земли.

Несмотря на то, что был разработан план по привлечению в повстанческое движение разных социальных групп, отношение к вооруженному движению, в большинстве своем однородного с точки зрения национальности и вероисповедания населения Польского королевства, было неоднозначным, а среди крестьян либо безразличным, либо вовсе враждебным. В этой ситуации не помогли даже декларации партии красных о проведении радикальных сельскохозяйственных реформ. Еще более сложная этническая ситуация была на территориях Литвы и Беларуси, что тоже определяло различную интенсивность повстанческой активности, а также объясняло более решительные действия государственных властей на этих землях. С одной стороны, Польское королевство являлось для Петербурга специфической, но все же отдельной провинцией, присоединение которой царем Александром I не было полностью одобрено в среде правительственной элиты, с другой – столица ни в коем случае не могла позволить себе потерять западные территории, присоединенные непосредственно к империи. Уже со времен Екатерины II Литва, Беларусь и Украина позиционировались как русское наследие, вырванное из рук поляков и латинского влияния. В действительности, это отражалось в кропотливо отстраиваемой официальной идеологии, в которой большую роль сыграли русские историки, доказывающие право России на Литву, Беларусь, Украину и Лифляндию [2]. События 1863–1864 гг. на этих землях можно интерпретировать как очередной этап проявления польско-русского соперничества за литовско-белорусско-украинские земли, которые, в зависимости от принятой параллаксы, считались либо восточными окраинами Речи Посполитой, либо западными рубежами Российской империи. В середине XIX в. эта борьба уже приобрела новый характер, который соответствовал зарождающимся тогда национальным процессам. Это уже не было лишь соперничество за территорию и подданных, тут также имела

место борьба идеологий. В этих действиях важную роль играло просвещение, культура, память о историческом наследии, пропаганда, ведущаяся в разных сферах общественной жизни. Некоторая часть российских просветителей и политических деятелей предписывала делать шаги в сторону русификации школ и ограничения польского влияния при помощи проведения пророссийской исторической политики. Также представляли собой угрозу развивающиеся национальные движения, началась борьба с литовской и белорусской письменностью. Враждебно воспринималась деятельность римско-католического костела, хотя официально он дистанцировался от революционного движения, в том числе и от восстания 1863 г. Однако неофициально духовенство патронировало патриотические манифестации, зачитывало в костелах распоряжения повстанческих властей и даже входило в состав повстанческих отрядов. Российское правительство особенно сильно опасалось пропаганды идеи возврата униатства в Беларусь, в свою очередь это являлось одним из лозунгов партии красных в Литве, который был направлен на вовлечение в повстанческое движение белорусских крестьян во имя защиты веры отцов. Прежде всего, римско-католический костел обвинялся российскими идеологами в изменении цивилизационного развития в прошлом русских земель. В российской публицистике того периода и в работах российских историков укоренились негативные оценки последствий включения русских земель (Беларуси, Украины, Подолья, Волыни) в состав Великого княжества Литовского. Особенно критиковалась христианизация Литвы в латинском обряде, заключение Люблинской унии интерпретировалось не только как политический союз Гедиминовичей с Польским королевством, но и как широко открытая дверь для латинского влияния и вестернизация русских земель. Правителей того времени спустя столетия стали обвинять в сознательных действиях, направленных на изменение цивилизационного ориентира и ограничения роли православной церкви в Великом Княжестве Литовском. Результаты Люблинской унии заключенной в 1569 г. российской историографией оценивались исключительно негативно. Ее последствия связывали с заключением Брестской церковной унии в 1596 г., созданием униатской церкви и ограничением роли православия, а также препровождением на территорию Литвы и Беларуси иезуитского ордена [3]. Роль последнего в укреплении латинских влияний интенсивнее всего подвергалась критике (хотя орден, ликвидированный в Европе, благодаря поддержке Екатерины II сохранился только в России). Поэтому, если Александр II и правительство относились к Польскому королевству как к польской земле и до определенного момента были

готовы на уступки в сфере культуры и образования, то совершенно иное отношение было к Литве и Беларуси. Данные земли, не принимая во внимание этнический состав, а также пробуждающиеся национальные потребности белорусов и литовцев, считались русскими, связанными с Россией русским историческим наследием, возвращенные по историческому праву. На эти убеждения опиралась созданная в 40-е годы XIX в. официальная идеология, которая сформировала понятие «западнорусизм», предполагающий, что русский народ состоит из трех этнических ветвей: великорусы, белорусы и малорусы [4, с. 7]. Этой теории была подчинена образовательная система на белорусских землях, особенно, когда во главе Виленского учебного округа стал представитель официальной российской идеологии и западнорусизма И. Корнилов [5]. Он являлся весьма плодовитым публицистом, поглощённым пропагандой идеи русификации Литвы и Беларуси.

Религиозный аспект, соперничество идеологий между православной церковью и римско-католическим костелом на Литве и Беларуси проявлялись очень сильно, а начинания духовенства обеих религий были адресованы белорусскому населению двух вероисповеданий. В пяти западных губерниях: Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской и Минской белорусы представляли количественное большинство. Однако на протяжении столетия процесс литвинизации, полонизации, русификации привел к тому, что в XIX в. белорусы были лишены шляхетской и мещанской элиты, что повлияло на интенсивность национальных процессов и замедлило трансформацию в современную нацию. Русские на этих территориях доминировали в политическом аспекте, но культурная элита состояла из помещиков, правда исторически, происходящая от белорусских и литовских родов, которые лишь в XIX в. стали взращивать идеи уже польской культуры. Стоит отметить, что сами себя помещики чаще всего называли «Литвинами», но не в этническом, а в историческом значении, которое несло в себе определение гражданской принадлежности к землям Великого Княжества Литовского, т. е. Литвы и Беларуси. Таким образом, подчеркивалось также определенное традиционное отличие от Польского королевства и поляков, живущих на Висле. Подобная традиция политического обособления иногда ошибочно интерпретируется как стремление к сепаратизму, чего в период январского восстания не могло быть. Литва и Беларусь стали на борьбу с царизмом под лозунгом: «Рядом с Орлом знак Погони». Но данное территориальное обособление не касалось высокой культуры. Жители большинства помещичьих дворов, особенно те, которые остались в католицизме, культивировали память

о прекрасном прошлом Речи Посполитой, заботились об образовании своих детей на польском языке и выписывали польские книги и журналы. Необходимо также отметить, что владение польским языком здесь укоренилось не только благодаря домашнему образованию, но также благодаря введению царем Александром I в 1803 г. польского языка в образовательную программу во всем Виленском учебном округе. Однако оставалось фактом то, что «белорусские и литовские поляки», даже культивирующие память о прошлом Речи Посполитой, генеалогически, культурно и ментально, а часто даже певучестью произношения, отличались от польской шляхты и помещиков в Польском королевстве.

Привязанность к польскости также доминировала среди большей части мещанства в губерниях, соседствующих с Польским королевством (Виленской, Гродненской, а также в отдаленной от него Минской губернии). На основании российских источников можно предположить, что россияне не вникали в эти этнические и историко-культурные нюансы, а также в особенности формирующегося многоуровневого национального самосознания. Помещиков – католиков из Литвы и Беларуси считали поляками, ставя знак равенства между конфессией и национальностью: католик, значит поляк. Однако, желая стереть следы исторической государственности Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского на этих землях и подчеркнуть здесь роль русского наследия, было введено официальное понятие – Северо-Западный край России. В отношении Январского восстания применялось понятие «польское».

Национальная ситуация на востоке Беларуси, в Витебской и Могилевской губерниях, уже в 1772 г. присоединенных к Российской империи, выглядела немного иначе чем на остальных территориях бывшего Великого Княжества Литовского. Значительная часть представителей шляхетского происхождения в скором времени не только присягнула в верности империи, но также перешла в православие [6]. Следствием этого была русификация, которая распространялась также благодаря заключению браков с русскими помещиками. Русский характер имели города восточной Беларуси, это проявлялось посредством языка местной элиты. Если в Вильно, Гродно, Минске она разговаривала на польском языке, то в Витебске, Могилеве – на русском [7].

В связи с тем, что непосредственно национальный вопрос еще не ставился, четко обозначить, как именно выглядела этническая структура в XIX в., затруднительно. Необходимо учитывать, что все исследования, касающиеся этого вопроса, имеют свои недостатки.

Статистические исследования, проводимые на основе данных, полученных благодаря анкетам, разосланным по приходам в 1857 г., показали, что в пяти западных губерниях живет в общей сложности 1 974 000 белорусов. В Минской губернии – 65,1%, в Витебской – 62,4%, в Гродненской – 3,3%, в Виленской – 17,4%, в Могилевской – 82,4% [8, с. 224]. Но информация, собранная в конце 1850-х- начале 1860-х гг. показала, что число белорусского населения в отдельных губерниях было уже другим: в Виленской – 46,9%, в Минской – 64,6%, в Гродненской возросло до 57,9%. В интересующих нас Могилевской и Витебской губерниях соответственно составляло – 81,7% и 59,8% [8, с. 225]. В этих двух губерниях белорусское населения было, в основном, православного вероисповедания: в Могилевской православных среди белорусскоязычных жителей было 97,8%, в Витебской – 93,6%. Такой же высокий процент православных среди белорусского населения наблюдался только в Минской губернии – 97,8%. В двух остальных губерниях белорусское население в большей ступени было римско-католического вероисповедания: в Гродненской губернии их было 23,6% (причем этот показатель не охватывает уездов, которые сейчас находятся на территории Польши), а в Виленской губернии – 64,7% [8, с. 225]. Информацию об этническом составе представлена С. Ханковским. Согласно приведенным им данным в шести литовско-белорусских губерниях (принимая во внимание также Ковенскую губернию) накануне Январского восстания число жителей составляло 5,5 млн. человек. Наибольшую группу составляли белорусы – 51,05%, литовцы – 19,82%, евреи – 10,44%, поляки – 8,27%, украинцы – 3,5%, латыши – 3,34%, русские – 2,99%, немцы – 0,47%, татары – 0,12% [9, s. 349]. С. Ханковский представил также численность поляков с разбивкой по губерниям, однако не объяснил происхождение данных и методику расчета, лишь опираясь на работы В. М. Зайцева [10, с. 32, 46–47]. Эти данные указывают на то, что наибольшее количество поляков было в Виленской губернии – 17,31%, в Минской - 11,71%, в Гродненской – 9,53%. Зато наименьшее количество в восточной Беларуси, в Витебской губернии их было 5,49%, в Могилевской – 2,75%. Похожие данные об этническом составе пяти губерний дает Сегрей Токць [11, s. 12], который опирается на результаты В. Панютича [12, с. 361]. В общей сложности на территории пяти губерний в 1864 г. было 4 468 862 жителей. Наибольшую по численности группу составляли белорусы – 2 790 080 (62,43%), евреи – 463 213 (10,37%), поляки – 422 486 (9,45%), литовцы – 278 474 (6,23%), украинцы – 190 864 (4,27%), русские – 141 670 (3,7%), латыши – 166 735

(3,73%), немцы – 9 144 (0,21%), татары – 6196 (0,14%). В общей сложности в пяти губерниях православное население (не учитывая национальную принадлежность) в 1864 г. насчитывало 2 502 100. Меньше всего его было в Виленской губернии – 119 400, больше всего в Могилевской – 738 300. В Витебской губернии православных было 444 900, в Гродненской – 483400 и большая составляющая в Минской – 716 400 [11, s. 16]. Наибольшее число населения римско-католического вероисповедания было в Виленской губернии – 607 500. В остальных губерниях его было намного меньше: в Гродненской – 273 100, в Минской – 179 900, в Витебской – 230 200, а в Могилевской только 43 000. Относительно большая численность римско-католического населения в Витебской губернии объяснялась тем, что в ее границах оказалась Латгалия, либо так называемая Польская Лифляндия, которая была населена католиками. Хотя на территории этих пяти губерний преобладало белорусское население, это особо не влияло на ситуацию в связи с тем, что с социальной точки зрения оно состояло в основном из крестьянства. Решающий голос в губернском сообществе до начала восстания принадлежал шляхте и помещикам, а в политическом плане российским административным органам. Согласно данным, содержащимся в рапорте могилевского губернатора, в 1863 г. губерния насчитывала 459 321 мужчину и 484 913 женщин, в т. ч. наследной шляхты обоих полов было 39 151, а шляхты с избирательным правом – 2 075 [13, л. 184–185]. В то время имущественный ценз определял имеют ли право представители шляхты участвовать в шляхетском самоуправлении. Численность жителей Витебской губернии в 1863 г. составляла 809 750 человек, т. е. 396 276 мужчин и 413 474 женщины. Наследной шляхты обоих полов было 21 268, в т. ч. с избирательным правом на шляхетских собраниях – 541; мещан – 125 559, купцов – 4 998, наследных помещиков – 249, государственных крестьян и однодворцев – 138 894, крестьян, обремененных повинностью – 483 272 [13, л. 184–185].

Не углубляясь в проблематику, следует отметить, что во второй половине XIX в. этнические процессы на литовско-белорусских землях в каждой социальной группе проходили с разной интенсивностью. В формировании польского, литовского, русского, белорусского или украинского национального самосознания многое решала не только семейная среда, но также религиозная принадлежность, традиции, внешнее влияние, принятая стратегия социального и профессионального развития, и, в конечном счете, национальная политика государства.

Политическое оживление в Литве и Беларуси, патриотические манифестации в костелах, открытая декларация непринятия российского

правительства, донесения о подпольной деятельности, крестьянские волнения – вынудили правительство создать при кабинете министров Западный комитет, что было осуществлено 22 сентября 1862 г. [1, s. 105]. Подобный орган формировался уже второй раз. Его предыдущая деятельность была связана с необходимостью оценить политическую ситуацию на западных рубежах Российской империи во время Ноябрьского восстания в то время, когда эти земли были охвачены активным антиправительственным движением [14, s. 105–106]. Как ранее, так и в 60-е гг. XIX в., члены Западного комитета должны были следить за ситуацией на литовско-белорусско-украинских землях, анализировать получаемую информацию и принимать меры по стабилизации ситуации в Северо-Западном крае. Хотя власти относились к этим территориям как к чему-то отдельному от Польского королевства, но трактовка Западного комитета данной территории не была однозначной и упрощенной. Представители этого комитета были достаточно либеральных взглядов, поэтому первые действия, предпринятые в 1862 г., были направлены на заключение соглашения со шляхтой и поиск путей, для решения этих проблем административным порядком. Даже позднее, в период наиболее интенсивного повстанческого движения в 1863 г., члены Западного комитета достаточно трезво подходили к некоторым идеям непопулярного и неуважаемого генерала-губернатора М. Муравьева. На эти проблемы обратил внимание Д. Файнхауз, подчеркивая либеральное отношение к шляхте Северо-Западного края министра внутренних дел П. Валуева [1, s. 51]. Он считал, что развить среди жителей западных земель, присоединенных к Российской империи, проправительственные симпатии и добиться выравнивания оппозиционных настроений возможно посредством улучшения социальной и политической ситуации на территориях Польского королевства и центральных губерний, т. е. великорусских. Министр полагал, что мировоззрение жителей Литвы, Беларуси и Украины формировалось под влиянием революционных идей, исходящих от русских и польских кругов. Это побуждало власть рассматривать идею двустороннего решения проблемы «западных окраин», русификацию крестьян с целью воспитания лояльных и верных трону граждан, а также ограничение такого рода методик в отношении представителей высших классов.

Антиправительственная партия белых в Литве и Беларуси сформировала ряд требований, в т. ч. восстановление юридической обособленности территории бывшего Великого княжества Литовского, открытие Виленского университета, ликвидированного после Ноябрьского восстания, создание кредитного товарищества, привлечение на должности

в местные административные управления коренного населения, а также восстановление шляхетских самоуправлений, коими некогда являлись шляхетские сеймики. Очень долгое время партия белых, не отвергавшая возможности определенных форм сотрудничества с правительством, отклоняла мысль о восстании, откладывая ее на более подходящее время. Более радикальную программу предлагала партия красных, стремящаяся к вооруженному выступлению и проведению кардинальных сельскохозяйственных реформ за счет помещиков.

Планы правительственных либеральных кругов и органичная программа работы партии белых на литовско-белорусских землях были прерваны 22 января 1863 г., в связи с началом восстания в Польском королевстве. Этот срыв стал неожиданностью даже для руководителей партии красных Литвы и Беларуси, которые готовились к борьбе, но только через несколько лет, понимая, что жители пяти губерний пока не подготовлены к участию в восстании. Не было достаточного количества оружия, финансовых средств, не были доработаны стратегические планы, наконец, не было достаточной поддержки со стороны шляхты и мещан, скептически относящихся к планам красных из Польского королевства. Обе партии, «белых» – сильных на Литве и Беларуси, и «красных», позиции которых на данных землях были значительно слабее, новость о начале восстания приняли скорее с печалью, которая была следствием неверия в победу. Однако было решено поддержать срыв во имя общих интересов и солидарности земель бывшего Великого Княжества Литовского (Литвы и Беларуси) с Польским королевством [15].

Активные действия в Литве и Беларуси начались только в конце марта 1863 г. Наиболее интенсивно восстание разворачивалось в западных регионах Литвы, Беларуси, а также на Подляшье, где был большой процент населения римско-католического вероисповедания среди представителей всех слоев общества. Имело значение также соседство с «бунтующим» Польским королевством [16, s. 55–69]. Агитационная работа, проводимая для литовских и белорусских крестьян, удачно использовала лозунги в защиту католической веры от православной, а в отношении православных крестьян продвигались лозунги о возрождении ликвидированного в 1839 г. униатского костела и возвращении к «вере отцов» [17].

В первой половине 1863 г. на территории Ковенской, Виленской, Августовской, Гродненской и Минской губерний было собрано большое количество отрядов разных по численности [18]. Наибольшую активность можно было наблюдать на ковенщине, что было вызвано

несколькими причинами. Во-первых, З. Сераковский, назначенный Отделом руководства провинциями Литвы главнокомандующим восстания в Литве, связывал успех выступлений с дополнительным вооружением, доставленным из других стран, что теоретически было возможным только через границу с Пруссией. В связи с этим в его планы входило завладение ковенщиной и даже Курляндией. Второй причиной являлась сильная поддержка восстания шляхтой Ковенской губернии, которая сумела привлечь к участию крестьян. В первые месяцы восстания в Ковенской губернии действовало несколько десятков отрядов. Среди них наибольшая часть была под командованием З. Сераковского, меньшие отряды собрали Антон Мацкевич, Болеслав Колышко, Болеслав Друсский-Яблоновский [1, s. 151]. Создавая собственные отряды, в борьбу также включились литовские крестьяне Адам Битис (Адамус Битис) и Казимир Лукашун (Казимирас Лукашунас). Переломным моментом для повстанческого движения на ковенщине стала битва под Медейками **в** апреле 1863 г., после которой тяжело раненный Сераковский был захвачен в плен, а в скором времени казнен на Лукишской площади в Вильно. Более масштабные повстанческие действия велись в Виленской губернии, где, особенно в первой половине 1863 г. действовали отряды Ф. Вислоуха, Слюдека, З. Минейко, В. Козелло и Л. Нарбута [1, s. 158–159]. В середине мая и в июне 1863 г. два последних отряда были разбиты, и восстание пошло на спад.

Очень активно в антиправительственном движении проявили себя жители гродненщины, сначала они принимали участие в многомесячных патриотических демонстрациях, затем выступили большими повстанческими отрядами под предводительством Г. Стравинского «Молотка», П. Юндила, Ф. Влодка, Миладовского, А. Ленкевича, Р. Травгута, В. Врублевского. Самой масштабной, и по сути последней битвой, произошедшей в Гродненской губернии, была битва под Миловидами в конце мая 1863 г. Повстанческое движение охватило также и минщину, которая в планах З. Сераковского должна была играть роль отправной базы для отрядов, которые перебрасывались на территорию Могилевской губернии. Такие рейды должны были активизировать менее подготовленную с точки зрения конспиративной деятельности восточную Беларусь, и даже начать действия в Смоленской губернии, которая в 1857 г. еще насчитывала 47,7 % белорусскоязычных жителей [8, с. 224]. Она превалировала в уездах: Смоленском – 82 600 (90,5% от общей численности населения), Краснинском – 72 900 (95,4%), Рославском – 108 200 (94,7%), Ельницком – 89 300 (84,7%), Дорогобужском – 47 800 (66%) [8, с. 224]. Восточная Беларусь охватывала две губернии –

Могилевскую и Витебскую. В прошлом земли Великого Княжества Литовского сокращенно называли Литва, но со временем все чаще стало фигурировать название – Беларусь. В XIX – в начале XX вв. это название чаще всего относилось только к части земель, на которых проживало белорусскоязычное население, до находящихся на востоке околиц Витебска, Полоцка, Могилева. Однако название «Беларусь» распространялось дальше на западные территории. Границы обеих провинций, Литвы и Беларуси, было трудно точно обозначить и это проявилось в наименовании. Пять западных губерний Российской империи, такие как Виленская, Гродненская, Могилевская, Витебская, Минская, называли попеременно то белорусско-литовскими, то литовскими, то белорусскими. Название «литовские губернии» чаще всего (но правилом это не являлось) относилось к Ковенской, Гродненской, Минской, Виленской губерниям, в то время как белорусскими губерниями называли Витебскую и Могилевскую. В связи с чем, в зависимости от контекста, одни и те же губернии причисляли то к Литве, то к Беларуси [19]. Название восточная Беларусь, закрепившееся за Витебской и Могилевской губернией, возникло после первого раздела Речи Посполитой, в результате которого в состав Российской империи вошли части уездов разделенной страны, а именно: Витебского, Мстиславского, Полоцкого и Инфлянтского. Из этих земель было создано две губернии – Витебская и Могилевская. В 1796 г. Павел I принял решение об объединении Могилевской и Полоцкой губерний в одну Белорусскую губернию, что еще больше укрепило название Беларусь для данных территорий. В ее границы также вошла часть так называемых Польских Инфлянт (Латгалии) с большой процентной составляющей латвийского населения. В 1802 г. Белорусскую губернию снова разделили на две: Витебскую и Могилевскую. В первой, с центром в Витебске, оказались уезды: Велижский, Витебский, Городецкий, Динабургский, Дрисненский, Лепельский, Люцинский, Невельский, Полоцкий, Режицкий, Себежский и Суражский. Самым большим городом в губернии в XIX в. был Динабург, он развивался благодаря строительству крепости, которое продолжалось несколько лет, а также прохождению через город важного железнодорожного пути с западной части империи в Петербург. Могилевская губерния со столицей в Могилеве включала уезды: Чаусовский, Чериковский, Гомельский, Горицкий, Климовичский, Могилевский, Мстиславский, Оршанский, Рогачевский и Сенненский.

Согласно плану З. Сераковского, восстание в Могилевской, Витебской и Минской губернии должно было начаться под командованием Л.

Звеждовского. Также как и на других территориях, планировалось использовать недовольство крестьян в связи с неудачно реализованной аграрной реформой, объявленной 19 февраля 1861 г. императором Александром II. Звеждовский был сторонником осторожного подхода к крестьянам, это должно было способствовать перетягиванию крестьян на сторону повстанческого движения. Поступила рекомендация зачитывать в деревнях изданный в Варшаве 22 января 1863 г. «Манифест» Центрального национального комитета о ликвидации крепостничества и наделении крестьян землей. Характерным является еще и то, что Звеждовский выступал в форме офицера российского Генерального штаба, желая таким образам показать крестьянам, что российское войско, офицером коего он являлся, переходит на их сторону [20, с. 205].

Союзниками Л.Звеждовского в подготовке к борьбе были офицеры различных российских гарнизонов, члены Офицерского кружка, среди них Ян Будилович, К. Жэбровский, Миткевич, Манцевич, Я. Жуковский (псевдоним «Коса»). Действия должны были начаться во всех уездах Могилевской губернии одновременно в ночь с 23 на 24 апреля (5/6 мая) 1863 г. [20, с. 202–203]. Действия повстанческих отрядов должны были носить партизанский характер и концентрироваться на ликвидации путей сообщения, захвате местных административных зданий и введении собственной администрации. В условленное время произошло выступление нескольких повстанческих отрядов: Жуковского в окрестностях Кричева, Жебровского в Сенненском уезде, в Быховском – Анцыпы, в Рогачевском – Гриневича и Держановского, Будиловича в окрестностях Орши. Их отряды насчитывали от 15 до 30 бойцов. Еще более малочисленные отряды появились в районе Лиозно и Бабинович. Сам Звеждовский с отрядом в сто человек выдвинулся на Горы-Горки, где находились небольшие российские военные формирования [20, с. 203]. Начатые им действия были наиболее зрелищными на этой территории, а осуществимы благодаря участию студентов Горы-Горицкого сельскохозяйственного института. Городок был захвачен, двух командиров российских отрядов взяли в плен [21] Формирование Звеждовского увеличилось до 250 человек, 11 мая произошла битва под Литягами в Старобыховском повете [1, s. 163]. Однако эйфория от победы была недолгой. Российские войска очень быстро мобилизовались, делая невозможными какие-либо повстанческие передвижения. Министр внутренних дел Д. Милютин посчитал, что 20 пехотных рот в Могилевской губернии это слишком мало, и под влиянием поступающих донесений на территорию губернии были направлены резервные батальоны, а также гвардейские кавалерийские полки [20, с. 204]. Действия

государственных войск имели успех, и в конце апреля повстанцы уже прекратили свои действия. Формально в середине мая Звеждовскией распустил свой отряд, в связи с тем, что не сумел такой большой группой пробраться в Минскую губернию [1, s. 164]. Также ему не удалось осуществить план по распространению восстания на смоленщину [20, с. 206].

В Витебской губернии повстанческое движение было слабым и мало скоординированным. Формирование повстанческого отряда по поручению Центрального национального комитета было доверено А. Рыку, поручику российской армии в отставке. Он являлся организатором подпольного движения на этой территории с участием офицеров местных гарнизонов, мелкой шляхты, урядников. Рык являлся братом Александры Липпе-Липской, владелицы большого имения в Люцинском уезде под названием Мариенхаус, расположенного недалеко от варшавско-петербургской железной дороги. Такое положение имения и участие его жителей в восстании явилось причиной того, что Мариенхаус стал центром подполья. А. Рык сотрудничал не только с подпольным центром в Вильно, но также с деятелями организации «Земля и воля» [1, s. 166]. Деятельность центра подпольного движения в Мариенхаусе была прекращена начальником жандармского корпуса, еще до того, как отряд, организованный А. Рыком, проявил свою активность на местности.

Повстанческое движение в Витебской губернии не приобрело больших масштабов, на борьбу выступило всего несколько повстанческих отрядов. Формирование Б. Кульчицкого, созданное в Себежском повете, было разбито 23 апреля (5 мая) на границе Динабургского и Дрисенского уездов. В Лепельском уезде очень недолго действовали формирования О. Гребницкого, Дмоховского и С. Конопацкого. В ночь с 21 на 22 апреля (3/4 мая) из Витебска отправилась группа более 40 человек служащих и мещан с намерением принять участие в восстании, но по большому счету никаких действий они не предприняли и уже спустя неделю это формирование прекратило свое существование [20, с. 117].

Более серьезные меры были предприняты на территории Польской Лифляндии, т. е. в Латгалии в Динабургском уезде. Активизация была осуществлена благодаря графу Леону Плятэру, вокруг которого собралось несколько десятков местной шляхты. Наиболее результативным действием было нападение его отряда 13 (25) апреля в районе деревни Краславка на оружейный обоз, который выехал из крепости в Динабурге. Хотя эта операция имела широкий резонанс, она не повлекла за собой усиления повстанческого движения, это было связано с тем, что

уже на следующий день отряд был разбит четырьмя ротами русской армии [20, с. 215].

Деятельность Л. Плятэра имела и другие последствия, неожиданные для руководителей восстания на Литве и для успехов их операций. В свой отряд Л. Плятэр мобилизовал крестьян, что по большому счету соответствовало повстанческим планам, особенно партии красных и Литовского провинциального комитета под предводительством К. Калиновского. Это было связано, прежде всего, с тем, что одной из целей этой партии должна была стать демократизация общества и улучшение положения крестьян. Однако нестабильная ситуация в Витебской губернии привела к незапланированному руководством восстания массовому движению крестьянства, инициированному старообрядцами, осевшими на территории Речи Посполитой еще в XVII в., спасаясь от религиозных преследований в Московском государстве. Они никогда не имели здесь в собственности землю, и ситуация эта не изменилась после присоединения данных территорий к России, обеспечивая себя благодаря аренде помещичьих либо государственных поместий. Старообрядцы, желая получить признание административных и военных властей, а также стремясь заполучить материальные блага, двинулись на усадьбы, сжигая некоторые из них, грабя и доставляя полиции предполагаемых повстанцев. Хотя их действия, направленные против повстанцев, с одной стороны были на руку российским властям, но с другой стороны, хаос, воцарившийся в губернии и выступления крестьян против помещиков и установившегося строя, вызвали слишком сильные волнения и могли привести к распространению бунта на других территориях. Таким образом, как отметил исследователь этого вопроса Анатолий Смирнов, военные и административные власти должны были действовать в двух направлениях: против помещиков, которые восстали против царя, и против крестьян, выступивших против помещиков [20, с. 216]. Последних не раз должны были защищать правительственные войска.

Сложившуюся ситуацию, вызванную крестьянским недовольством, удачно сумел использовать генерал-губернатор М. Муравьев, подпитывая социальный антагонизм. Проблему отношений между старообрядцами и польским мещанством он расширил до этнической проблемы. В выстраиваемой пропаганде провозглашал, что староверы – это «русский элемент», который за верность государству вытесняется польскими помещиками из собственных имений. В отношении шляхты римско-католического вероисповедания принял позицию недоверия, демонстрируя, что считает их предателями. Своим распоряжением М.

Муравьев запретил землевладельцам лишать старообрядцев арендуемой земли даже тогда, когда этого требовали владельцы имений [22, с. 83]. Старообрядцев рекрутировали для охраны деревень, обеспечивали оружием, были созданы специальные отряды для охраны Петербургско-Варшавской железной дороги. В отношении же повстанцев, а также их семей и лиц, поддерживающих восстание (в том числе крестьян, которые участвовали в восстании), были приняты стандартные меры наказания, такие как лишение свободы, выселение, конфискация имущества. Правительственным властям это дало ожидаемый результат.

В конце 1863 г. уже можно было говорить о стабилизации ситуации на данной территории, что также отразилось в рапортах, направленных в Западный комитет. Они писались согласно принятой схеме, отображая социальную, религиозную и профессиональную картину, а также экономическое положение жителей губернии. Информировали о состоянии земледелия, промышленности, образования, здравоохранения. В 1863 г. особое внимание в рапортах уделялось шляхте и политической ситуации.

Во главе Могилевской губернии с 1857 г. стал выходец из российской мещанской элиты А. Беклемешев, который имел большой опыт государственной службы. Свою карьеру он начал со службы в Почтовом департаменте, но уже через два года стал исполнителем особых поручений VIII ранга. Он занимался торговыми делами, строительством объектов общественного назначения, после занимался сбором данных по крестьянскому вопросу. В 1852 г. стал вице-губернатором Курляндии, спустя пять лет управлял Могилевской губернией.

Рапорт Беклемешева 1863 г. заключает обширный анализ положения шляхты, из данных следует, что губернатор осознавал развитие национальных и социальных процессов, а также возможность влияния на них посредством национальной политики государства. Также он обращал внимание на значительное снижение социальной роли шляхты в Могилевской губернии. Анализируя главные причины этого явления, на первое место ставил настойчивое желание сохранить крепостничество в деревне. Результатом этого было то, что внимание шляхты было направлено на земельное владение и земледелие, что делало невозможным поиск ими других источников дохода и развитие экономической инициативы в других сферах. Замечания губернатора на эту тему, в основном, соответствуют сегодняшним оценкам этой проблемы многих историков, указывающих на крепостной строй как на одну из причин, которая не давала шляхте участвовать в процессах модернизации, лишала заинтересованности к капиталистическим формам хозяйствования

посредством развития промышленности и предпринимательства в своих имениях [23].

Беклемешев обращал внимание на отсталость цивилизации восточной Беларуси, что по его оценкам было исключением по сравнению с остальными российскими губерниями. Губительным считал сохранение крепостничества, которое являлось причиной того, что эффективность шляхетского хозяйствования зависела, прежде всего, от труда крестьян, а также от их достатка. По его оценке, экономическое и правовое положение крестьян губернии было плохим, влияли на это глубокие традиции, связывающие имение и деревню. «В результате этого», – писал Беклемешев, – «здесь крепостные ненавидели своих хозяев намного больше, чем в других губерниях России» [13, л. 11–12]. Указ Александра II о ликвидации крепостного права 1861 г. стал решающим толчком для шляхетской элиты в связи с утратой своего статуса, вынужденной искать новые способы организации хозяйствования и защиты позиции, оказавшейся под ударом. Часть шляхты стремилась к тому, чтобы и дальше пользоваться правом единоличного владения крепостными, другие старались улучшить с ними отношения, чтобы, благодаря добрососедским отношениям, гарантировано обеспечить себя работниками в имениях. Беклемешев точно подметил, что земельная реформа привела к тому, что помещики начали серьезно размышлять о создании капиталов, строительстве фабрик и предприятий. Многие решались на сдачу имений в аренду и поиск более стабильных доходов, например, на государственной службе [13, л. 14]. Указывая на то, что связь шляхты и крестьян на Беларуси была полностью обусловлена экономической необходимостью, губернатор отмечал присутствие дополнительных факторов, которые влияли на то, что в социуме не развивалась общность. (Он определял ее как классовую общность, но, как кажется, имел в виду общность социума, связанную вертикально, а не разделенную горизонтальным способом на традиционные социальные слои – классы). По мнению Беклемешева такая общность не могла развиться потому, что отсутствовали совместные интересы, так как крестьяне и шляхта говорили на разных языках и были разного вероисповедания [13, л. 12–13].

Беклемешев обратил внимание на то, что до того, как социальные преобразования шляхетской элиты подходили к завершению, восстание нанесло ей новый удар. Он проанализировал ее последствия с перспективы межрелигиозных отношений в губернии. Губернатор пришел к выводу, что еще до начала выступлений шляхта разделилась на православных и католиков. Первоначально это было заметно только на

уровне межличностных отношений и не имело последствий для сообщества помещиков. Заострение вопроса о религиозной принадлежности возрастал с развитием событий. Большинство мещан-католиков, или по его словам – польского происхождения, имели связь с восстанием. Православные мещане были скептически настроены по отношению к движению и приняли проправительственную позицию. Полярность этих позиций, по мнению губернатора, стала причиной того, что религия приобрела в губернии новое и очень важное значения: борьбы польского и русского элемента. Следствием этого стала абсолютная разобщенность польской и католической элиты с низшими слоями населения, которые имели количественное преимущество. Таким образом – доказывал он – польская шляхетская элита утратила даже малейшую возможность единения с православным мещанством. Восстание 1863 г. оказало особенное влияние на представителей последних. Оно дало понять, что православная элита в губернии хотя и не имеет количественного приоритета, но она может опереться на «православные массы», благодаря чему может играть более значимую роль, и даже вступить в борьбу с польским зверем. Беклемешев подчеркивал, что православных помещиков, крестьян и мещан объединил дух русского патриотизма, появилось общее национальное сознание и солидарность и стало формироваться сотрудничество «русской дворянской партии». Иными словами, губернатор обращал внимание на то, что Январское восстание, стало символическим моментом распада шляхетской солидарности (независимо от вероисповедания и национальности) в пользу русской и польской национальной идеи. Конечно, это не могло произойти без начавшихся ранее процессов, среди которых наиболее важными были социальные и национальные преобразования, стремление к распаду феодального строя и крепостничества в Восточной Европе, экономическое развитие, а также необходимость модернизации общества и формирование современных народов.

Однако Беклемешев правильно оценивал, что для общности мещанства Могилевской губернии политическое первенство русской шляхты не имело никакого значения, в связи с тем, что не имело количественного преимущества. Данная ситуация, по его мнению, могла измениться благодаря связи православной элиты с низшими слоями и совместным развитием русского патриотизма. Он предлагал, чтобы эту идею поддержало государство [13, л. 16–17]. Выводы губернатора свидетельствуют о том, что он достаточно профессионально анализировал зарождающиеся процессы и замечал, что меняются правила построения

структуры общества. Модернизация вела к распаду традиционных связей и системы вертикали, которые были следствием старых феодальных отношений. На их месте стали появляться зачатки новой структуры, которая должна была опереться не на социальный, а на национальный фактор.

В своем рапорте Беклемешев описал ход Январского восстания на территориях уездов Могилевской губернии. По его оценке, активная фаза восстания, начавшегося в ночь с 23 на 24 апреля 1863 г., длилась только неделю. В начале мая ситуация во всех уездах подчиненной ему территории была уже полностью урегулирована. Было подсчитано, что на 450 тыс. жителей мужского пола в восстании приняло участие около тысячи человек, это значит 1/450 от общего количества [13, л. 65]. Была это одна двадцатая часть от всего католического населения мужского пола, живущего в губернии. Губернатор оценил также социальный состав участников восстания, указывая, что вступила в отряды, главным образом, бедная, безземельная шляхта, малозначимые помещики, чиновники низших рангов, студены и гимназисты. Он обращал внимание на то, что члены повстанческих отрядов были не только представителями Могилевской губернии, но также жителями западных территорий [13, л. 66].

Очень негативно в его глазах выглядел результат действий, предпринятых повстанцами. Беклемешев считал, что повстанцы действовали без энергии, без тактики, плана и мужества. Отряды часто меняли дислокацию лагерей, им не хватало оружия, дисциплины и они были похожи, скорее, на «группы охотников» или «искателей приключений», он называл их «смешными и жалкими» [13, л. 66]. Для подтверждения своих слов, он более подробно описал действия, предпринятые в отдельных уездах. Отряд в Горицком уезде («горицкая банда»), сформированный из «фанатичной молодежи» под командованием офицера генерального штаба Л. Звеждовского, (фамилия которого в рапорте даже не упоминалась), по мнению губернатора, ограничился лишь поджогом нескольких десятков домов, грабежами и избиением нескольких сонных солдат. После этого он на протяжении шести дней убегал от небольшого военного отряда и вооруженных крестьян, и в результате без перестрелки сдал оружие становому приставу [13, л. 67]. Отряд, сформированный в Тихиничах в Рогочевском уезде («тихиническая шайка»), после непродолжительной перестрелки разбежался, а его члены были схвачены крестьянами. Действиям отряда из Лознян в Оршанском уезде воспрепятствовал местный исправник с небольшой группой солдат и крестьян. Сформировать второй отряд в этом уезде так и не удалось в

связи с тем, что его члены без сопротивления дали себя арестовать местному сержанту [13, л. 67]. Члены отряда Могилевского уезда были схвачены сразу же после первых выстрелов, быховский отряд, который также назывался городецкий, разбежался, повстанцы были схвачены крестьянами. Похожая судьба встретила членов кричевского отряда под командованием офицера артиллерии, фамилии которого Беклемешев не упомянул.

Далее губернатор сообщал, что пункты сбора отрядов были заранее известны властям. Он обращал внимание на то, что действие партизан не являлись спонтанными и управлялись людьми, не проживающими в губернии. Доказательством тому были: одновременное начало действий в разных уездах, посредственные результаты, а также то, что руководители отрядов, исключая городецкий, были жителями других губерний. Беклемешев назвал их агентами, направленными в могилевщину революционным комитетом [13, л. 68]. Он сделал вывод, что единственной целью этих, не рассчитанных на успех вооруженных действий, было желание показать Европе, что жители Могилевской губернии солидаризировались с судьбой жителей «Западнорусского края» и вместе с ними были готовы поддерживать «бунтовщиков Польского королевства» [13, л. 68].

Беклемешев считал, что положительным фактором, с точки зрения местной гражданской и военной администрации, являлось то, что большое количество помещиков католического вероисповедания не приняло участия в восстании [13, л. 69]. Им отмечался интересный факт: в ряды повстанцев вступали даже те, кто не был охвачен фанатической ненавистью к русскому как таковому, а также к правительству. Он объяснял в рапорте, что к этому их склонило легкомыслие и анархия, доминирующая в польском характере, и поэтому шляхта могилевщины была склонна вторить повстанцам Польского королевства [13, л. 69]. Делалось заключение, что помещики были достаточно сильны при организации политических демонстраций, но оказались совершенно слабыми в борьбе с властями.

Свой рапорт Беклемешев основывал на выводах, полученных после анализа дел, ведущихся следствием. Основным вопросом, который интересовал власти, было определение социальных групп, поддерживающих антиправительственный бунт, т.к. от этого зависела дальнейшая внутренняя политика правительства. Губернатор обращал внимание на то, что более обеспеченные помещики не участвовали в вооруженных действиях, а ограничивались оказанием тайной поддержки, либо пере-

дачей «небольшого количества провианта» отрядам [13, л. 69]. Незначительное количество действующих отрядов на территории управляемой им губернии он объяснял тем, что шляхта не решилась выйти на поле битвы. Подчеркивая, что это был ее собственный выбор, а не последствие превентивных мер, заключающихся на размещении войск близ шляхетских застенков. Он также был уверен, что удушение восстания за семь дней не было бы возможным без поддержки русским населением (православными крестьянами и старообрядцами) государственных сил [13, л. 70]. После озвучивания губернатором распоряжения в адрес помещиков, была организована стража, и на протяжении нескольких дней арестовали «всех поляков, верность государству которых было под сомнением» [13, л. 70], задерживали повстанцев, доставляли информацию о передвижении бунтовщиков и лишали их возможности обеспечивать себя провиантом [13, л. 71]. О восстании крестьян он был лучшего мнения, подчеркивая, что, несмотря на свою бедность, ими не руководила ненависть или жестокость по отношению к шляхте и имения не разорялись. Подобный идеалистический образ расходился с реальностью, о чем говорят воспоминания и собранные свидетельства о массовых нападениях крестьян на подворья, грабежах имений и католических костелов [1, s. 215]. Подобные происшествия имели место, но губернатор о них ни разу не упомянул. На данном этапе восстания подобные действия крестьян были на руку военным и административным властям. Губернатор хвалил также лояльное отношение мещан как христианского, так и иудейского вероисповедания, подчеркивая, что уже после первых донесений о появлении групп повстанцев, они самостоятельно сформировали ночную стражу, а в Могилеве даже вооруженную пехотную и конную стражу [13, л. 72]. По мнению Беклемешева события 1863 г. продемонстрировали слабость польского элемента в Могилевской губернии и разбудили среди ее жителей русский патриотизм, что должно было доказать, что Витебская губерния стала российской провинцией не только в значении принадлежности административно-политическом, но также с точки зрения прогосударственной позиции ее жителей. Он обращал внимание на то, что в губернии нет места для национальной борьбы, т.к. обе стороны польская и русская не равны между собой и надеялся, что жители губернии в ближайшем будущем будут развивать русскость и концентрироваться вокруг русской национальной идеи, рассчитывая на православных помещиков, горожан (христиан и иудеев), а также православных крестьян и старообрядцев. Таким образом, роль польских помещиков уменьшится еще сильнее, если правительство поддержит

православных помещиков и решится на создание русского надклассового сообщества.

В рапортах Беклемешева совершенно отсутствует белорусская тема, ни в аспекте пробуждающейся белорусской национальной идеи, ни, что интересно, в отношении к русской идее. Единственным соотнесением с «западнорусизмом» является единожды появляющееся название Западнорусский край. Нигде не появляется название «Белорусы», а белорусскоязычное крестьянское население в Могилевской губернии определялось как православный народ, либо русский элемент. Но ведь эти люди имели языковое отличие не только от поляков, но также и от русских, не говоря уже об отличии в обрядах и этнографической культуре. Однако губернатор надеялся на русификацию этого населения, опираясь на православие, оказанную лояльность относительно правительства, а также проявившиеся антишляхетские настроения, которые хотели воспринимать также как антипольские. Надежда на разрыв традиционных социальных связей между деревней и католическими помещиками возлагалась на их социальное деление с наложением религиозных и национальных различий.

В момент вспышки Январского восстания во главе Витебской губернии находился А. Оголин (1821–1911). Должность эту он занимал уже два года. После окончания Императорского училища правоведения с 1842 г. делал профессиональную карьеру в различных департаментах Министерства юстиций и Сената. В 1850 г. стал прокурором в Казани, через два года директором Казанского тюремного комитета, в 1855 г. был в распоряжении Министерства внутренних дел, через год принял должность псковского вице-губернатора, в 1860 г. стал казанским вице-губернатором, в 1862 г. возглавил Витебскую губернию. Первоначально, когда на территории губернии начались крестьянские волнения, являющиеся следствием неудачно проводимой государством земельной реформы, усугубленные восстанием, он советовал помещикам губернии относится к бывшим крепостным более мягко и не требовать безотлагательного исполнения повинностей. Однако, спустя несколько месяцев, когда подполье на Литве и Беларуси приобрело значительные размеры, а крестьяне были использованы в борьбе с противниками правительства, он изменил свое отношение к помещичьей элите, утверждая, что крестьянская анархия в Витебской губернии являлась последствием антиправительственных действий помещиков, и рекомендовал уездным властям не рассматривать жалобы об отказе выполнять крестьянами повинностей [24]. Осенью 1863 г. в связи с Январским восстанием, был откомандирован в Варшаву, его место занял опытный офицер пехотных

войск В. Веревкин (1821–1896), происходивший из семьи военных и с ранних лет связавший свою жизнь с военной службой. После окончания пажеского корпуса, служил в лейб-гвардии Измайловском полку. В годы Весны народов в 1849 г. участвовал в венгерской компании, когда русская армия, согласно правилам Священного союза, была использована для подавления революционного движения. Особенно сильно Веревкин отличился во время Крымской войны при обороне Севастополя и защите отступающей армии. За свои заслуги получил ордена св. Георгия IV степени, св. Анны IV степени, а также св. Владимира с мечами. В мае 1863 г. получил звание генерал-майора и был назначен военным губернатором Витебской губернии, фактически на должность заступил в июне [25, л. 48], находился во главе губернии до 1867 г. и позднее уже никогда не был на подобной службе. В 1866 г. он был награжден орденом св. Станислава I степени. Позднее Веревкин участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. как командир 36-ой пехотной дивизии, а также IV и XIV армейских корпусов, в 1887 г. стал комендантом Петропавловской крепости.

В марте 1864 г. Веревкин подал рапорт о положении в Витебской губернии в 1863 г., в котором анализировалась сложившаяся ситуация, начиная с 1861 г., акцентируя внимание на том, что революционные идеи, присущие жителям Польского королевства и Литвы добрались также и до Витебщины [25, л. 50]. Они проявлялись в симпатиях к антироссийским выступлениям в Польском королевстве, в пении в костелах гимнов «скандального содержания», ношении траура, определенной одежды, отличающейся символическими знаками, а также разбрасывании по дорогам и зачитывании среди жителей деревень разных бунтарских произведений, целью которых являлось вовлечение в восстание крестьян. Обращалось внимание на то, что такие настроения были характерны вплоть до 1863 г., восстание в губернии назревало под руководством ксендзов, помещиков, местных чиновников, а также женщин-патриоток. Большие надежды подпольщики возлагали на крестьян, но, по мнению Веревкина, в восстание их удалось вовлечь лживыми обещаниями и пропагандой. Губернатор обращал внимание на то, что польские помещики не знали «русского люда», не замечали, что отличительной чертой крестьян были очень консервативные взгляды, выражающиеся в «верности трону и отчизне» [25, л. 51]. Землевладельцы, несмотря на обещания изменить отношения между усадьбой и деревней, у крестьян ассоциировались с гнетом и крепостничеством. По мнению губернатора, крестьяне окружили императора благодарностью в связи с обретением свободы и, благодаря этому,

лучше, чем вся полиция, следили за помещиками и шляхтой, доказывая таким образом, что они «верные сыны Русской Земли» [25, л. 51]. При этом не упоминалось о государственной пропаганде, направленной на крестьян с целью втянуть их в борьбу против повстанцев. Также не писал о том, что на самом деле не помещики были виновны в существовании архаических феодальных отношений, а русское правительство, которое не предпринимало реформ по изменению подобной системы в государстве. В его рапорте также нет ни слова о том, что программа партии красных предполагала демократизацию социальных отношений, наделение крестьян землей, о чем писали критиковавшиеся губернатором «революционные» брошюры. Одной из них являлась, вероятно, популярная «Мужыцкая прауда», издававшаяся на белорусском языке руководителем Литовского провинциального комитета К. Калиновским и другими представителями движения.

Наиболее активные действия повстанческого движения в Витебской губернии пришлись на весну 1863 г. Губернатор указывал, что этому положило начало операция повстанческого отряда под командованием графа Л. Плятэра по нападению на обоз с оружием. Веревкин подчеркивал особую роль крестьян в отлове членов отряда, которые уже на следующий день передали их полиции. Активность крестьян, по убеждению губернатора, испугало шляхту и удержала их от поддержки восстания [25, л. 52]. Также как и могилевский губернатор, Веревкин воздержался от подробного описания грабежа усадеб и других действий крестьян, которые так запугали землевладельцев, боявшихся Галицийской резни 1846 г.

Губернатор сообщил, что 23 апреля среди жителей Витебской губернии прошла демонстрация в поддержку восстания, а в Себежском, Полоцком, Витебском и Лепельском уездах были сформированы небольшие повстанческие отряды. Их целью был захват Динабурга и Витебска. По оценке начальника губернии, отряды главным образом состояли из чиновников и их помощников низших рангов, а также шляхты. Они были слабы с точки зрения количественного состава и не могли стать реальной угрозой. Однако, несмотря на это, считал, что недостаток войска в некоторых уездах мог способствовать распространению убийств и грабежей. В крестьянах видел исключительно добровольную, быструю, эффективную силу по защите края от бунтовщиков [25, л. 52–53]. Характерно, что именно им он отдавал пальму первенства в подавлении восстания, не акцентируя внимания на действия военных, что в некоторой ступени странно, особенно в связи с тем, что он сам был военным. Тем не менее, в результате, как следует из рапорта,

благодаря прогосударственной позиции крестьян «бунт» в губернии был остановлен в начале мая, а подпольщики, за небольшим исключением, арестованы [25, л. 53]. Согласно словам Веревкина, крестьяне, особенно более образованные, отозвались на воззвания властей, с охотой приступая к созданию крестьянской стражи и наблюдению за лицами, перемещающимися по дорогам. Он также считал, что восстание в Витебской губернии не возобновится, а большое количество представителей «польской шляхты» испытывает чувство вины, что выразилось в верноподданническом письме, направленном 20 октября 1863 г. генерал-губернатору Северо-Западного края. Он отмечал, что помимо взятия под контроль территории, все еще имеется множество лиц, которые рассчитывают на внешнюю помощь и помощь восстанию, поэтому нельзя еще утверждать, что в губернии воцарился мир и гарантировал, что предприняты шаги для поиска всех тех, кто был связан в той или иной мере с антиправительственным выступлением, виновных передавали военным судам «неопределенных» и «вредоносных» превентивно высылали в отдаленные либо внутренние губернии Российской империи [25, л. 56]. Губернатор рапортовал также, что лица, которые даже в незначительной степени подозреваются в политической активности, окажутся под строгим надзором полиции. Веревкин хвастался, что предпринял еще некоторые действия по отношению к шляхте, приведшие к тому, что предводителями уездных шляхетских собраний стали православные, служащие в полиции были заменены на людей православного вероисповедания в связи с тем, что полицейских католического вероисповедания обвиняли в неисполнении своих обязанностей, поблажках, либо даже помощи участникам восстания [25, л. 51]. В 1863 г. на территории Витебской губернии было арестовано 261 человек, из них 91 был преданы военным судам, 23 выселено в другие губернии, 149 имений подлегало секвестрации, 25 из них было конфисковано 15 человек, арестованных по обвинению в политической активности, были оправданы, но в конце 1863 г. еще 127 дел находилось на рассмотрении.

Члены Западного комитета в 1864 г. встречались в общей сложности 35 раз, приняв 69 постановлений, касающихся урегулирования жизнедеятельности в охваченном восстанием Северо-Западном крае. Были проанализированы рапорты губернаторов и генерал-губернатора Михаила Муравьева. Было решено, прежде всего, поддержать русское и православное население на территории Литвы и Беларуси, православным помещикам были обещаны налоговые послабления, упрощение процедуры покупки конфискованных имений, православным казенным крестьянам хотели облегчить процесс заселения на отобранной у шляхты

земле. Муравьев получил согласие на закрытие гимназий, чтобы ограничить в них доступ польской молодежи, а также на ликвидацию некоторых костелов и монастырей под предлогом слишком малого количества находившихся в них монахов. Было решено поддержать православных чиновников, привлекая людей обосноваться в западных губерниях более высокими зарплатами и финансовыми апанажами. Западный комитет выделял генерал-губернатору ежегодные финансовые средства для поддержки Православной Церкви по своему усмотрению на литовско-белорусских землях, а также было решено завершить начатый несколько десятилетий назад процесс по подтверждению шляхетства, лиц, лишенных его, должны были, как можно скорее перевести в категории, соответствующие их настоящему социальному и имущественному статусу. Участников восстания рекомендовано было выселять в губернии, где их присутствие не нарушало бы общественного порядка; это были дальние губернии: Вологодская, Тобольская, а для наиболее провинившихся – Якутский округ [26, л. 1–9]. Применение репрессий и начавшаяся русификация повлияли на множество жизненных аспектов населения Литвы и Беларуси, в т. ч. и на национальные процессы и преобразования. Русификация существенно повлияла на активизацию российской и польской национальной идеи. Отстранение белорусского и литовского народов от образовательного процесса ослабили рождающееся белорусское и литовское национальное движение, но никаким образом не привели к его исчезновению. Планы по созданию однородного русского народа и объединению в национальную общину русских и белорусов на могилевщине и витебщине осуществились не полностью. Однако необходимо признать, что значительная часть белорусов во второй половине XIX в. ассимилировалась к русской культуре и даже утвердила русскую национальную идентичность, видя в этом возможность социального продвижения. Выборы в Государственную Думу, проводимые несколькими десятилетиями позднее, показали, насколько популярны правые и монархические партии на этой территории. В целом, на фоне других городов литовско-белорусских земель Витебск и Могилев выделялись своим «русским характером».

В 1863 г. большую роль в борьбе с антиправительственными выступлениями в восточной Беларуси играли старообрядцы. Полагалось, что эта группа населения станет ядром русскости на данной территории. Эти намерения оправдались наполовину. Значительное количество староверов во время переписи населения 1897 г. назвала своим родным языком белорусский, а не русский [27, с. 58–72]. После первой мировой

войны в Варшаву направлялись петиции с просьбой предпринять военные действия и присоединить могилевщину и витебщину к Польше.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Fajnhauz, D. 1863. Litwa i Białoruś. / D. Fajnhauz. – Warszawa, 1999.
2. Blachowska, K. Wielehistoriijednegopaństwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Blachowska. – Warszawa, 2009.
3. Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб., 1884.
4. Определение и название данной идеологии дал в 1930-х гг. белорусский политический деятель Александр Цвикевич (Цьвікевіч, А. «Западно-русизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі ў XIX і пачатку XX в./ А. Цьвікевіч- Менск, 1993. (факсимильное издание).
5. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 970. Оп. 1. Д. 181; Ф. 970. Оп. 1. Д. 177; Ф. 970. Оп. 1. Д. 155.
6. Примером может служить семья Гоздава-Гижицких, которая переехала в XVI в. из Мазовии в Великое Княжество Литовское, приобретя имения в восточной части Беларуси - mps научной обработки, хранящейся в Польской библиотеке в Париже, nrakcs. 3793.
7. Более подробно об этнической структуре Беларуси: Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. / П. В. Терешкович. – Минск, 2004.
8. Насытка, Я. Этнадэмаграфічныя характарыстыкі / Я. Насытка // Гісторыя Беларусі. – Мінск, 2005. – Т. 4.
9. Chankowski, S. Społeczeństwo ziem północno-wschodnich wobec powstania styczniowego/ S. Chankowski// Powstanie Styczniowe 1863-1864. Wrzenie-Bój-Europa-Wizzje/ red. S. Kalmebka.- Warszawa, 1990.
10. Зайцев, В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа) / В. М. Зайцев. – М., 1973.
11. Tokć, S. Struktura narodowościowo-wyznaniowa mieszkańców pogranicza polsko-białoruskiego na przełomie XX w., Tabl. 2: Struktura etniczna guberni białoruskich w 1864 r. i 1897 r ./ S. Tokć.- Mironowicz, E., Tokć, S., Radzik, R. Zmiana struktury

narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku. – Białystok, 2005.
12. Панютич, В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861-1900 гг. / В. П. Панютич. – Минск, 1990.
13. РГИА. Ф.1267. Оп. 1. Д. 8.
14. Лепеш, О. В. Комитет западных губерний/ О. В. Лепеш. – Минск, 2010.
15. Apolonia z Dalewskich Sierakowska. Wspomnienia, oprac. J. Sikorska-Kulesza i T. Bairašauskaite, Warszawa 2010, s. 175; Jakub Gieysztor, Pamiętniki z lat 1857–1885, t.1, Wilno 1921, s. 104.
16. Michaluk, D. Powstanie 1863 r. na Podlasiu/ D. Michaluk // Polska-Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne. Powstanie styczniowe w tradycji i myśli politycznej Polski i Białorusi / red. E. Rosowska, A. Wabiszczewicz. – Warszawa, 2014.
17. Michaluk, D. Szlacheccy rewolucjoniści i „raznoczyńska" inteligencja. Kształtowanie światopoglądów historycznego i społecznego chłopów białoruskich przed powstaniem styczniowym na przykładach „Muzyckaj Praudy" / D. Michaluk // Dwór i wieś na Litwie i Białorusi w XIX i na początku XX wieku, red. D. Michaluk.- Warszawa, 2004. – s. 33–56; Она же. Tradycja Rzeczypospolitej i nowe idee. Program stronnictwa czerwonych na Litwie i w Królestwie Polskim na łamach prasy konspiracyjnej „Ruch" i „Chorągiew Swobody" (1862-1864) // Беларусь і суседзі: Гістарычныя шляхі узаемадзеянні і ўзаемаўплывы. Вып. 3.- Гомель, 1014, ГДУ імя Ф.Скарыны, с. 23–31.
18. S. Chankowski, op. cit., s. 357–360; D. Fajnhauz, op. cit., s. 150–167; Dobroński; A. Postawa społeczeństwa Białostocczyzny wobec powstania styczniowego / A. Dobroński. // Obok Orła znak Pogoni…"Powstańcy styczniowi na Białostocczyźnie / red. Z. Kosztyła. – Białystok, 1985.
19. О названии "Беларусь" см.: Łatyszonek, O. Od Rusinów Białych do Białorusinów / O .Łatyszonek // U źródeł białoruskiej idei narodowej . – Białystok, 2006.
20. Смирнов, А. Ф. Востание 1863 года в Литве и Белорусии / А. Ф. Смирнов. – М., 1963.
21. Подробно события восстания на Литве и Беларуси описаны в многотомной работе: Ратч, В. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России / В. Ратч. – Вильно, 1867.
22. 3 ліпеня 1863 г. Віцебск – Загад в.а. віцебскага цывільнага губернатора віцэ-губернатора А. І. Пятніцкага ваенна-павятовым начальнікам і земскім спраўнікам Інфлянцкіх

паветаў Віцебскай губ. аб недапуўчэнні прыгнёту стараверaў з боку памешчыкаў-каталікоў // Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебской, Магілеўскай і Мінской губернях, ук. Д. Матвейчык. – Мінск, 2014. – № 27.
23. Dvaras modernėjančioje Lietuvoje : XIX a. antra pusė – XX a. pirma pusė (Modernizacja szlachecka Litwy: druga połowa XIX wieku – pierwsza połowa XIX wieku, red. G. Jankevičiūtė, D. Mačiulis], Vilnius, 2005; Z. Medišauskienė , Konservatyvi industrinės visuomenės kritika XIX a. vidurio Lietuvoje /Rozwój przemysłowy na Litwie w krytyce dziewiętnastowiecznych konserwatystów // Istorija. – 2000. – № 46. – S. 3–10.
24. Оголин, Александр Степанович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //ru.wikipedia.org/wiki/
25. РГИА. Ф.1267. Оп. 1. Д. 5.
26. РГИА. Ф.1267. Оп. 1. Д. 34.
27. Іваноў, У. Стараверы Беларусі ў паўстаньні 1863–1864 гг. і ў беларускім нацыятворчым другой паловы ст. XIX / У. Іваноў. // Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі . – Мінск, 2015.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЯ БЕЛОРУССКИХ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ.

Е. В. Серак

Одним из элементов наказания участников восстания 1863–1864 гг. из белорусско-литовских губерний стала ссылка в Сибирь. Во второй четверти XIX в. ссылка оформляется как самостоятельный вид наказания, состоящий в удалении как в судебном, так и в административном порядке на определенный срок или бессрочно. Места ссылки определялись в широких пределах, включали территорию Европейской России, Западную и Восточную Сибирь. В результате этого процесса более 20 тысяч уроженцев Беларуси были перемещены в новые социальные реалии, что соответственно находит отражение как в белорусской истории, так и в истории Сибири.

Для регламентации ссылки предусматривалось создание комплекса нормативно-правовых актов. Одним из первых документов такого рода стал рескрипт Александра II от 14 января 1863 г., адресованный виленскому военному, гродненскому, минскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову о мерах борьбы с начинающимся повстанческим движением [37, с. 60–61]. В. И. Назимов наделялся особой властью и полномочиями военного времени – классифицировать всех содержащихся под арестом по принципу большей или меньшей тяжести совершенного ими преступления и предавать военному суду. Указом Сената от 15 января 1863 г. в пограничных с Королевством Польским уездах белорусско-литовских губерний объявлялось военное положение [10, л. 11–14; 48, l. 33–34]. В результате взятые в плен повстанцы подлежали военному суду на основании военно-уголовного устава 1859 г., который гласил: «все жители в губерниях и областях, объявленных в военном положении, совершившие какое-либо противозаконное деяние, подлежат военному суду на основании полевых уголовных законов» [41, с. 21].

Установление спокойствия и организация расследования были возложены на прибывшего 14 мая 1863 г. в Вильно в качестве виленского военного губернатора, генерал-губернатора ковенского, гродненского и минского, начальника Виленского военного округа с подчинением губерний Могилевской и Витебской генерала от инфанте-

рии М. Н. Муравьева. Для определения степени виновности задержанных участников восстания создавались специальные судебно-следственные органы: военно-следственные комиссии, институт военно-уездных начальников, военно-судебные комиссии, полевой аудиториат. Военно-следственные комиссии были созданы во всех губернских городах, к февралю 1863 г. в Вильно и Гродно, к марту–апрелю 1863 г. в Минске и Витебске, к маю 1863 г. в Могилеве [8, л. 1; 17, л. 1; 19, л. 6, 120; 47, l. 14]. Такие же комиссии учреждались в большинстве уездных городов. На протяжении апреля–мая 1863 г. сформированы следственные комиссии в таких городах Могилевской губернии, как Орша, Горки, Чериков, Сенно [18, л. 10; 21, л. 1; 22, л. 2]. С июня 1863 г. образованы следственные комиссии в следующих городах Гродненской губернии: Бресте, Слониме, Кобрине, Пружанах и Волковыске [46, l. 1]. В июне 1863 г. открыты следственные комиссии в уездных городах Виленской губернии: Лиде, Вилейке, Ошмянах. В тот же период начинают действовать комиссии в шести городах Минской губернии – Слуцке, Игумене, Борисове, Мозыре, Пинске и Новогрудке [45, l. 3]. В августе 1863 г. в г. Лепеле Витебской губернии была образована следственная комиссия по политическим делам, присланным из Динабургской следственной комиссии [9, л. 26]. Генерал-губернатором М. Н. Муравьевым перед ними ставилась задача «расследования поступков всех лиц, которые участвовали в бунте в большей либо меньшей степени, непосредственно или опосредованно». Был отдан приказ «притянуть к ответственности также и тех обывателей, которые давали приют повстанцам, доставляли им хлеб, оружие и деньги» [1, s. 113]. Вместе с этими указаниями М. Н. Муравьев распорядился, чтобы все жители края вернулись на свое постоянное место жительства и несли на местах ответственность за состояние своих лесов и земель. Наказанием за недонесение о приближении к их землям повстанцев являлась отдача под военный суд [11, л. 2–2 об.].

Военно-следственные комиссии создавались при военных формированиях российской армии и состояли в основном из офицеров и унтер-офицеров. Председатель комиссии чаще всего имел звание майора или штабс-капитана. Делопроизводителями и аудиторами могли быть назначены гражданские чиновники [27, л. 7, 9–9 об.]. Следственные комиссии вели предварительное расследование и занимались первичным рассмотрением дел повстанцев. Их деятельность была направлена на проведение допросов, установление виновных и вида наказания для повстанца, вынесение приговоров как обвинительного, так и оправдательного характера. Комиссии занимались рассмотрением поданных заключенными прошений о возможности перевода из острога в приют,

о проведении очной ставки, о предоставлении «отпуска» для решения семейных, имущественных и бытовых вопросов [28, л. 22–28 об., 110, 112]. Следственные комиссии имели ряд делопроизводственных обязанностей: подготовка кратких выписок из судебно-следственных дел для военного суда, составление месячных отчетных ведомостей, представление статистического материала в отношении вынесенных участникам восстания 1863–1864 гг. наказаний [29, л. 7, 9–9 об.; 30, л. 15].

Следственные комиссии проводили рассмотрение дел самого разного содержания: дела самих участников восстания, тех, кто подозревался в оказании помощи повстанцам путем сбора и доставки продовольствия, денег, оружия, пороха, медикаментов, кто выражал сочувствие восстанию или его отдельным участникам. Отложившиеся в фондах военно-следственных комиссий судебные дела состоят из нескольких типов документов: протоколы допросов, обысков, очных ставок, выписки из показаний, обвинительные заключения, клятвенные обещания. Участники событий рассказывали не только о своем пребывании в том или ином повстанческом отряде, но и сообщали наиболее полные сведения о действиях отрядов, о местах и количестве сражений, стычек с российскими войсками, указывали маршруты движения, способы снабжения продовольствием и оружием, рассказывали о взаимоотношениях повстанцев с местными жителями. К одной из главных задач комиссий можно отнести выявление лиц (на основании показаний), которые имели отношение к восстанию, для дальнейшего их ареста и наказания. В комиссиях формировались алфавитные списки, куда вносились фамилии всех тех, кого подследственные упоминали на допросах. Так, в протокольном заключении шляхтича Лукациевского значится: «всех оговариваемых лиц привлечь к ответственности и о них по собрании сведений от других добровольно явившихся с удостоверением в справедливости обвинений произвести следственное дело» [34, л. 6]. Прощения заслуживали те из участников восстания, кто называл большее число фамилий своих соратников.

Следственные комиссии, несмотря на постоянное увеличение их количества, не могли справиться с наплывом арестованных повстанцев. В силу ряда причин «производящиеся дела по неимению особого делопроизводителя и по недостатку канцелярии замедляются окончанием», «завершенные дела не представляются за неимением времени у членов комиссии составить своевременно краткие выписки, так как кроме допросов и постановлений вынуждены заниматься составлением исходящих бумаг, ведомостей и прочей перепиской» [9, л. 1 об., 2]. Многие дела в уездах значились под заглавием «о найденном оружии и боевых

снарядах», между тем оказывалось, что большая часть дел начата по случаю «найденных у некоторых лиц негодных стволов или прикладов, по одному или два заряда пороху» [9, л. 11]. Другие дела в уездных комиссиях находились в производстве более года и не оканчивались только по причине не проведения допроса. В следственные комиссии на рассмотрение и решение поступали дела, по которым виновные не установлены вообще. В комиссиях зачастую действовали совершенно не готовые к выполнению возложенных на них должностных обязанностей чиновники. Подобный факт выявлен в Мозырской следственной комиссии, по результатам рассмотрения ведомости о политических делах рекомендовано «изменить или дополнить состав комиссии опытными и знающими следственное производство чиновниками, так как из отчетов, представляемых аудиториату, видно, что не было решено ни одного дела» [12, л. 252–255]. Незначительно повлияло на ситуацию и введение изменений в графике работы следственных комиссий. В предписании М. Н. Муравьева от 1 июля 1863 г. было рекомендовано проводить заседания два раза в день [19, л. 77–78].

Стоит подчеркнуть тот факт, что следственные комиссии порой довольно формально подходили к исполнению своих обязанностей, вовсе не пытаясь найти какие-то дополнительные обстоятельства «преступлений», совершенных подследственными. Виленским аудиториатом были выявлены многочисленные факты нарушений в производстве следствия, допущенные комиссиями. Многие дела не содержали сведений о причинах задержания обвиняемых лиц и начинались с выяснения обстоятельств, за что они арестованы. Допросы обвиняемых производились поверхностно, касались только некоторых частей обвинения, иногда не соответствовали существу дела. У свидетелей не уточнялось, как им стали известны обстоятельства преступления, были ли они очевидцами. Свидетели назывались в одних показаниях настоящими фамилиями, при передопросах именовались только по отчеству. Часто без допроса оставались те, на кого ссылались обвинители, иногда вовсе не подвергались допросу сами обвиняемые. Без внимания оставались требования обвиняемых предоставить им очную ставку. Свидетели, в свою очередь, то обвиняли, то отказывались от данных показаний, то «говорили, что они вовсе не знают арестованных и что показания их относились к другим лицам» [26, л. 93–102]. Следует также отметить, что в компетенции следственных комиссий находились вопросы, связанные с размещением подследственных, регламентацией порядка содержания, свиданий, изменения места содержания, а также в их обязанности входило проводить ежемесячные

ревизии с предоставлением отчетов о количестве арестантов. Число арестованных неизменно увеличивалось, что привело к перенаселению мест временного заключения. К весне 1863 г. местом содержания подсудимых являлись тюремные замки, казармы батальонов внутренней стражи, частные дома и приюты. Необходимые условия для содержания массового количества арестантов отсутствовали. Об этом свидетельствует рапорт смотрителя могилевского тюремного замка от 17 августа 1863 г. в местную следственную комиссию: «в замке по многочисленности арестантов помещение в камерах стеснительное, для вновь препровождаемых нет места, просим распоряжения вновь прибывших инсургентов отсылать для содержания в казармы батальона или в богоугодное заведение» [14, л. 36–37 об.]. Ситуация не изменилась и к ноябрю 1863 г. В рапорте отмечалось, что «арестантов содержится 90 человек, размещены неимоверно тесно, могут возникнуть эпидемические болезни по случаю постоянно спертого воздуха» [14, л. 88]. В ходе ревизий высшим военным начальством установлены многочисленные нарушения режима пребывания под арестом. Витебский тюремный замок был рассчитан на 126 арестантов, на момент ревизии в июне 1864 г. здесь содержались 312 повстанцев, в Полоцке – 29 и 40 соответственно, в Лепеле – 19 и 33, в Себеже – 15 и 25 человек [16, л. 13, 18].

Массовые аресты привели к тому, что в Волковыске по приказу полковника Казанли в 1863 г. был занят частный дом Т. Щигельской, только потому, что он расположен наиболее близко к острогу. В нем под охраной содержались 44 человека [31, л. 127–128]. В городах была введена практика аренды повстанцами квартиры, где они находились под надзором жандармского офицера и полицейских [38, с. 52]. В размещении арестованных имели место случаи содержания их в палатках за городом [23, л. 16]. Минская православная духовная семинария вынуждена была переселить 80 воспитанников в частные дома и уступить 26 комнат для содержания арестантов [5, л. 3, 10–11 об., 17, 31].

В связи с данной ситуацией в следственные комиссии стали поступать прошения заключенных о возможности перевода их из казарм батальона внутренней стражи в богадельни по причине «совершенно расстроенного здоровья». Однако и эти учреждения были переполнены. Администрация могилевского приюта следующим образом попыталась разрешать ситуацию. Было предложено «разместить пять человек политических преступников в комнате, которую занимал караульный офицер, но так как в этой комнате не имеется решеток, то для отвращения побега установить железные решетки» [14, л. 121]. Приведенные дан-

ные свидетельствуют об отсутствии необходимых условий для содержания массового количества арестантов и бездействия со стороны следственной комиссии.

Отсутствовали единые, конкретные инструкции и предписания по содержанию подследственных. Поэтому условия содержания арестованных в период следствия отличались разнообразием, но не строгостью. «Политические преступники пользуются совершенною свободою, ходят по коридорам, двору и имеют незапертыми свои камеры», администрация тюремного замка не компетентна в вопросах, как должны содержаться под арестом подследственные, как все арестованные, или пользуются особыми льготами, в чем именно и в какой степени. Караульные офицеры не владеют инструкциями в отношении их обязанностей в карауле, где содержатся арестанты [14, л. 164 об.].

Встречались случаи, когда следственное дело могло находиться на рассмотрении военно-судебной комиссии, а подследственный при этом был подвергнут только домашнему аресту. Так, следственная комиссия приняла решение о «назначении караула в доме арестованных помещика Свидо и его супруги» [19, л. 19]. Послабления арестованным иногда давались из-за необходимости передачи казарм батальона внутренней стражи «для размещения рекрутов, в этой связи повстанцы переводились в богоугодное заведение» [14, л. 160].

Весной–летом 1863 г. не был урегулирован и регламентирован вопрос о свиданиях. В этот период они разрешались повсеместно. Командующий войсками Могилевской губернии генерал-майор В. Яшвиль также не являлся сторонником строгой изоляции арестантов. Несмотря на продолжающийся следственный процесс, арестантам широко разрешались свидания, чем могли воспользоваться около 60 человек в день. В большинстве случаев это происходило без ведома следственной комиссии [31, s. 112].

13 июля 1863 г. командующему войсками Могилевской губернии поступило уведомление о недопущении никого для свидания с содержащимися под арестом участниками восстания. Однако попытка изолировать подследственных не имела успеха. Изобретались различные формы получения свидания. В рапорте смотрителя в казармах могилевского батальона внутренней стражи, адресованного следственной комиссии в сентябре 1863 г., отмечалось, что «неоднократно замечено, что в находившихся близ казармы еврейских домах дамы заходят в них, а некоторые и снимают квартиры и имеют разговоры из окон и дворов с арестованными. Полиция к устранению беспорядков не принимает ни-

каких мер» [14, л. 182]. Власти не смогли овладеть ситуацией и смягчили ограничения, выработав к октябрю 1863 г. «Правила для свидания с политическими арестантами, содержащимися в тюремном замке, в казармах батальона внутренней стражи и богоугодных заведениях» [14, л. 188]. В соответствии с данным документом свидания разрешались только ближайшим родственникам, назначались два дня в неделю – в воскресенье и среду, в присутствии члена следственной комиссии, смотрителя, караульного офицера. Продолжительность свидания составляла не более получаса, разговор допускался только на русском языке, повторное свидание было возможно только по истечении семи дней. Лицо, допущенное к свиданию и нарушившее установленные правила, лишалось возможности на будущие встречи.

Важным элементом системы наказания повстанцев на территории белорусско-литовских губерний была деятельность военно-уездных начальников. С мая 1863 г. они становятся проводниками политики генерал-губернатора М. Н. Муравьева на местах [32, л. 346]. Все судебные дела после окончания предварительного следствия представлялись на рассмотрение военного начальника уезда. Его мнение и предложения вносились в заключение следственного дела и учитывались при вынесении приговора. В решении комиссии по делу о дворянине В. Кочане, несмотря на отсутствие «фактических доказательств о сношении его с мятежниками, но … принимая во внимание местное убеждение Ошмянского военного начальника, который находит необходимым временное удаление из края В. Кочана, как человека подозрительного и вредного», он был признан виновным и выслан в Оренбургскую губернию [44, l. 3–4].

О зависимости следственной комиссии от военного уездного начальника свидетельствует и такой факт, что в его компетенции находился вопрос определения «полноты раскаяния», с которым повстанец обращался к российским властям [38, с. 50]. Вынесенный приговор крестьянину Ю. Яроцкому подтверждает, что «его чистосердечное раскаяние и откровенное показание» представлялись на решение военного начальника Ошмянского уезда [35, л. 4].

В июле 1863 г. вступили в силу дополнения к «Инструкции по организации военно-гражданского управления», по которой военно-уездные начальники были наделены новыми полномочиями. В частности, они получили право проведения военно-полевого суда над повстанцами в 24 часа, право конфирмации его решения и приведение приговора о смертной казни в исполнение [40, с. 125]. В сложившейся ситуации выбор каждого начальника был индивидуальным. Одни ссылались на то,

что не имеют военно-криминального кодекса и офицеров для выполнения функции аудитора, представляя подобные дела на конфирмацию высшему начальству. Другие, заручившись поддержкой со стороны губернской администрации, проводили судебные разбирательства без аудиторов.

К концу июля 1863 г. проявляется ужесточение репрессивных мероприятий, М. Н. Муравьев отдает приказ о лишении земли и дворов представителей шляхты, оказавших помощь повстанцам [2, с. 15]. Те же деревни, которые принимали наибольшее участие в восстании, после проведенного расследования предписывалось высылать, «жителей брать под арест для переселения их с семьями во внутреннюю Россию» или в Сибирь на водворение [33, л. 71]. Таким образом, практика проведения внесудебных репрессий, а именно ссылка в административном порядке относится ко второй половине 1863 г. Чаще всего она применяется в отношении представителей податных сословий [43, s. 103]. Обыватели околиц Репища, Тарногурки и Володута Игуменского уезда Минской губернии оказались виновными в «сношениях с мятежниками и недонесении властям о находившейся вблизи их деревни в течение двух недель повстанческого отряда Б. Свенторжецкого и снабжении его продовольствием» [2, с. 20; 4, л. 81]. За данные действия они были отправлены на водворение в Томскую губернию [4, л. 82–82об.]. Массовые репрессии коснулись жителей ряда околиц Минской губернии – Крживоблоты, Дзятовец, Гриневичи, Сутино, Смоляны, Каменцы, Бухалы, Полонная Груда, Чечеки и Гаврилковичи, Уборки (Борки), Французская Гребля, Подкосье, Орешковичи, Завишино, Подкаменка. Из Могилевской губернии была выслана околичная шляхта из Тертежа, Марусеньки, Литутей, Сеножатки [2, с. 21; 3, с. 61; 4, л. 37–40]. В 1863–1864 гг. с территории Гродненской губернии были высланы жители околиц Шумы, Пеняшки, Щука и частично Эйсмонтов-Надтабольских [24, л. 1]. Довольно сложно установить точную цифру высланных жителей из околиц. Ведомости, составленные уездными начальниками, не отличаются достоверностью. Тем не менее, опираясь на данные официального делопроизводства Гродненской губернии, получается более 500 человек [38, с. 59].

Возрастных ограничений для ссылки не существовало. В списках встречаются новорожденные, а также пожилые люди, возраст которых превышает 70 лет [4, л. 76–77, 81–84, 88–96]. Известны случаи, когда по невнимательности местной администрации, во время составления именного списка жителей околицы Луковицы Бельского уезда Гродненской

губернии, были включены слуги, которых, также как членов семей, выслали в Сибирь [38, с. 58]. Определением населенного пункта для ссылки его жителей занимались непосредственно военно-уездные начальники. Затем губернатор направлял общий список в Вильно, где определялось окончательное место ссылки для каждой отдельной семьи. Имущество ссыльных распродавалось. Полученные средства должны были раздаваться владельцам проданных имений на домашнее и хозяйственное обзаведение в местах назначения. Дальнейшие материалы делопроизводства, тем не менее, показывают, что многие оказались в местах ссылки без всяких средств к существованию [25, л. 51].

Значительная часть следственного материала, собранного на участников восстания, рассматривалась в военно-судебных комиссиях. 16 февраля 1863 г. было принято решение об учреждении таких комиссий на территории белорусско-литовских губерний [36, с. 216]. Они создавались и действовали при командирах полков и отрядов, при военных отделах в Динабургском ордонанс-гаузе, при минском батальоне внутренней стражи, а также в губернских и уездных городах. Чаще всего в военно-судебные комиссии поступали следственные дела, которые не входили в компетенцию военных начальников, а именно дела руководителей повстанческих отрядов, членов революционных организаций, офицеров российской армии, перешедших на сторону повстанцев [42, с. 329]. Военно-судебные комиссии в процессе рассмотрения собранных доказательств в ходе следствия определяли степень вины и ответственность лиц, принявших участие в восстании. Судебный процесс носил закрытый характер. В процедуре заседания суда формальностью была норма непосредственного присутствия обвиняемого участника восстания. Допускались заочная форма в разборе дел и вынесение приговора в отношении тех лиц, которые на момент заседания отсутствовали [26, л. 70].

Подобные судебные органы возникали спорадически, а их деятельность имела временный характер. Существенной особенностью этих комиссий было довольно частое совпадение их состава с составом военно-следственных комиссий. Возможно, именно по этой причине летом 1863 г. судебные органы были закрыты в уездах, но продолжали функционировать в губернских центрах [39, с. 218–219, 221].

Завершающим звеном в системе судебно-следственных органов по делам участников восстания является полевой аудиториат. В октябре 1863 г. был учрежден временный полевой аудиториат при командующем Виленским военным округом «для рассмотрения представляемых на конфирмацию к командующему войсками Виленского военного

округа и губерний Могилевской и Витебской военно-судных и следственных дел по политическим преступлениям» [36, с. 218]. Сюда поступали следственные дела, постановления следственных комиссий, предварительные приговоры военных судов. Аудиторы готовили приговоры, право вынесения окончательного решения принадлежало генерал-губернатору М. Н. Муравьеву, командующему войсками Виленского военного округа, помощнику генерал-губернатора виленского, ковенского, гродненского, минского генерал-майору А.Л. Потапову, виленскому генерал-губернатору, временному военному губернатору Минской губернии генерал-майору В. В. Яшвилю. [6, л. 15–15 об.; 7, л. 101; 12, л. 460, 613 об; 13, л. 16; 15, л. 89; 20, л. 168]. В свою очередь конфирмации чиновников вносили существенные изменения в решения аудиториата. Так, М. Н. Муравьевым был изменен вердикт в отношении пробашча парафии св. Яна в Вильно В. Хундяуса происходившего родом из Волковысского уезда. В июле 1863 г. он был арестован по подозрению участия в тайных собраниях, а также за проводимую среди населения агитацию. Решением временного полевого аудиториата его приговорили к 2,8 года каторги, по истечении которой ему предписывалось отправиться на жительство под строгий полицейский надзор в Оренбургскую губернию. В соответствие с конфирмацией М. Н. Муравьева от 27 марта 1864 г. в качестве меры наказания ему была определена ссылка на постоянное жительство в Тобольскую губернию с лишением духовного сана и прав состояния [47, s. 206].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Горбачева, О. В. Восстание 1863–1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси / О. В. Горбачева // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. – Kielce, 2005. – S. 111–118.
2. Макарэвіч, В. С. Высяленні дробнай шляхты з Мінскай губерні ў 1863–1864 гг. / В. С. Макарэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 10. – С. 13–22.
3. Мулина, С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А. С. Мулина. – СПб. : Алетейя, 2012. – 200 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1522.
5. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1628.
6. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 1. Д. 582.

7. НИАБ. – Ф. 320. Оп. 2. Д. 98.
8. НИАБ. – Ф. 1418. Оп. 2. Д. 1.
9. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31263.
10. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31307.
11. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31316.
12. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31584.
13. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 18.
14. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 32.
15. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 62.
16. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 240.
17. НИАБ. – Ф. 3046. Оп. 2. Д. 3.
18. НИАБ. – Ф. 3255. Оп. 1. Д. 3.
19. НИАБ. – Ф. 3255. Оп. 2. Д. 1.
20. НИАБ. – Ф. 3257. Оп. 1. Д. 8.
21. НИАБ. – Ф. 3286. Оп. 1. Д. 1.
22. НИАБ. – Ф. 3366. Оп. 1. Д. 3.
23. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 542.
24. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 1776.
25. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.
26. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.
27. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 12.
28. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 14
29. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 37.
30. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 974. Оп. 1. Д. 13
31. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1624. Оп. 2. Д. 3.
32. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1714. Оп. 1. Д. 9.
33. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1714. Оп. 1. Д. 17.
34. Обушенкова, Л. А. Архивные материалы судебно-следственных учреждений 1863–1866 гг. по делам участников восстания / Л. А. Обушенкова // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». – М., 1964. – С. 211–279.
35. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе: в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 38. – Отд. 1. – 1866. – 942 с.
36. Радзюк, А. Р. Рэпрэсіўная дзейнасць уездных ваенных начальнікаў у 1863–1864 гг. (на прыкладзе Гарадзенскай губ.) / А. Р. Радзюк // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі : матэрыялы VII міжнар. навук. канф., Мінск, 25 верасня 2009 г. / Беларус. гістарычнае таварыства ; нав. рэд. А. Смалянчук. – Мінск, 2011. – С. 45–64.

37. Радзюк, А. Р. Дзейнасць следчых і судовых камісій на тэрыторыі Беларусі ў 1863 – 1864 гг. (на прыкладзе Гродзенскай губерні) / А. Р. Радзюк // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне : гісторыя і памяць : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 208–223.
38. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. 1863–1864 / сост. Н. Цылов. – Вильна : Тип. А.К. Киркора и бр. Роммов, 1866. – 383 с.
39. Свод военных постановлений : в 12 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1859. – Т. 12 : Устав Военно Уголовный. – 76 с.
40. Смирнов, А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30-60 годы XIX века / А. Ф. Смирнов. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 427 с.
41. Biłgorajski, F. Pamiętniki o sprawie chłopskiej w 1863 roku / F. Biłgorajski – Wrocław : Zakład imenia Ossolinskich – wydawnictwo, 1956. – 138 s.
42. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 378. – Ap. 154. – B. 775.
43. LVIA. – F. 378. Ap. 154. B. 1362.
44. LVIA. – F. 378. Ap. 154. B. 1365.
45. LVIA. – F. 378. Ap. 154. B. 1802.
46. LVIA. – F. 378. Ap. 159. B. 427.
47. Śliwowska, W. Syberia w życiu i pamięci Giejsztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa / W. Śliwowska. –Warszawa : DiG, 2000. – 399 s.

ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В ВОСПРИЯТИИ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (РУБЕЖ XIX–XX СТОЛЕТИЙ)

Т. Г. Недзелюк

Актуальнейшим вопросом нашего времени является феномен миграций и сопряженные с ним проблемы. Важно помнить, что исторический путь России и, в частности, Сибири располагает опытом адаптации больших масс населения к новым реалиям бытия. Любопытно, что мигрантами сто лет назад являлись европейцы, а не обитатели Азии, Африки и Ближнего Востока.

В данном исследовании не ставится целью охарактеризовать общее и особенное в реализации юридической политики Российского государства вообще и на уровне отдельно взятого региона: и в юридической, и в исторической науке уже сложилась достаточно устойчивая историографическая традиция [3, 6, 13, 15]. Так, например, С. В. Кодан обобщил факторы эволюции территориально-законодательного устройства Российской империи, выделил особенности регионально-законодательного устройства, дал сравнительную характеристику общеимперского законодательства, местных узаконений и обычаев территориально-законодательного устройства Российской империи в период 1800–1850 гг. [6, с. 122–132]. В частности, им сделан вывод о формировании организационно-правовых основ этнополитики верховной власти, о взаимодействии российской и европейской культур в политико-правовом развитии России. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. выявлена М. В. Шиловским [15, с. 165–173]. Попытка оценить степень влияния переселений на правовую культуру Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. предпринята Д. А. Глазуновым [3, с. 223–232]. Систематизации опыта деятельности административных органов по регулированию переселенческих потоков посвящено диссертационное исследование С. Г. Пятковой [11].

Нас будет интересовать иная ситуация: восприятие мигрантами из Западных губерний Российской империи правового пространства Сибири. В данном направлении сделаны только первые шаги: С. А. Мулина предприняла попытку анализа политико-юридической характеристики быта «мигрантов поневоле», участников сибирской политической ссылки [9, с. 60–77]. По нашему убеждению, не менее важным аспектом является изучение мотивации и методов «вхождения»

переселенцев в принимающее сибирское сообщество, оценка ими правовой ситуации в новом социуме. В числе приоритетных – стремление выжить, «обустроиться на месте» и получить возможные в данной ситуации материальные выгоды.

Эмпирической базой исследования выступили ходатайства ссыльных и переселенцев к губернаторам и генерал-губернаторам сибирских территорий. Восточносибирский корпус документации отложился преимущественно в коллекции Государственного архива Красноярского края, в фонде Главного управления Восточной Сибири, а Западносибирский – в Государственном архиве Омской области, в фонде Главного управления Западной Сибири. И в том, и в другом случаях мы сталкиваемся с большим количеством делопроизводственного материала, нуждающегося в обработке и систематизации.

Правовое пространство необъятной Сибири в XIX столетии не было однородным. Управлять такой империей, как Россия, населенной многочисленными народами на территориях, в разное время приобретенных государством, на основе унифицированной модели организации местного управления, суда, земельных и социальных отношений было невозможно. Правительство использовало различные варианты построения системы администрации и самоуправления, а также использования местного законодательства в центральных и окраинных губерниях – в Сибири и на Кавказе, в Польше и в Финляндии, исходя из политической целесообразности и эффективности государственного управления. Специфика социально-этнических, политических, экономических и естественно-географических условий Сибири имела преобладающее значение в определении системы управленческого воздействия государства на различные категории сибирского населения [7, с. 173]. Состав переселенцев также был далеко неоднородным. «Западно-переселенцы» в Восточную Сибирь из Царства Польского прибыли не по своей воле, а по распоряжению МВД Российской империи за участие или по подозрению в участии в антиправительственных действиях. Мигранты-аграрии в Западную Сибирь, в большинстве своем, приехали по собственному желанию, в поисках свободной земли и лучшей доли. Соответственно, и стереотипы восприятия «власти» у них изначально были разными. Вынужденные переселенцы Восточной Сибири относились к сибирской администрации с отчуждением, не принимая своей вины и не ожидая ничего хорошего. Мигранты-аграрии в

Западной Сибири надеялись на поддержку местных властей и просили, требовали, настаивали на своих правах.

С какими проблемами правового характера чаще всего сталкивались «поселенцы»-ссыльные и «переселенцы»-экономические мигранты? Из числа ссыльных поляков, отбывавших наказание в Западной Сибири, большая часть (а именно 62,3%), была определена для водворения на казенных землях. Законодательством такой вид ссылки рассматривался как наиболее мягкое наказание за политические преступления, но приписка к категории государственных крестьян делала для этих ссыльных невозможным возвращение на родину [9, с. 60]. «Переселение, со всеми его нравственными условиями и задачами на вечную утрату родины, приняло, таким образом, значение наивысшей меры наказания для людей наименьшей виновности» [8, ч. III, с. 363]. Ссылка на водворение стала мерой наказания для тех, чья вина было не доказана (высылке подлежали жители целых населенных пунктов, где проходили либо скрывались в окрестных лесах отряды мятежников). Ряд населенных пунктов (Щука, Пеняжки, Яворовка, Ибяна) были сожжены после отправки их жителей в Сибирь [9, с. 61], следовательно, этим селянам и возвращаться было некуда, что только усугубляло ситуацию.

Мягким видом наказания считалась также служба в войсках Российской империи, без ограничения прав состояния. Служба в армии начинается с принесения присяги; отказ в её принесении квалифицировался сибирскими властями как отказ повиноваться, а потому «командир Отдельного Сибирского корпуса генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель велел в случае отказов от присяги передавать поляков военному суду» [9, с. 64]. 8 апреля 1864 г. поляки, зачисленные на службу в 1-й Сибирский линейный батальон, отказались присягать на верность российской короне; свой поступок они мотивировали принудительным характером помещения их в войска. «Они уверяли начальство, что готовы служить, но принести присягу не могут, так как поступили на службу не по желанию, а по назначению правительства» [9, с. 63].

Не всегда формулярные списки высланных в Сибирь были составлены в соответствии со всеми правилами делопроизводства, имели место ошибки. Был ли единичным случай, упомянутый в делах хранения Исторического архива в Омске: «О высылке обратно в Польшу отправленного по ошибке в Сибирь прусского шляхтича Юзефа Оссовского. 19.11.1864–8.01.1865» [4, д. 5755]? С. Г. Пяткова

утверждает: «Неправильно составленная о переселенцах документация вызывала их недоверие к действиям местного начальства» [12, с. 81].

Как преднамеренное введение в заблуждение воспринимались ссыльными сообщения об амнистиях. Царским указом от 16 апреля 1866 г. срок ссылки сосланным в каторжные работы сокращался наполовину; повелением монарха от 25 мая 1868 г. молодые люди (исключая каторжников), которым не исполнилось ещё 20 лет, получили право возвратиться на родину, под надзор полиции; указом от 13 мая 1871 г. возвращались прежние права и почетные титулы; манифестом от 15 мая 1883 г. провозглашалась всеобщая и окончательная амнистия всем повстанцам 1860-х гг. [12, с. 80–83]. Доходила ли эта информация до адресатов? Если доходила, то какова была степень её верификации? Распоряжением Министерства внутренних дел сибирским губернаторам, в том числе Тобольскому, было предписано: «Высочайшее повеление не должно быть оглашаемо в местных органах печати» [1, д. 93, л. 106]. Закрытый характер информации, полутайна создавали ситуацию непонимания, во всех бедах ссыльные винили местную власть.

Активизации мигрантов-аграриев способствовало принятие в 1889 г. закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Безземельные и малоземельные крестьяне из Царства Польского и Западных губерний Российской империи надеялись получить большие земельные наделы и тем самым улучшить свое материальное состояние. Однако нередко оказывалось, что отмежеванные для переселенцев земли принадлежали сельским обществам старожилов. Так произошло в пос. Шадовском Усть-Тартасской волости Томской губ.: в произошедшем недоразумении обе стороны обвинили местную администрацию [5]. Государственной субсидией могли воспользоваться только переселенцы, получившие на то официальные разрешения. Оформление документов занимало достаточно длительное время, а потому многие шли, не дождавшись официальных разрешений, нелегально; соответственно, права на субсидию такие переселенцы не получали. А.А. Кауфман, совершая подворное обследование переселенческих поселков Томской губ., заключил: «Все новоселы переселились без разрешения, с паспортами, которые однако также удалось получить не без затруднений; это обстоятельство помешало продать надельную землю, которую пришлось сдавать в аренду за более или менее дешевую цену» [5, с. 42].

Заработная миграция стала ещё более интенсивной в 1891–1903 гг. в процессе строительства Сибирской железной дороги. Шахтеры Домбровского угольного бассейна, в поисках выхода из экономического кризиса, поверили слухам о бесплатной раздаче земли в Сибири и о беспроцентных ссудах. Мечты не совпали с реальностью; правовые основы наделения землей рабочих не были прописаны. Часть шахтеров вернулась в Польшу, другие отправились на заработки в шахты соседнего региона, а также на строительство Сибирской железной дороги [10, с. 86–87].

Руководствуясь установками рубежа XIX–XX вв. на административные функции церковного руководства, менталитет гражданина Российской империи в равной мере был ориентирован на восприятие как светской, так и церковной администрации. Помним, что статусом государственной церкви обладала только Русская Православная Церковь, все иные исповедания в империи относились к «терпимым». Особенность обращения ссыльных и переселенцев к католическому руководству объясняется, во-первых, принадлежностью к этой конфессии, а во-вторых, их традиционным мышлением, сохранившимся со времени проживания в губерниях, именовавшихся Западными, а также в Царстве Польском.

Стремясь приспособиться к новым условиям, новоселы руководствовались принципом, о котором сами с юмором говорили так: «Бог высоко, царь далеко, а мы тут». Помним и о том, что новыми жителями Сибири стали отнюдь не законопослушные граждане. В официальных документах канцелярия Енисейского губернского управления именовала их «политссыльными», сами в текстах своих ходатайств они называли себя «политическими преступниками» [2, д. 27, л. 2, 14, 31]. Состав переселенцев-аграриев Западной Сибири также характеризовался наличием достаточно решительных граждан, часто без документов, на свой страх и риск поехавших с семьями и детьми в неизведанные края в поисках лучшей доли. Их личные дела, поданные в оптационную комиссию, наполнены справками и автобиографическими сведениями, подтверждающими достаточно авантюристический характер многих из переселенцев [16, с. 31–35].

Подвергнув анализу содержание обращений к властным структурам, мы увидели, что адресатами чаще всего являлись: генерал-губернаторы Восточной и Западной Сибири, Главные Управления соответственно Восточной и Западной Сибири, департаменты полиции, окружные исправники, руководство церкви курат (руководитель прихода, настоятель приходского храма) и, в крайних случаях,

митрополит римско-католической церкви в Российской империи. Для конкретизации и актуализации контекста необходимо уточнить, что губернские управления являлись высшими административно-полицейскими учреждениями в соответствующих губерниях, а римско-католический митрополит, в соответствии с установлениями Екатерины II, находился в юрисдикции непосредственно Ее (далее Его) императорского Величества, а не Папы римского [14, л. III–IV]. Для контроля за деятельностью лютеранской и католической конфессий в государстве внутри структуры Министерства внутренних дел в 1817 г. был создан Департамент духовных дел инославных исповеданий.

Предметом ходатайств чаще всего являлись: просьбы о получении ссуды для домоустройства [2, д. 43], прошения о разрешении заниматься профессиональной деятельностью, чаще всего медицинской практикой [2, д. 68]. Безусловно, значительная часть прошений была посвящена мысли о возможном помиловании [2, д. 73] и возвращении на родину [2, д. 80].

Вопреки сложившимся стереотипам, далеко не все политссыльные мечтали вернуться в Царство Польское. Многие предпочли новым порядкам, установленным в Западных губерниях и Царстве Польском после 1863 г. (усиление административного надзора, ограничение в использовании родного языка и преследование за исповедание неправославной религии) в своих исконных поселениях на польских территориях и в Западных губерниях, «более свободное житье» в местах водворения, то есть в Сибири. За годы проживания в этом, поначалу показавшемся суровым, краю, они выявили немало выгод, с которыми не захотели расстаться по окончании срока ссылки или поселения. Так, Франц Бродовский в своем прошении от 31 августа 1868 г. на имя Канского окружного исправника писал следующее. «Высочайшим повелением Государя Императора даровано мне возвратиться на родину, но в настоящее время я возвратиться не могу и не желаю, потому что на месте водворения желаю заняться хозяйством и хлебопашеством, и тем самым устроить свою будущность, и поэтому прошу Ваше Высокоблагородие о высылке меня остановиться. 1868 года августа 31 дня» [2, д. 27, л. 2]. Можно было счесть данный случай экстраординарным, если бы не поток прошений аналогичного содержания, последовавших после положительного решения по делу Бродовского. Уже через полтора месяца, 14 октября того же года, к Енисейскому губернатору с просьбой «об оставлении их навсегда в Сибири» обращались «политические преступники: Болеслав Францискевич, Эрнест Гайзлер, Анофрий Корженовский, Николай Вержбицкий» [2, д. 27, л. 14]. В видении подателей этого коллективного

прошения Енисейский губернатор и Канский окружной исправник перестали олицетворяться с репрессивными органами; наоборот, виделись гарантами хозяйственной стабильности. О массовости описанного нами явления можем судить по ряду последовавших прошений от Осипа Дунаевского, Войцеха Лакомскаго, Станислава Мечаковского, Николая Липермана, Франца Гутаковского, Виктора Иольского, Болеслава Рачевского, Яна Тарчинского, Ксаверия Стамбровского, Адольфа Будзько, Ивана Ковальского, Николая Струтинского, Валентия Рокоссовского, Николая Ловинского, Александра Рыбчинского, Игнатия Крошменицкого и других [2, д. 27, л. 21, 31, 35, 40].

«Волшебное превращение» лиц сибирской администрации в гарантов финансовой стабильности на этом не завершилось. Политический ссыльный из иностранных подданных Иосиф Иванов Щуцкий в своем рапорте к «Его Превосходительству Господину Енисейскому Губернатору» просит оставить его на жительство в Сибири и принять от него «присягу на верность и подданство России, при сем на благоусмотрение Вашего превосходительства имею честь представить» [2, д. 27, л. 17а]. Податель рапорта расширил в своем понимании полномочия Енисейского губернатора: не осмелившись обратиться с такого рода прошением к царю, отбывший наказание «политический преступник» просит об этом губернатора, находящегося в Красноярске. Возможно, по аналогии со статусом «Наместник в Царстве Польском», ссыльные и переселенцы считали сибирских губернаторов такими же «наместниками», в своем статусе практически равными царю?

Как мы убедились, часто ожидания новых жителей Сибири не совпадали с существовавшей объективной реальностью. Отсутствие четкой правовой базы ссылки и переселения (они формировались в процессе действия), политика умалчивания нововведений в праве, бюрократическая волокита негативным образом влияли на представления мигрантов из западных регионов империи о правовом пространстве Сибири. Сами переселенцы, обладавшие уверенностью в своих силах по причине происхождения из регионов с конституционными устоями, не стеснялись отстаивать свои права. Их уровень рефлексии по поводу собственных действий был достаточно высоким. Реагируя на обращения граждан, («О разрешении вопроса о том, к какому званию должны быть причисляемы лица, ссылаемые в Сибирь на житье с лишением всех прав и преимуществ и какими льготами они могут пользоваться» [4, д. 2675], «По просьбе польского переселенца Иосифа Кубецкого о скорейшем помещении его с семейством в разряд призреваемых с производством от казны пособия»

[4, д. 11736], «По просьбе польского переселенца Ивана Садовского о выдаче ему денежного пособия по случаю вступления его в брак с сибирской уроженкой» [4, д. 11244]), генерал-губернаторы, Главные управления Западной и Восточной Сибири способствовали заполнению «белых пятен» в праве, зачастую создавая правовой прецедент. Титулы архивных дел имеют «говорящие» названия, сохраняя для исследователей следы сибирского правотворчества: «По представлению Томского губернатора о разрешении допускать на должность сельских писарей польских переселенцев» [4, д. 11783], «О разрешении ссыльным врачам заниматься частной практикой» [4, д. 10631].

Итак, верховная власть применяла различные варианты построения системы администрации и самоуправления по отдельным территориям империи, а также в определенных объемах санкционировала местное законодательство в окраинных губерниях – в Сибири и на Кавказе, в Польше и в Финляндии, исходя из политической целесообразности и эффективности государственного управления. Руководствуясь установками на административные функции церковного руководства, менталитет подданного Российской империи в равной мере был ориентирован на восприятие как светской, так и церковной администрации. При этом статусом государственной церкви обладала только Русская Православная Церковь, все иные исповедания в империи относились к «терпимым». Ожидания же новых жителей Сибири часто не совпадали с существовавшей объективной реальностью в данных рамках. Отсутствие четкой правовой базы ссылки и переселения, политика умалчивания нововведений в праве, а также бюрократическая волокита негативным образом влияли на представления мигрантов из западных регионов империи о правовом пространстве Сибири.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив г. Тобольске (ГУТО ГА). Ф. 152. Оп. 1. Д. 93.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 27, 43, 68, 73, 80.
3. Глазунов, Д. А. Влияние переселения на правовую культуру Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Д. А. Глазунов // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI–начала XX века. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. – С. 223–232.
4. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2675; Оп. 4. Д. 5755; Оп. 7. Д. 10631, 11244; Оп. 8. Д. 11736, 11783.

5. Кауфман, А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии: по данным произведенного в 1894 г. подворного исследования / А. А. Кауфман. – Т. 1. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1896. – 128 с.
6. Кодан, С. В. Национальная политика и формирование территориально-законодательного устройства Российской империи (1800–1850-гг.) // Право и политика. – М., 2003. – № 2. – С. 122–132.
7. Красняков, Н. И. «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Н. И. Красняков. – Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2006. – 240 с.
8. Максимов, С. В. Сибирь и каторга: в 3 ч. / С.В. Максимов. – СПб. : Стефанов, 1871. – Ч. I-III.
9. Мулина, С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 г. в Западной Сибири / С. А. Мулина. – СПб. : Алетейя, 2012. – 200 с.
10. Островский, Л. К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы) / Л. К. Островский. – Новосибирск : НГАСУ, 2011. – 460 с.
11. Пяткова, С. Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Г. Пяткова; Сургут. гос. пед. ин-т. – Омск, 2004. – 30 с.
12. Пяткова, С. Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода / С. Г. Пяткова. – Сургут : РИО СурГПУ, 2008. – 161 с.
13. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь: административная политика второй половины XIX – начала XX в. / А. В. Ремнёв. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1997. – 252 с.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 3.
15. Шиловский, М. В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. / М. В. Шиловский // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сб. науч. ст. / под ред. Д. Я. Резуна. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. – С. 165–173.
16. Dokumenty syberyjskiego przedstawicielstwa delegacji Rzeczypospolitej Polskiej jako źródło do analizy demograficznej polskiej ludności katolickiej na Syberii na początku lat 20 XX wieku / T.G. Niedzieluk // Zeslaniec. Pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. – Warszawa, 2009. – № 38. – S. 33–35.

ПИСЬМА И ПЕРЕПИСКА НИКАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЕТРОВСКОГО

И. В. Дурново

Впервые с документами личного фонда Н.А. Петровского я познакомилась в 2006 г. при подготовке сообщения о составителе словаря русских личных имен к юбилею издания словаря. С момента первого знакомства с фондом прошло уже много времени, уже опубликован биографический очерк об авторе словаря, но желание работать с документами фонда не утратило со временем своей актуальности, тем более, что интересных тем огромное множество.

Большую часть документов фонда составляют письма и переписка с огромным числом корреспондентов. Среди них выделяется группа писем и переписка с известными языковедами и филологами: С. А. Копорским, А. А. Реформатским, Л. В. Успенским, С. И. Ожеговым, Е. Н. Пермитиным и т.д.

Ниже представленные письма (С. А. Копорскому и С. И. Ожегову) публикуется впервые в их авторской редакции.

Доктор филологических наук, профессор Сергей Алексеевич Копорский (19.06.1899 – 1967 гг.) – известный советский лингвист, видный исследователь языка художественной литературы, признанный специалист по русским народным говорам, эрудированный лексиколог и историк русского языка.

Под руководством С. А. Копорского, в период своей учебы в Ярославском педагогическом институте, молодой студент-филолог Никандр Петровский впервые стал собирать говоры сибирских казаков и начальные сведения о личных русских именах, поэтому неслучайна эта переписка.

С 1953 г. С.А. Копорский – профессор кафедры русского языка Московского государственного университета. В это время С. А. Копорский – видный лексиколог, энергичный организатор научно-методической и научно-исследовательской работы. С 1966 г. и до последних дней своей жизни он являлся неутомимым помощником академика В. В. Виноградова, будучи заместителем заведующего кафедрой русского языка крупнейшего университета нашей страны. Скончался в 1967 г. в Москве.

г. Усть-Каменогорск

7 марта 1954 г.

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Я очень рад, что, наконец, я получил от Вас весточку и восстановлена наша связь, прервавшаяся было по моему недомыслию, на 23 года. Я рад и тому, что Вы меня не забыли, несмотря на то, что потеряли друг друга так давно. Вы спрашиваете, как я узнал Ваш адрес? Трудно было бы (а может быть и невозможно), найти меня, но человека с таким известным именем (я говорю это без лести, так как я не кому не льщу), как Ваше, найти не трудно.

Место Вашей работы мне сообщил отдел кадров Минпроса РСФСР. По этому адресу я и направил Вам первое свое письмо.

В отношении своей работы я могу сообщить Вам следующее: Цели и задачи моей работы: собирание и систематизация русских имен личных, объяснение их этимологии; описание законом, управляющих словообразований этих имен; отличие этой этимологии от этимологии прочих имен существительных; приведение в систему суффиксов, употребляющихся при образовании личных имен. Наконец, словарь может являться пособием для родителей при выборе имени своему ребенку и даже при подборе ему ласкательного имени.

В отношении Объема словаря. В словарь должны войти все имена личные полные (календарные, как они приводятся в святках), так же и полуимена (уничижительные и ласкательные), употребляемые в наше время в живой речи и в современной литературе. Сюда же я включаю и имена из русской литературы 19 века. В отношении имен исторических (ранее начала 19века), я думаю включить те имена, которые еще употребительны и сейчас или представляют какой-то интерес в смысле восстановления их в правах в современной жизни (Любомир, Святослав, Пересвет и др.).

*В словарь будут включены все новые имена, которые получили в нашей жизни права гражданства, как, например: октябрин (*так в документе – прим. автора*), Майя, Ким, Аэлита и др.*

Думаю включить в словарь и отчества. В отношении фамилий, происходящих от имен личных я еще не решил, включать их в словарь или нет. Но пока я их подбираю, так как они часто помогают мне в отыскании некоторых ласкательных и уничижительных имен.

РАСПОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИАЛА. Заглавные слова располагаются в строго алфавитном порядке. При основных именах личных, как они указываются в святцах (Феодор, Исидор, Иосиф), располагаются по алфавиту все личные имена, происшедшие от данного основного

имени: различные народные вариации этих имен -Федор вместо Феодор, Сидор вм.. Исидор, Осип, вм. Иосиф, Анкудин вм. Акиндин и т.д., ласкательные, уничижительные имена, отчества.

Таким образом, заглянувши в каждое основное имя, можно найти при нем все имена личные, происшедшие от данного имени, как коренного слова.

При остальных заглавных производных именах будет ссылка на то основное имя, от которого происходит данное имя. Например: Акулина – Акилина, Лина – Акулина, Куля – Акулина, Жора – Георгий и т.д. Необходимость такой ссылки, конечно, имеется, так как часто производное слово настолько отличается от коренного, что иногда нет никакой возможности догадаться, от какого основного имени происходит данное имя, и установить это иногда возможно только путем опроса или справки: Ася – Анастасия, Стюра –Анастасия, Ага – Агафия, Коня – Никон, Дия – Конкордия, Гога – Георгий, Леля – Ольга и т.д.

Слова однозвучные (омонимы), но происходящие от разных корней или разных календарных имен помещаются в словаре как отдельные заглавные слова со ссылкой на основное календарное имя, от которого происходит данное слово. Например: Дима – Никодим, Дима – Дмитрий, Дуся – Евдокия, Дуся – Даниил, Дуся – Денис, Ника – Николай, Ника – Никон, Ника – Андроник и т.д.

Пометы о том, где встречается данное слово, будет помещаться только при тех словах, которые редко встречаются, как например: Вая, Тина – Валентина, Машарка, Муня, Мутка – Мария, Кока, Колоколя – Николай и т.д., а так же при именах новых, как, например :Альмира, Вилена, Виленина, Сталина и т.д. При словах часто встречающихся, по моему мнению, делать такие пометы нет необходимости.

Вот, пожалуй, и все основные положения построения моего словаря. Понятно, что собственно словарю будет предшествовать предисловие или вступление, в котором будет подробно изложено все, о чем я вам сейчас писал.

Теперь я буду просить Вас высказать свое компетентное мнение по поводу моих положений по построению «Словаря».

Работу по сбору материала и по обработке его я продолжаю, поскольку мне позволяют условия моей инспекторской работы. Много времени у меня отнимают командировки, во время которых словарную работу приходится почти совсем прекращать. Вот на днях мне опять предстоит поездка в район дней на 12-15.

Буду ожидать Вашего ответа, а пока позвольте Вам пожелать всех благ, доступных на сем свете.

Уважающий Вас [Петровский] [1, л. 1–3]

30 марта 1955г.

г. Усть-Каменогорск

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Два с половиной месяца назад я послал Вам письмо с приложением моей заметки: «Несколько слов по морфологии личных имен». Но до сих пор я ничего от Вас не имею и поэтому не знаю, что подумать: или не получили моего письма или Вам некогда было ответить мне.

Я послал Вам черновик моей заметки и просил Вас посмотреть его, годится ли он куда-нибудь? Писал я его от руки, потому что тогда у меня не было пишущей машинки. Я выписал себе пишущую машинку «Москва-3» и два дня назад получил. Не удивляйтесь, что я делаю опечатки – я ведь так давно не садился за машинку.

Кроме того, я просил Вас узнать, будет ли напечатана моя первая заметка в журнале «Русский язык в школе».

Работу свою продолжаю, используя на нее все свое рабочее время, но сказывается малое поступление материала. Поэтому для меня вопрос о напечатании названной заметки является вопросом жизни и смерти. Если заметка не будет напечатана, то вся моя работа надолго затянется и будет носить колорит Восточного Казахстана. но достаточно, чтобы была напечатана моя заметка хотя бы в одном каком-нибудь журнале, я думаю тотчас же последуют отклики.

Не попробовать ли послать ее в «Учительскую газету»?

Ну, простите меня, что я опять отнимаю Ваше драгоценное время.

В ожидании ответа

Адрес мой: Усть-Каменогорск, п/о10, до востребования [1. л. 4–4об.].

Уважаемый Никандр Александрович!

Цели и задачи Вашей работы очень велики. Особенно подозрительно практическое назначение. Такие попытки венчались всегда советской общественностью непритязательно. Т. например, в Ставрополье сняли с печати «Словарь названий домашнего скота».

И в самом деле, наряду с хорошими планами, будут плохие. А на вкус и цвет.

Вам придется добавить стилистическую характеристику и оценку. Вы будете нахваливать наши имена как Эра, Виленика. Но жизнь их отвергает. Работа должна быть конечным собранием имен. В лучшем случае Вы можете привести оценку этих имен в той или иной среде. Кстати, оценку должны сохранить. Это будет ценнейший документ, так у нас почти нет. Необходимо ограничить цели: составить словарь живых или, подчеркнутых (так в документе, прим. автора) из живой действительности. Я бы решительно протестовал против включения в него коротких имен: "Ивана ". Вы включите, а Ратмиров и Эдуардов тоже? Но ведь их не было в жизни? А потом таких имен безгранично много. Литература – это особого рода жизнь. Имена там играют особую роль, имеют особое значение. Простой список не отражает их особой роли. Можно в строке в виде примечаний, привести их и только. Фамилии должны быть в основном словаре. Здесь они могут быть приведены условно для показа "живучести" собственных имен в его производных.

Отчества тоже не в такой ли форме получить. Трудно решить и такой вопрос: как быть со сложными полными именами. Иван Ив. Иванов -ведь что же имя?

Все это .....[текст не разборчиво] думать, что Вам нужно словарь личных имен живых (не из худож. лит-ры (так в тексте – прим. автора). *Отчество, фамилии и лич-ые имена только в строке в качестве конструктора (*так в тексте – прим. автора*). Учитывайте, "молодость" и архаичность или историчность имен. Старинных имен не пропустят у Вас, в особенности словарей?*

Желаю успеха в работе.

С. .Копорский (дата письма не установлена) [1, л.27–28].

12 июня 1955 г.

г. Усть-Каменогорск

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Простите, что я так долго Вам не писал. Был очень перегружен служебной работой, а все свободное время отдаю словарю.

Вашего совета я послушал /жаль, что я этого не сделал раньше/, размножил свое обращение и разослал по тем адресам, которые Вы мне прислали, за исключением Кирилловой, имя которой я не разобрал, а перевирать, конечно, неудобно.

8 июля я был в Старом городе, зашел в облоно, с которым я сейчас порвал связь, и там мне подали письмо. В нем некая гражданка Шинулина пишет мне, что она прочитала мою заметку в журнале "Русский

язык в школе" и шлет мне список имен с пояснениями. Я разобрался с присланным материалом и написал письмо, в котором дал некоторые дополнительные указания по сбору материала. Присланный материал показывает, что учительница с большим интересом и серьезно относится к собиранию материала для словаря.

В последнее время я решил несколько разгрузиться от работы и у меня больше будет времени для словаря. Закончу разработку трех имен и пришлю на Ваш суд.

Да, я очень благодарен Вам, Сергей Алексеевич, за Вашу помощь в напечатании моей заметки. А словаря греческого языка я все-таки не имею и был бы Вам, Сергей Алексеевич, очень благодарен, если бы Вы помогли мне приобрести его.

С искренним уважением к Вам Петровский [1, л.47–47 об.].

14 мая 1958 г.

г. Усть-Каменогорск

Уважаемый Сергей Алексеевич!

Получил Ваше письмо. Благодарю за привет.

Мне вспоминается, как 28 лет назад Вы упрекали меня, что я гонюсь за двумя зайцами, и как Вы были тогда правы.

Но теперь, к моему счастью это не так. Дело в том, что «Опыт словаря русских личных имен» мною задуман именно как популярный. Так разрабатывался и первый вариант этой работы. Все дело затормозилось только потому, что для издательства он показался слишком большим. Сейчас я пишу рукопись, учитывая указания издательства и Института языкознания. Правда, отобранные при проверке картотеки я заглядываю в древнегреческий и латинский словари, но все это заносится только в картотеку, а в словарь попадут только переводы/как это делается в церковных календарях/ и то только более достоверные.

Правда, это затягивает мою работу над рукописью, но что же делать.

Да, на днях получил официальное письмо от Бар[хударова] С. Г., в котором он сообщает мне, что Бюро словарной комиссии [ОЛЯ] АН СССР выделило Ожегова С. И. в качестве постоянного консультанта для моей работы. Между нами, зная лично Сергея Ивановича, я не очень рад тому, что именно он выделен, но ничего не сделаешь.

Наконец, последний вопрос: Как Ваше драгоценное здоровье? Вы ничего об этом не пишите, но меня этот вопрос очень интересует.

С искренним уважением к Вам Петровский [2, л.7–7 об.]

Сергей Иванович Ожегов (22.9.1900 – 15.12.1964) – выдающийся русский языковед, лексикограф и лексиколог, историк литературного языка, профессор, автор всемирно известного «Словаря русского языка».

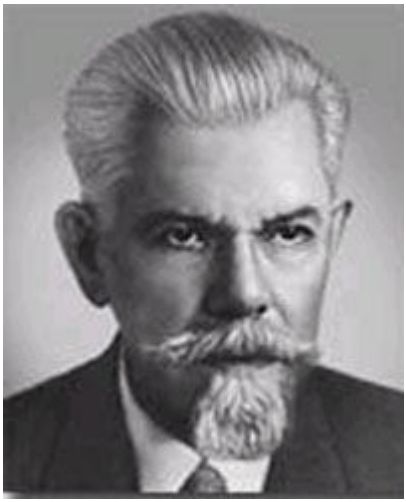


Рисунок 1 *– С. И. Ожегов*

С. И. Иванович Ожегов был прирожденным и неутомимым лексикографом, имевшим особый вкус к этой кропотливой, трудоемкой и очень сложной работе. Он был наделен особым дарованием словарника, обладавшего тонким чутьем слова. Обладая феноменальной памятью, он знал множество бытовых, исторических, областных и даже сугубо специальных реалий, стоящих за лексикой русского языка. Он помнил многие факты из истории науки и техники, народных промыслов и ремесел, военного быта, из городского и сельского фольклора, из текстов классиков и современных авторов. По воспоминаниям современников, незабываем был и сам облик этого обаятельного человека, интереснейшего собеседника, остроумного рассказчика, внимательного и заинтересованного слушателя.

История сохранила немного писем С. И. Ожегова к Н. А. Петровскому. Одно из них датировано 4 августа 1958 г. (получено 15 августа 1958 г.)

Уважаемый Никандр Александрович!

Действительно я согласился помочь Вам в Вашей работе. Общее мое мнение о Вашей работе, не расходящиеся и с мнением А. А. Реформатского, Вы знаете.

Вы мне прислали список имен с просьбой помочь Вам установить, какие из форм являются основными, «литературными». Но эта работа выходит за рамки простой консультации. Здесь требуется длительная работа, которую по сути дела должен проделать автор: установление правописания и установления формы имени. Так, почему Вы предлагаете узаконить Архип, Агапий, Димитрий, Дамиан и т.п.? В

каждом случае нужно тактично согласовывать этимологию имени с традицией его употребления его употребления, иногда очень противоречивого. В порядке консультации сделать это не возможно.

Правила образования производных имен производят странное впечатление. Это перечисление внешне механических производных признаков, не вскрывающих языковую структуру производного имени. Правда, многие из производных имен трудно объяснимы. Но известную закономерность можно обнаружить. Так, Сюра из Васюры, Сюша из Васюта, Таша, Туся из Наташа, Натуся и т.п. Иногда можно обнаружить условное прикрепление производного от одного имени к другому и т.д. Мне кажется, что для создания правил нужно идти не по пути механического вычленения звуков, а по пути раскрытия словообразовательного механизма уменьшительных имен. Конечно, будут и «остатки», которые трудно объяснить: ведь могут некоторые названия – обращения условно или в силу каких-то историко-бытовых условий прикрепляться к полным именам в качестве уменьшительных. К сожалению, это только мои общие соображения, возникшие при чтении Ваших «правил».

С приветом [автограф] С. И. Ожегов [2, л.6].

Таким образом, данная переписка является началом большой работы по публикации писем Никандра Александровича Петровского к известным советским лингвистам, оказавшим большую помощь в рецензировании и издании словаря русских личных имен.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф.1080. Оп. 1. Д. 59.
2. ГАВКО. Ф. 1080. Оп.1. Д.68.

СОСТОЯНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА НА АЛТАЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

М. Н. Потупчик

Различные аспекты существования и сохранения культуры остаются важным аспектом развития общества. Изучение истории книжного, библиотечного дела Алтая, выявление особенностей способствуют целостному восприятию развития культуры, как Сибири, так и России в целом.

Быстрые и заметные изменения в хозяйственной жизни Алтайского округа на рубеже XIX–XX вв. (усилившийся переселенческий поток, строительство железной дороги) еще острее поставили вопросы широкого распространения образования, в том числе внешкольного. Необходимо было открытие «хорошо поставленных новых школ, библиотек, обществ распространения грамотности, книжных складов, народных чтений и т.п.» [2, с. 288]. На Алтае в этот период действовали библиотеки (частные, школьные, публичные), музеи, типографии, книжные магазины, которые находились, в основном, в городах.

В Барнауле для горожан в начале XX в. были открыты народно-школьная библиотека «Общества попечения о начальном образовании», городская библиотека, народный дом. 23 октября 1885 г. Советом Общества с разрешения томского губернатора при школе была открыта бесплатная народно-школьная библиотека. Библиотека первоначально помещалась в доме видного общественного деятеля В. Штильке, который безвозмездно нес обязанности библиотекаря. К 1899 г. число читателей достигло 532 человека, а фонд увеличился до 1 284 книг и 136 номеров периодических изданий [8, с. 7].

14 февраля 1888 г. томским губернатором было разрешено Обществу попечения о начальном образовании в Барнауле открыть общественную городскую библиотеку. Эта дата считается днем основания Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова. Основные средства, необходимые на обустройство библиотеки, поступили в качестве пожертвований от частных лиц: от мецената И. М. Сибиряков – 1 800 руб., от купца В. Н. Сухова – 400 руб. Активное участие в создании библиотеки приняли участие члены Обществ попечения о начальном образовании, служащие, жители города, которые передали библиотеке книги, а также подборки журналов. При открытии библиотеки фонд составил 2 160 книг, через десять лет – увеличился до 3 924

книг и 2 372 номеров периодических изданий [8, с. 8]. Публичная библиотека находилась в ведении библиотечного комитета, состоящего из Совета Общества попечения о начальном образовании и двух гласных от городской Думы. Основное содержание библиотеки лежало на Обществе. Городская Дума отвела для библиотеки помещение, ассигновала небольшую ежегодную субсидию на пополнение фондов, которая к 1900 г. составляла 250 руб.

В г. Бийске в начале XX в. имелись две типографии, книжный магазин, принадлежащий И. Д. Реброву, две фотографии и городская публичная библиотека [3, л. 1]. Библиотека была торжественно освещена 10 декабря 1900 г. Все книжное богатство этой библиотеки при открытии умещалось в двух шкафах, а на столе кабинета лежало несколько российских, сибирских газет и журналов. Первым библиотекарем и заведующей на протяжении многих лет была Виктория Викторовна Прибыткова. Именно благодаря ее стараниями стали приходить читатели и библиотека превратилась в довольно приличную библиотеку [6]. При библиотеке также был открыт кабинет для чтения, который работал с 10 ч. утра до 7 ч. вечера, а в праздники с 12 ч. до 14 ч. дня. Кроме кабинета для взрослых, позже организовали кабинет для малышей с детскими книгами и журналами.

В исследуемый период основная масса людей проживала в сельской местности, что подтверждается данными всеобщей переписи населения 1897 г. Из 1 325 624 человек, проживающих в Алтайском округе, городское население составляло всего 48,7 тыс. человек или 3,67% [13, с. 99].

На селе книги можно было найти, в первую очередь, в ученических библиотеках. Исследование, проведенное Обществом любителей исследования Алтая в 1894 г., дает некоторое представление о состоянии учебных библиотек, данные о которых представлены в таблице.

В среднем на школу приходилось по 131,8 экземпляров, в основном, учебной, методической литературы. Этого было недостаточно, если учесть, что книгами из фондов ученических библиотек пользовались не только ученики и учителя, но и все, окончившие курс обучения, а также грамотные крестьяне. О том, как население относилось к чтению книг из таких библиотек, иллюстрируются отзывами учителей. Например, в Шемонаевской волости (Бийского округа): «101 [книга]. Библиотека очень мала. С каждым годом количество читающих все возрастает и возрастает. Масса просит книги. Возвращают аккуратно». В Локтевской волости также «пользуются взрослые очень охотно». [12, с. 69].

Таблица 1 – Состояние школьных библиотек

Школы	Школы		Книги (экз.)	
	всего	в. т. ч. имеющие библиотеки	общее кол-во	в среднем на одну школу
Сельско-волостные	38	37	9940	261,5
Церковно-приходские	41	27	2903	70,8
Школы грамоты	16	8	473	29,6
Горнозаводские	8	8	1144	143
Казачьи	5	5	203	40,6
Миссионерские	5	2	100	20
Частная Константиновская	1	1	265	265
Всего:	114	88	15028	131,8

Просвещение народа не могло ограничиться лишь обучением грамоте. Необходимы были самообразовательные формы для закрепления знаний, полученных в школе, такие как чтение. Важнейшими из таких учреждений могли быть народные библиотеки – бесплатные библиотеки для низших слоев населения (крестьянского, мещанского сословий). По «Правилам о бесплатных народных библиотеках-читальнях и порядке надзора за ними» от 15 мая 1890 г. с разрешения губернатора позволялось создавать библиотеки не только при школах, как это было раньше, но и вне их, во всех селениях. Наблюдение за ними должно было осуществляться лицами учебного или духовного ведомства.

Народная библиотека в с. Бердском Барнаульского уезда (ныне г. Бердск Новосибирской области), открытая в 1897 г. по инициативе врача И. И. Березина, была одной из первых среди сельских общедоступных библиотек Алтайского округа. Активную помощь в открытии этой библиотеки оказал крупнейший хлеботорговец и меценат Владимир Александрович Горохов: пожертвовал на первоначальное развитие средства в количестве 100 руб., книги, а к 1899 г. на его средства было построено специальное здание для библиотеки.

В газете «Сибирская жизнь» отмечалось, что «библиотека обставлена прекрасно: имеется обширный зал для спектаклей и народных чтений» [1]. Средства на развитие народной библиотеки также поступили

от Бердского волостного общества, от купцов и других жителей Бердска и Томска. К 1911 г. фонд библиотеки составлял более 4 тыс. книг. Читателей было 300 человек, половину из которых составляли дети, 110 мужчин и 40 женщин. Выдано – чуть более 3,5 тыс. изданий.

В том же 1897 г. была учреждена одна из первых общественных библиотек в Змеиногорском уезде. Инициаторами открытия сельской библиотеки стали бывший волостной писарь П. И. Горшков и крестьянский начальник Федосеев. На сельском сходе, состоявшемся 9 апреля 1895 г., «горнозаводские обыватели (бывшие мастеровые и урочники), имеющих право голоса» решили единовременно пожертвовать на библиотеку пятьдесят рублей из кабацких денег [4, л. 3]. В мае того же года на имя Томского губернатора было направлено прошение о разрешении учредить библиотеку при Змеиногорском сельском училище. Почти через два года со дня сельского схода, инициировавшего открытие библиотеки, Томский губернатор подписал разрешение № 1087 от 28 января 1897 г. об учреждении бесплатной библиотеки при Змеиногорском волостном правлении под непосредственным наблюдением и ответственностью волостного старшины [5]. Сельское общество с. Змеиногорского ежегодно выделяло субсидии на поддержание библиотеки. Фонд насчитывал более 800 книг русской, иностранной классики, а также издания по различным отраслям знания. Одно время библиотекой заведовала жена волостного писаря, «книги выдавались исправно, число их ежегодно увеличивалось, библиотека имела постоянный круг читателей, в числе которых было не мало и взрослых». После отъезда Горшковых библиотека оказалась бесхозной. К концу 1903 г. от библиотеки осталось не более 50 экз. книг.

В условиях отсутствия земств в Сибири именно «частная инициатива» в начале XX в. стала движущей силой в деле развития библиотек на территории Алтайского округа. Библиотеки открывались благодаря активной деятельности различных общественных, благотворительных, просветительских организаций, кооперативных объединений.

По инициативе видного деятеля народного просвещения в Сибири Петра Ивановича Макушина в г. Томске 23 сентября 1901 г. состоялось открытие «Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии» (далее – «Общество»), целью которого ставилось «содействовать открытию и устройству в многолюдных селениях Томской губернии народных бесплатных библиотек-читален» [14, с. 1].

«Общество» занялось активной работой по широкому ознакомлению сельского населения со значением народных библиотек в деле

народного образования. В течение 1903–1906 гг. в Алтайском округе были открыты девять библиотек: в Барнаульском уезде – пять, в Бийском уезде – три, в Змеиногорском – одна.

13 февраля 1903 г. «Обществом» одной из первых на Алтае была открыта бесплатная народная библиотека в селе Нижне-Каменском Бийского уезда. В Нижне-Каменском насчитывалось 379 крестьянских дворов и 2815 жителей. В селе имелись: церковно-приходская школа, сельский хлебозапасный магазин, две мануфактурных лавки. шесть мельниц, пять маслобоек. Библиотека была открыта по постановлению сельского схода. «Обществом содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии» были выделены средства в размере 52 руб. 81 коп., высланы 215 книг. Вскоре в библиотеке уже числилось 118 человек подписчиков. Особым спросом пользовались книги: «Князь Серебряный» А. Толстого, «Юрий Милославский» М. Загоскина. В марте 1903 г. открыла двери для своих читателей бесплатная народная библиотека в с. Сорокинском Барнаульского уезда. Средства в размере 150 рублей на ее открытие пожертвовал купец Макаров – попечитель местной школы. В декабре 1902 г. «Общество» выслало для библиотеки 431 книгу, также были выписаны иллюстрированные журналы «Нива» и «Всходы». Читателями библиотеки стали 64 человека, в т. ч. 24 – детей. За первые три месяца работы было выдано 237 книг. Около 70% выдаваемой литературы составляли художественные издания – романы, повести, рассказы [9, с. 9].

В Змеиногорском уезде была открыта еще одна народная библиотека. Это событие произошло 25 марта 1903 г в с. Колыванском. Инициатором создания Колыванской библиотеки был лесной смотритель Змеиногорского имения Николай Иосифович Сендзиковский. В день празднования 100-летнего юбилея Колыванской шлифовальной фабрики (1 мая 1902 г.) собравшиеся на юбилейное торжество решили учредить бесплатную библиотеку-читальню для рабочих фабрики и местного горнозаводского населения. Н. И. Сендзиловский предложил создать постоянный фонд из месячных пожертвований «состоятельных колыванцев» по 50 коп. По одним данным на устройство библиотеки было собрано 120 руб., по другим – 89 руб. 45 к. [7; 9, с. 11]. На эти средства приобрели мебель (библиотечный шкаф, стол для газет и журналов) и книги. «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален» направило в феврале 1903 г. 314 экз. книг. Библиотека разместилась на частной квартире. Через два месяца после открытия в библиотеке числилось 70 читателей (30 человек взрослых и 40

детей), которым было выдано 208 книг. В 1904 г. библиотека пополнилась на 87 книг (на сумму 35 р. 50 коп.), переехала в помещение сельской управы. В течение года было выдано около 900 книг. В 1907 г. библиотека размещалась в здании общественного собрания, количество читателей составило 119 человек, в т. ч. 44 школьника [10, с. 25].

В 1900-е гг. на развитие сельских библиотек стали выделяться средства из фонда издателя, просветителя Флорентия Федоровича Павленкова. Согласно его завещанию на селе должны были быть созданы 2 тысячи народных библиотек, на открытие каждой из них предназначалось 50 рублей [11, с. 10]. По всей стране стали открываться павленковские библиотеки. На Алтае в течение 1905–1907 гг. были открыты шесть библиотек, получивших поддержку из фонда Ф. Ф. Павленкова: Барнаульский уезд – три (Койновская, Повалихинская, Ординская павленковские библиотеки), Бийский уезд – две (Мало-Бащалакская, Улалинская), Змеиногорский уезд – одна (Красноярская).

Несмотря на то, что количество книг и средств на их приобретение было недостаточно, наблюдался рост основных показателей работы библиотек (количество читателей, книговыдача). Вот некоторые статистические данные о работе библиотеки в с. Смоленское: период - 2 мая-1 июля 1904 г.: количество читателей – 16, в т. ч. один учащийся; книговыдача – 65 экз.; период – 1-е полугодие 1907 г.: количество читателей – 290, в т. ч. 105 учащихся; книговыдача – 633 экз. Койновская библиотека за 1906 г. имела 120 читателей, в т. ч. 40 учащихся, и 1400 выданных книг, за первую половину 1907 г. – 148 читателей, в т. ч. 48 учащихся, книговыдача – 2 000. Такую же положительную динамику в росте читателей и книговыдачи демонстрировали и другие народные библиотеки. Это свидетельствует о востребованности, объективной необходимости создания библиотек в Алтайском округе.

История и развитие библиотечного дела на Алтае отражает тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. появляется все больше людей из различных слоев населения, понимающих важность и необходимость развития внешкольного образования и, в частности, открытия библиотек. Для более чем миллионного населения округа открытых библиотек было недостаточно. Но этот почин проложил путь к созданию других библиотек, в том числе бурно развивающимися кооперативными объединениями, к преодолению безграмотности населения, в целом к оживлению культурной жизни региона.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. [Бердская народная библиотека] // Сибирская жизнь :XXIII. Иллюстрированное приложение к газете : к № 216. – 1903. – 5 октября – С. 4.
2. Головачев, П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. / П. М. Головачев. – М., 1902. – 300 с.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.170. Оп.1. Д. 268.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 2542.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2542. Л. 12, 16, 29.
6. Дела библиотеки // Жизнь Алтая. – 2012. – 18 декабря. – С. 5
7. [Корреспонденции] // Сибирский вестник. – 1903. – 14 ноября. – С. 2.
8. Краткий очерк XV-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле (1884–1899 гг.) / Сост. Г. Б. Баитов. – Барнаул : Тип. Литогр. при Гл. упр. Алт. округа, 1899. – 20 с.
9. Отчет Совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии за 1901–1903 г. – Томск, 1904. – 30 с.
10. Отчет Совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии за 1904–1907 г. – Томск, 1908. – 51 с.
11. Павленковские библиотеки России: справочник / Ред. Н. С. Сулимова. – Екатеринбург, 2007. – 305 с.
12. Рылова, Е. П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году / Е. П. Рылова // Алтайский сборник. Т. 3. – Барнаул, 1898. – 74 с.
13. Скубневский, В. А. Население Алтая по данным переписи 1897 г. / В. А. Скубневский // Образование и социальное развитие региона. – 1998. – № 1. – С. 99–106.
14. Устав Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален. – Томск, [1901]. – 9 с.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СУФИЗМ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

С. А. Шерстюков

Процесс расширения знаний о мусульманских народах, вошедших в состав российского государства, и их вере не был линейным: периоды повышенного интереса к исламу сменялись почти полным его игнорированием, одни стереотипы в его восприятии сменяли другие. И все же постепенно, главным образом в связи с насущными потребностями государства в интеграции мусульманских «инородцев», знания об их вероучении расширялись, а вместе с этим осознавалось и необходимость в более терпимом и внимательном отношении к исламу.

В то же время такое своеобразное и малоизученное (до сих пор) явление ислама как суфизм долгое время оставалось вне поля зрения российских исследователей. Нельзя сказать, чтобы о суфизме в России не знали совсем. Так, еще в 1722 г. некоторые сведения о суфиях привел Дм. Кантемир в своем труде «Книга система, или Состояние мухамеданския религия», изданном по повелению Петра I. Автор сравнивал их с христианскими монахами и излагал правила их жизни в поучительном для христиан тоне [6, с. 126].

Большой интерес у русских вызывали суфийские братства османской Турции, с которой Россия все чаще сталкивалась на полях сражений. В войнах против России, как известно, принимали непосредственное участие и суфии [6, с. 126].

И все же знания о суфизме в России носили ещё эпизодический характер, в то время как английские, французские и даже немецкие ориенталисты изучали его уже на вполне систематической основе. Этому немало способствовало то сопротивление, которое встретили европейские колонизаторы со стороны суфийских братств.

Интерес российских исследователей к изучению суфизма, получившего в их работах название мюридизм, возрастает с началом Кавказской войны. Представления о «газавате» в условиях Кавказа стали устойчиво ассоциироваться в глазах российских наблюдателей с деятельностью Шамиля, суфийских шейхов и мюридов[1].

---

[1] Эти представления в том или ином виде дожили до наших дней. Эволюция восприятия российскими и советскими исследователями суфизма (мюридизма) на Кавказе – тема для отдельного исследования. Упомяну только точку

В Средней Азии Российская империя вновь столкнулась с суфизмом. В этой связи интересно было бы проследить, в какой степени «кавказский опыт» российских военных, администраторов и исследователей[1] был востребован при продвижении Российской империи в Среднюю Азию, в том числе и в части, касающейся суфизма. Как заметил российский востоковед Р. Г. Ланда, в Средней Азии Россия пыталась избежать войны «по-кавказски» [7, с. 118].

Целью данной статьи является характеристика, естественно, не исчерпывающая, круга проблем и подходов к изучению среднеазиатского суфизма, сформулированных российскими дореволюционными исследователями.

Данную проблематику невозможно рассматривать вне интеллектуального и литературного контекста – заданного работами А. Грамши, М. Фуко, Э. Саида, И. Ноймана, – в рамках которого в последние десятилетия анализируются взаимоотношения европейского и неевропейского мира, исследуется природа европейского ориентализма, многочисленные связи между знанием и властью, проблема культурного империализма, конструирования и использования Другого в процессе формирования и укрепления национальной и др. Естественным образом возникает трудноразрешимый вопрос о специфике российского ориентализма в сравнении с европейским ориентализмом, и, если речь идет о Средней Азии – специфике российского колониального и имперского опыта [4]. Конечно, эти вопросы легче сформулировать, чем ответить на них, однако в ходе поиска нужной исследовательской оптики их нужно хотя бы держать в уме.

До революции, как пишет российский исследователь С. Н. Абашин, и в 1920-е гг. интерес к теоретическому и практическому суфизму

зрения по данному вопросу известного востоковеда и исследователя суфизма Михаэля Кемпера, полагающего что мюридизм - это концепция российской историографии. «На самом деле, отметил Кемпер, если мы посмотрим на произведения эпохи Шамиля – что он сам написал и то, что писали те шейхи и ученые, которые были близки с ним, – то станет понятно, что суфийское братство имело очень мало отношения к джихаду, газавату. И об этой тесной связи, которая есть в литературе, лучше забыть. Суфийские шейхи при Шамиле, которые были его советниками, даже рекомендовали ему не воевать. Старая концепция, что суфизм сподвигал к джихаду, неправильна» [5].

[1] Иногда в Средней Азии, как и на Кавказе, все три названные ипостаси более или менее органично объединялись в одном лице.

был огромным, хотя не всегда подкреплялся достаточной научной подготовкой[1] [1, с. 118]. Данная особенность объясняется тем, что первыми исследователями среднеазиатского суфизма были преимущественно чиновники Туркестанского края. Не владея, как правило, изощренной и разработанной научной методологией и терминологическим аппаратом, они в то же время обладали одним важным преимуществом, которое не всегда было доступно представителям академической науки, изучавшим суфизм. На языке современной социологической науки это преимущество называется «включенным наблюдением» – постоянно проживая в регионе (в некоторых случаях – и осваивая местные языки), они могли подметить те стороны изучаемого феномена, которые ускользали от взгляда профессиональных исследователей.

Надо учитывать то, что местные исследователи обращались к изучению среднеазиатского ислама из вполне практических соображений (хотя, конечно, это не единственная причина интереса к нему).

Именно этим целям отвечал, в частности, «Сборник материалов по мусульманству» (вышло два небольших тома: том первый – в 1899 г. и том второй – в 1900 г.), изданный по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края С. М. Духовского, который «правильно рассуждал, что русские чиновники, состоявшие в штате управления краем, обязаны иметь общее представление о верованиях, нравах и обычаях туземцев-мусульман» [12, с. 4].

Преимущественное же внимание его авторов к ишанам, вероятно, было обусловлено той ролью, которую сыграл Дукчи-ишан в Андижанском восстании 1898 г., серьезно обеспокоившим российские власти.

По мере осознания российскими исследователями роли суфизма в жизни среднеазиатского общества, они стали рассматривать это явление в более широком историческом контексте.

Деятельность суфиев в среднеазиатском регионе приобрела характер так называемого ишанского движения [6, с.1 27].

Ишаны, не только в силу особого влияния на местное население, не могли не привлечь внимания российских чиновников и исследователей. Вызывающий вид и поведение ишанов (главным образом во время

---

[1] Вообще, литературу о Средней Азии (не только российскую), находившуюся под мощным влиянием европоцентристских представлений о Востоке, частью которых являлась «восточная экзотика», трудно представить без образа дервиша, который являлся неотъемлемым элементом «восточного пейзажа», одно упоминание которого маркировало пространство Других.

выполнения обряда громкого «зикра») были для европейцев (к которым, безусловно, относили себя русские чиновники) зримым воплощением глубоких различий «западного» и «восточного» миров. В то же время русские исследователи, желая найти какую-то аналогию «вертящимся дервишам» в своей культуре, сравнивали их с юродивыми. Так, Е. Т. Смирнов отмечал, что «у сартов они (местные дервиши. – Прим. авт.) носят название каляндарей, русские же, обыкновенно, называют их дуванами (дивона), придавая этому слову понятие и юродивого, и калики-перехожего» [14, с. 49].

Исследователи, обращавшиеся к изучению суфизма, сталкивались со многими трудностями. Н. Пантусов, исследовавший зикр «молчальников» (как называли русские суфиев, придерживавшихся «тихого» зикра) писал, что «о сеансах дервишей трудно дать понятие по недостатку подходящих слов в русском языке» [13, с. 392].

Пытаясь объяснить те или иные стороны суфизма, они с одной стороны, опирались на имеющиеся у них знания об исламе (нередко отрывочные и изобилующие европоцентристскими стереотипами), с другой – вступали на путь аналогий, ища, близкие, как им казалось формы наблюдаемых явлений (и понятия) в христианской традиции. Однако этот достаточно традиционный для европейских исследователей путь познания ислама имел очевидные недостатки.

К слову, поиск языка, который бы адекватно описывал не только суфийскую религиозную практику, но и функционирование суфийских институтов, является сложной проблемой и для современных исследователей[1].

Российские исследователи стремились описать и изучить разные стороны жизни суфийских объединений, формы их организации, способы влияния на население, пути мистического постижения бога. Оценки общего состояния среднеазиатского суфизма, которые можно обнаружить в их работах, довольно противоречивы. Признание общего упадка и кризиса суфизма[2], понижения нравственного уровня его после-

---

[1] В частности, исследователь А. А. Хисматуллин считает не вполне корректным понятие «орден» (по крайней мере, исходя из семантики этого понятия в русском языке), до сих пор используемое некоторыми западными и российскими исследователями для обозначения суфийских объединений [16, с. 14–19].

[2] Отмечу, что дискурс упадка и кризиса занимал важное, если не сказать системообразующее место в описаниях Средней Азии второй половины XIX –

дователей сосуществовали с представлениями об огромном влиянии суфизма и суфиев на прошлую и современную жизнь среднеазиатского общества[1], которое, как, не без досады подмечали российские исследователи, с приходом русских, не только не ослабло, но даже усилилось [10, с. 65].

Среди чиновников и военных в той или иной форме занимавшихся изучением Средней Азии выделялись люди, для которых исследование Средней Азии стало делом всей жизни, люди, своим трудом, часто подвижническим, заслужившие репутацию непревзойденных знатоков региона, признаваемую и их академическими коллегами и туркестанскими и петербургскими властями. К этой категории принадлежали, в частности, В. П. Наливкин, Н. С. Лыкошин, В.Л. Вяткин.

Этнограф и исследователь Средней Азии В. П. Наливкин считал суфизм самой выдающейся стороной в религиозной жизни мусульманских народов.

В исламе как сложном явлении суфизм, как полагал Наливкин, выполнял разные функции. «Либеральный суфизм», по его мнению, компенсировал недостаток духовности в «ортодоксальном исламе» [10, с. 51]. «Народ, писал он, все духовное развитие которого находилось под широким моральным влиянием суфизма, вырабатывал свое мировоззрение, свой жизненный уклад именно под его вековым давлением» [11, с. 19]. На более высоком уровне он удовлетворял уже интеллектуальные запросы высших слоев общества, и «мысль, скованная слепою верою в учение Корана» была «выведена суфизмом на путь свободного исследования…» [11, с. 15].

начала XX века. Это, конечно, не значит, что кризиса не существовало (в Средней Азии того времени можно без труда обнаружить признаки системного кризиса и застоя), но этому кризису часто придавалось субстанциональное значение, он рассматривался как нечто необратимое и неисправимое (по крайней мере без внешнего участия). И, конечно, подобный взгляд на Среднюю Азию делал российское продвижение в этот регион не только объяснимым, но и неизбежным.

[1] Например, Н. Малицкий, акцентируя внимание на значимости суфизма, писал, «что из рядов представителей суфизма вышли почти все мусульманские святые, а также весьма многие поэты и философы мусульманского мира… В настоящее время суфии являются главными духовно-нравственными руководителями народа, а в странах с иноверным населением они выступают распространителями ислама. Все это заставляет видеть в суфизме главную активную силу современного мусульманства» [9, с. 86].

Подобная оценка суфизма и его роли в жизни мусульманского общества, хотя и не является полностью оригинальной, в целом совпадает с подходами к нему советских и российских исследователей. Известный исламовед О. Ф. Акимушкин писал, что «идеи суфизма внесли в ислам известную духовность, смягчив его неприкрытые абстракции, теологический рационализм, и заставили по-иному взглянуть на человека, сотворенного «по образу и подобию бога…» [2, с.5], другой исламовед М. Т. Степанянц, отмечая многообразие и сложность суфизма, приходила к выводу, что «он был продуктом элитарного сознания и в то же время «народной религией» [15, с. 3].

В то время среди западных ориенталистов широко обсуждалась тема о неисламских корнях суфизма, так как многие из них полагали, что в исламе не могло зародиться столь оригинальное течение. Российские авторы, в целом повторяя выводы своих западных коллег, нередко подчеркивали, что суфизм все же является порождением самого ислама, и был вызван к жизни духовными запросами мусульманского общества. На это, в частности, указывал В. В. Бартольд, отмечавший, что «подвижничество и тесно связанный с ним культ святых развивались и в мусульманском мире, как в христианском, под влиянием все усиливавшегося разлада между верой и действительностью» [3, с. 116].

В. В. Бартольд, как и ряд других исследователей (В. А. Жуковский, А. Э. Шмидт, А. Э. Бертельс) работавших на рубеже XIX–XX вв., занимались исследованием суфизма уже на вполне академическом уровне. Хотя было бы неверным искусственно разделять исследователей, занимавшихся изучением ислама на основе научных штудий и разнообразных переводных источников (прежде всего средневековых), т. е. представителей формирующейся академической традиции, и исследователей-практиков, изучавших, главным образом, местные формы бытования «живого ислама», к которым относились чиновники, военные, дипломаты и др. Вклад и тех, и других в становление российского исламоведения трудно переоценить.

Естественно, российские исследователи суфизма, являвшиеся представителями и проводниками российской имперской власти в регионе, должны были ответить на вопрос о том, как соотносится суфизм с теми задачами, которые ставила перед собой Российская империя в Средней Азии.

Наливкин, задаваясь этим вопросом («насколько же опасен для нас суфизм с его ишанами?» [11, с. 28]), отвечал не него однозначно. Активные проявления суфизма на Кавказе, в Турции и Африке, писал он, служат прекрасными иллюстрациями живучести и силы суфизма, и если

«сами мусульманские правители иногда старались подавить влияние суфизма, то тем более это следует делать нам, ибо он ничего общего с нашими задачами в крае не имеет, а напротив является для них сильным тормозом» [11, с. 28].

Сходным образом оценивал суфизм и другой выдающийся исследователь Средней Азии – Н. С. Лыкошин. Отмечая, что сфера деятельности ишанов неограниченна, а влияние на народные массы огромно, Лыкошин полагал, что «предел их влиянию может положить только возвышение общего уровня народного развития» [8, с. 152]. Вместе с тем исходя из малой понятности этого интересного явления для русских, а главное – опасности, которая исходит от ишанов («В пропаганде суфийского учения мы должны видеть не только средство к постепенному омусульманению, но и могучий двигатель на почве политического единения народов Ислама» [8, с. 156], – писал он), Лыкошин полагал необходимым приступить к его систематическому изучению.

Однако, несмотря на оценивание среднеазиатского ислама (и, в частности, суфизма) как потенциально опасной мобилизующей силы и препятствия на пути реализации целей России в регионе, отношение Наливкина, Лыкошина и других серьезных исследователей к исламу было сложным, внутренне подвижным, и никогда не сводилось к его критике. Стремление как можно полнее понять ислам сочеталось в их взглядах с жестким неприятием многих его сторон, с надеждой если не на исчезновение, то на трансформацию всего традиционалистского уклада местной жизни.

В целом можно отметить, что российские дореволюционные исследователи занимались изучением целого круга вопросов, связанных с формами распространения и бытования среднеазиатского суфизма, с философской и мистической практикой местных суфиев, влиянием суфизма на среднеазиатское общество. А наряду с критикой суфизма, в их работах проявлялся устойчивый интерес к нему и попытки проникнуть в его сущность. При этом приходило и понимание масштаба этого явления, его уникальной роли в истории мусульманского мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин, С. Н. Суфизм в Средней Азии: точка зрения этнографа / С. Н. Абашин // Вестник Евразии. – 2001. – № 4 (15). – С. 117–141.
2. Акимушкин, О. Ф. Предисловие // Тримингем, Дж. Суфийские ордена в исламе. – М. : Наука, 1989. – 231 с.
3. Бартольд, В. В. Ислам и Арабский халифат / В. В. Бартольд Сочинения. – Т. 5. – М. : Наука, 1968. – 759 с.
4. Горшенина, С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдёт ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований / С. Горшенина // Ab Imperio. – 2007. – № 2. – С. 209–258.
5. Кемпер, Михаэль : «Иногда попадаются таксисты, которые гораздо больше знают ислам, чем те, в чалмах» / М. Кемпер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://realnoevremya.ru/articles/33536. – Загл. с экрана, (дата обращения: 7.07.2016).
6. Кныш, А. Д. Суфизм // Ислам: историографические очерки. Сб. статей / А. Д. Кныш. – М., 1988. – С.109–207.
7. Ланда, Р. Г. Ислам в истории России / Р. Г. Ланда. Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. – Москва : Восточная литература РАН, 1995 . – 311, 1 с.
8. Лыкошин, Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта Туземного населения / Н. С. Лыкошин. – М. : Книга по Требованию, 2012. – 415 с.
9. Малицкий, Н. Ишаны и суфизм // Сборник материалов по мусульманству – Т.1. / Под ред. В. И. Ярового-Равского. – СПб. : Паровая типолитография М. Розеноер, 1899. – С. 85–101.
10. Наливкин, В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент. 1913 // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. – М. : ПМЛ Института Африки РАН. – 281 с.
11. Наливкин, В. П. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое // Сборник материалов по мусульманству. Составлен под ред. поручика В. И. Ярового-Равского. – Т. 1 / В. Наливкин, В. Вяткин, Г. Усов, А. Лапин, В. Вирский. – СПб. : Паровая типолитография М. Розеноер, 1899. – С. 3-49.

12. Остроумов, Н. П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае / Н. П. Остроумов. – М., 1910.
13. Пантусов, Н. Н. Орден Хуфие / Н. Н. Пантусов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Т. 12. – Вып. 5. – 1895.
14. Смирнов, Е. Т. Дервишизм в Туркестане / Е. Т. Смирнов // Сборник материалов по мусульманству. Т. 1. – СПб. : Паровая типолитография М. Розеноер, 1899. – С. 49–73.
15. Степанянц, М. Т. Философские аспекты суфизма / М. Т. Степанянц. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства, 1984. – 192 с.
16. Хисматуллин, А. А. Проблематика статей // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998) / Сост. и отв. редактор А. А. Хисматулин. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 394 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В 1898–1919 ГГ.

К. С. Калиева

На современном этапе развития исторической науки разработка источниковедческих аспектов истории переписей населения Казахстана является одной из важных и малоизученных проблем.

Для получения данных о населении в науке используется система различных источников информации: текущий статистический учет социально-демографических событий, различные регистры (списки, картотеки) населения, а также выборочные и специальные обследования.

Самым крупномасштабным и многоцелевым источником информации о населении является его перепись. К середине XIX в., когда во многих странах мира уже проводились переписи, приближенные к их современному пониманию, в науке были даны и первые определения переписей населения как масштабных государственных учетных операций, охватывающих все население страны или ее отдельных территорий.

Разработка итогов первой Всероссийской переписи населения и их публикация были завершены в 1905 г., а в 1908 г. был поднят вопрос о проведении новой, очередной переписи населения в 1910 г. (т.е в соответствии с международными рекомендациями в год, оканчивающийся на 0). Необходимость проведения новой всеобщей переписи населения Российской империи была продиктована огромными сдвигами в перемещении населения и значительными миграциями на национальные окраины [4, с, 75].

Вопрос о проведении второй всеобщей переписи населения Российской империи был снова поднят П. П. Семеновым-Тян-Шанским. О том же говорил и А. А. Кауфман, другие сторонники и знатоки всеобщего учета народонаселения отечества. В 1913 г. подготовка к новой переписи началась. Из-за трудностей, главным образом финансового свойства, ее в очередной раз отодвинули – на 1915 г. Но и тогда новая всеобщая перепись населения в России не состоялась из-за начавшейся в августе 1914 г. Первой мировой войны. Лишь в мае-июне 1916 г. (а в Казахстане в июне-августе 1916 г.) новая перепись все же прошла в 69 губерниях и областях России, будучи, по сути, не всеобщей, а только сельскохозяйственной. В ней не учтено население городов и временно-отсутствующее население [6, с. 25].

Организация переписи 1916 г. была поручена Особому совещанию по продовольственному делу. Ему разрешили в работу ввести «работников» земств и представителей Переселенческого управления (созданного еще в 1896 г. и переданного, в 1906 г., из Министерства внутренних дел в главное управление землеустройства и земледелия [7, с. 228].

Цель переписи 1916 г. свелась к получению сведений о продовольственных ресурсах страны. В ходе ее проведения регистрировали следующие данные: численность сельского населения 69 губерний и областей России, число хозяйств, поголовье скота, размер посевных площадей (по культурам), запасы главных продовольственных и фуражных культур. Предварительные итоги переписи были подведены местными учреждениями, на которые было возложено ее проведение. В статистическом отделе Управления делами Особого совещания по продовольствию предварительные местные подсчеты проверили, итоги сбалансировали, и все представили в табличной форме [19, л. 2]. Предварительные итоги имели погрешности [3, с. 59].

Третий том материалов переписи 1916 г. включал данные по Казахстану и Киргизии. Производство переписи здесь было возложено на статистические отделы местных переселенческих организаций. Про-

грамма была общей, однако в связи с хозяйственными и бытовыми особенностями региона, в ней произвели некоторые изменения и дополнения, предложенные на съезде переселенческих статистиков, состоявшемся перед началом переписи в Иркутске. Эти изменения и дополнения касались разделения сельского населения на разряды: 1) крестьяне (старожилы, переселенцы), крестьяне из казаков, крестьяне из ссыльнопоселенцев; 2) казаки оседлые, казаки кочевые; 3) инородцы оседлые, инородцы кочевые; 4) мещане; 5) дворяне. Категории эти отмечались в соответствующих переписных формах. Кроме того, на форме 1, о хозяйстве крестьянского типа, делались пометки: приписной – надельный, приписной – безнадельный, посторонний, военнообязанный, беженец. Из-за трудности точного разграничения старожилов и переселенцев было решено считать старожилами домохозяев, родившихся в данном селении, а переселенцами – домохозяев, прибывших (независимо от возраста, в котором прибыли) в данное селение из европейских или сибирских губерний России или мигрировавших в пределах региона [13, с. 29].

Разделение на старожилов и переселенцев не распространялось на казахское население, ссыльнопоселенцев и временноприбывавших. Для переселенцев записывался год прихода в Казахстан. Для переселенческих хозяйств, разделившихся после водворения, отмечался год поселения материнского хозяйства. Для всех переселенцев отмечалась губерния как первоначального, так и последнего выхода. Для каждой из категорий населения делалась отметка о национальности. Но этнического деления для русского, украинского и белорусского населения региона в документах переписи 1916 г. нет.

Хозяйства крестьянского типа были переписаны полностью, хозяйства же кочевников – выборочно. Для этого отбирались, на основании ранее произведенных Переселенческим управлением сплошных переписей, типичные для определенных районов аульные общины, хозяйства которых переписывались сплошь. Одновременно с выборочной переписью, составлялись сплошные списки домохозяев, по административным единицам (аулам). Они-то и служили основанием для распространения результатов переписи кочевых хозяйств на всю их массу.

По данным Н. Е. Бекмахановой, в 1916 г. в Казахстане было переписано 10 % от общего числа кочевых хозяйств, опрошено от 7,9 до 13,4 % от общего числа кочевников-казахов. Полностью в 1916 г. не опрашивали только в Гурьевском уезде Уральской области, где воспользовались данными обследования произведенного в 1915 г. Переселенческим управлением [3, с. 60].

Перепись 1916 г. не учла все сельское население Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, население войсковой территории Уральской области и Гурьевского уезда той же области [1, с. 15].

Перепись 1916 г. в Казахстане была начата и завершена на месяц позже, в сравнении с Европейской Россией, так как переписные формуляры сюда прислали с опозданием. Как они в то время выглядели, из каких пунктов состояли, свидетельствует документ из 583 фонда Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (бывший Государственный архив Семипалатинской области). Документ озаглавлен следующим образом: «Форма № 6 Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.». Он представляет собой таблицу с названием области, уезда, округа, волости, станицы, общества (сельского, поселкового, аульного), указанием фамилии, имени, отчества домохозяев и примечаний (количество земельных доль). В нем – список домохозяев селения Еленовка Александровской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области. Верность списка удостоверяется подписью председателя Еленовского сельского исполнительного комитета и круглой печатью сельского старосты. В правом углу документа указан номер по списку населенных мест [19, л. 2].

Перепись 1916 г. в Казахстане проводилась с 11 июня по 1 августа (включительно). Проводилась она в нелегких условиях – громадные пространства региона, плохие дороги, малочисленность интеллигенции, короткие сроки. Но, благодаря энергии сотрудников статистических отделов местных переселенческих организаций, перепись в регионе завершили и провели подсчеты предварительных ее итогов. В сводных погубернских таблицах переписи 1916 г., кроме населения, охваченного переписью, представлена еще и общая численность необследованных в губернии (области) жителей.

При повсеместном исключении из переписи 1916 г. городского населения, в Казахстане в пределах городской черты учли те хозяйства, что имели скот и посевы (причем, некоторые мелкие города чисто сельского типа, были переписаны сплошь).

В пределы переписи 1916 г. не включили полосы отчуждения железных дорог, не входившие в состав волостей поселения городского типа, население которых не занималось сельским хозяйством (посады, слободы, местечки), а также поселки при фабриках, заводах, рыбачьи поселения, дачные местности.

Сведения о переписном населении в 1916 г. извлекались местными переписными учреждениями из официальных источников, предыдущих переписей, частью дополнительно были собраны в процессе проведения самой переписи 1916 г. В таблицах этой переписи необследованное население разделено на сельское и городское, полнота сведений оговорена в примечаниях [3, с. 60].

Оценивая качество материалов переписи 1916 г. отметим, что некоторые учреждения не только вводили в программу переписи дополнения, но и допускали отступления от общегосударственной инструкции, что мешало сводке материалов. В некоторых областях регистрация велась на собственных бланках, с которых записи переносились потом на переписные формуляры, иногда вводились условные обозначения, не предусмотренные инструкцией. Часть местных переписных учреждений направила в Петроград вместо подлинников копии, что затянуло разработку материалов. Но, несмотря на недостатки, перепись дала ценный материал – о хозяйствах на селе, о посевах и скоте, а также об общей численности населения, обследованных 69 губерний и областей страны.

Цифры необследованного населения в материалах переписи 1916 г. поданы суммарно, в итогах – по областям, отдельно – для городов и для сельской местности. Эти сведения были представлены областным переписным учреждениям из уездных переселенческих организаций.

Расположение материала в переписных листах 1916 г. было следующим: поуездные итоги сельскохозяйственной переписи в абсолютных числах о населении, посевах, скоте, погубернские итоги, данные о населении, посевах и скоте в абсолютных величинах и в процентах. Содержание таблиц по Казахстану немного отличалось от содержания таблиц по Европейской России. Различия были в перечне сельскохозяйственных культур и видов скота.

Данные переписи 1916 г. по областям подытожены по двум категориям хозяйств – хозяйствам крестьянского типа и частновладельческим. К частновладельческим хозяйствам относились хозяйства учреждений, кооперативов, заводов, монастырей, а также арендаторские. К итогам по этим хозяйствам приплюсованы также итоговые данные по скоту, принадлежавшему гуртовщикам-прасолам. Эта группа хозяйств по своему составу была весьма неоднородной. К хозяйствам крестьянского типа были отнесены казахские, киргизские, казачьи хозяйства, а также общественный скот и запашки сельских обществ. Итоги для казахских хозяйств были получены путем распространения

данных выборочной переписи на всю массу хозяйств: каждая цифра умножалась на отношение числа хозяйств по сплошной массе к числу хозяйств по выборке. Процент хозяйств, попавших под выборку, колебался по отдельным уездам от 7,9 до 13,4 % всего числа казахских и киргизских хозяйств в уезде. Число переписанных хозяйств по каждому уезду давалось в приложении. Численность рабочего скота выражалась в единицах. За единицу была принята лошадь и к ней приравнены пара волов и верблюд [15; 3, с. 60].

Итоги переписи 1916 г. были изданы в третьем выпуске статистических сборников – «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. [19, л. 2]». Из работ Н. В. Алексеенко проявляется такая важная деталь, связанная с переписью 1916 года: статистический отдел Акмолинского переселенческого района в 1917 г. издал поволостные итоги этой переписи, взятой в рамках всех уездов одной (Акмолинской) области [8].

Переселенческие районы в Казахстане были образованы за несколько лет до переписи 1916 г. К 1905 г. в нем функционировали следующие переселенческие районы: Акмолинский, Семипалатинский, Семиреченский, Тургайский и Уральский (или: Тургайско-Уральский). Через отдельные уезды Казахстан был связан и с Сыр-Дарьинским переселенческим районом, с Закаспийской областью [12, с. 4].

Обязанностью заведующих переселенческими районами было: «с самым тщательным вниманием» относиться «к надлежащей постановке текущей статистики», к собиранию и к разработке сведений «о ходе переселенческого и поземельно-устроительного дела … о развитии хозяйственной жизни района» [12, с. 4].

В каждый переселенческий район командировали группу статистиков, в чью обязанность, в первую очередь, входили: «учет зачисления и водворения переселенцев – ежемесячная сводка данных; исследование хозяйственного положения водворенных в районе переселенцев; учет переселенцев, не приписанных к существующим и вновь образуемым сельским обществам; исследование быта инородцев, в целях их поземельного устройства и перевода на оседлое положение» [12, с. 16–17].

«Программой статистико-экономического обследования землепользования и хозяйств инородческого кочевого населения Азиатской России», опубликованной в 1915 г. в сборнике законов и распоряжений, предусматривалась сплошная подворная перепись хозяйств по карточной системе. Относительно населения в подворную карточку следовало вносить такие сведения: «численность населения, с делением по полам

и на четыре возрастные группы (дети, подростки, полурабочие, рабочие, старики) … с отметкой о знании русского языка и русской грамотности» [12, с. 420]. Также предусматривался сбор сведений о промыслах, наемных рабочих, жилых постройках, сельскохозяйственном инвентаре, количестве скота, сборе сена, способах обработки и уборки пашен и сенокосов. Статистикам переселенческих районов вменялось в обязанность анкетное бюджетное описание отдельных хозяйств.

Данные сплошной подворной переписи разрабатывались по следующим таблицам: поаульная сводка, с подведением итогов по административным аулам, волостям и уездам; итоговая сводка по общинам; комбинационные или групповые таблицы, по группам общин, составляющих хозяйственные районы [12, с. 16–17].

Материалы статистических исследований публиковались в сборниках, журналах отдельными изданиями. Так, в 1906 г. увидел свет первый том «Вопросов колонизации», подготовленный к изданию Переселенческим управлением (всего таких томов вышло 19). Кроме статей, в этом сборнике приведены данные о численности переселенцев за несколько лет; сведения о бюджетах, сметах, о росте числа жителей губерний (областей); обозначены итоги работ по статистическим обследованиям казахских и переселенческих хозяйств.

Информация о хозяйственном положении переселенцев на новых местах содержится и в «Отчетах» известного русского экономиста А. А. Кауфмана [14, с. 53–56].

С целью выявления «свободных» земель для переселенцев территория Казахстана обследовалась специальными статистическими партиями Переселенческого управления, В 1896–1901 гг. статистические партии обследовали 13 уездов степного Казахстана; в 1904–1912 гг. – 17 уездов, в том числе 10 уездов повторно. Кроме казахских хозяйств обследовались и переселенческие поселки [2, с. 23].

Статистические партии усиленно занимались сплошным хозяйственным и экономическим обследованием казахских и переселенческих хозяйств. Чтобы определить количество земель, находившихся в распоряжении у кочевого населения, и размеров изъятия так называемых «излишков земли», под переселенческие участки были организованы большие и специальные «экспедиции по обследованию степных областей».

Первая такая экспедиция под руководством воронежского статистика Ф. А. Щербины работала в 1896–1909 гг. Она подробно исследовала и получила статистические сведения о территории и населении, о

землях и их использовании, о хозяйстве казахов и переселенцев в 12 уездах тогдашнего Казахстана [5, с. 232]. В 1907–1909 гг. новая экспедиция под руководством статистика В.К. Кузнецова вновь исследовала три уезда из числа тех, по которому прошла ранее экспедиция Ф. Щербины. Впервые в работе этой экспедиции принимали участие грамотные представители из числа местного населения (казахов) в качестве регистраторов –Н. Нурсеитов, Х. Сарсенбаев, К. Бейсенов, Х. Темирбеков, Ф. Абулгазин и другие, проживавшие в то время в Кокшетауском, Петропавловском и Омском уездах Акмолинской области [9, с. 17].

В 1909 г. состоялось обследование всех переселенческих хозяйств, размещавшихся тогда на территории Казахстана. При этом, статистические материалы в Акмолинской и Семипалатинской областях, в отличие от других областей, были собраны анкетным путем, через сельские правления при участии специальных корреспондентов [9, с. 17].

Итак, между двумя переписями населения, состоявшимися в России в 1897–1916 гг. велся постоянный текущий учет по различным категориям населения, с разными целями, задачами. При этом качество проводимых переписей росло, но трудностей от этого не становилось меньше. Дело по-прежнему осложняли огромная территория страны, плохие дороги, недостаточное число специалистов, большая внутренняя миграция. С 1897 по 1916 г. в России в переселенческом движении на Восток приняли участие не менее пяти миллионов человек, в одном месте учтенные как выбывшие, а в других, переселенческих, районах (в том числе и в Казахстане), прошедшие регистрацию как вновь прибывшие.

Целью подобного мероприятия в 1917 г. стала сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись населения России. Дело начиналось так: 18-23 апреля 1917 г. в Министерстве земледелия был созван съезд статистиков страны, который принял программу переписи для сельской местности и городов. Регистрировалось наличное и временно-отсутствующее население по месту постоянного жительства. Отдельно учитывались призванные в армию.

5 мая 1917 г. Временное правительство приняло закон о переписи населения. 9 мая 1917 г. было опубликовано постановление министра земледелия о порядке, ходе и цели проведения новой переписи в 61 губернии и области.

Перепись 1917 г. проходила длительное время — с середины июня по октябрь. В Казахстане она проводилась в четырех областях, в остальных использовались результаты переписи 1916 г. и материалы текущего учета [6]

В карточку для сплошной переписи сельских хозяйств Азиатской России и Сибири в 1917 г. были включены следующие вопросы: название области, уезда, волости, населенного пункта (деревня, село, поселок, переселенческий участок, хутор, город, имение, заимка, общество); фамилия, имя и отчество домохозяина (и/или название учреждения или предприятия); национальность домохозяина (для иностранцев указать подданство); вопросы для старожилов и переселенцев (год прихода в Сибирь, год поселения на описываемом и/или выделившегося самостоятельного хозяйства на участке, год выдела, губерния выхода — первая и последняя); вид хозяйства (отсутствующее, частновладельческое); число хозяйств; состав семьи и наличных рабочих с подразделением по полу, возрасту (для мужчин следующие возрастные группы: до 8 лет, от 8 до 14, от 14 до 18, от 18 до 20, от 20 до 60, свыше 60 лет; для женщин – до 8 лет, от 8 до 12, от 12 до 16, от 16 до 20, от 20 до 55, свыше 50 лет), по трудоспособности, грамотности, занятости в промыслах (промыслы за последний год, положение в промысле, для сельскохозяйственного рабочего -где занят); численность скота по видам (лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи); размеры посевных площадей по культурам и земельной площади по угодьям; размеры землевладений и землепользования с подразделением земель на надельные, купчие, прочие и по формам землевладения; аренда и сдача земли; наличие сельскохозяйственного инвентаря, с указанием, кому инвентарь принадлежит (чужой, свой); наличие промышленного и торгового заведения (название и количество) [19, л. 17–17 об.].

В Западном Казахстане в 1917 г. были переписаны все основные части региона: Уральская и Тургайская области, Букеевская орда. Собранные данные содержали итоги по всем административным подразделениям. Однако в ходе последующих событий сведения по населенным пунктам и волостям этого края были утеряны, но сохранились поуездные и областные результаты переписи [10, с. 82].

По мнению Н. Е. Бекмахановой, "сравнение результатов переписи 1917 г. с данными текущего учета показало меньший разрыв, чем в 1897 г. Отчеты губернаторов в 1917 г. завысили данные о населении Казахстана лишь на 2%" [3, с. 62].

Таким образом, на отрезке времени от 60-х гг. XIX в. и включая 1917 г., население Казахстана учитывалось: во-первых, переписями, как специально демографическими, так и преследующими иные цели, переписями общегосударственными –1897, 1916, 1917 гг., а также локальными. Во всех этих переписях, как правило, фиксировались

численность, этнический состав, вероисповедание населения, но не бралось во внимание национальное самосознание людей. Во-вторых, учет населения Казахстана в то время осуществлялся и с помощью полицейско-административного исчисления, дававшего сведения о численности населения, его составе, внутренних и внешних миграций, естественного движения. В-третьих, учет жителей Казахстана тогда проводился и по линии церковной статистики, которая фиксировала естественный прирост населения (рождения, смертность), число прихожан по вероисповеданиям. Наконец, следует помнить, что учет населения Казахстана в указанное время осуществлялся и с помощью медицинской статистики.

Перепись 1917 г. имела свои недостатки. Она не охватила всей территории России и растянулась на значительный срок (с середины июня по октябрь). Тем не менее, она дала доброкачественный материал, отразивший в общей форме те изменения в численности, в размещении и, отчасти, в этническом составе населения страны, что произошли в ней к 1917 г.

Недостатки учета населения в переписи 1917 г. заключены не только в неполноте охвата в ней населения, но и в разной методике сбора сведений для нее, в их обработке [16]. Разумеется, при этом нужно учитывать и объективные трудности военного времени. А для Казахстана, оценивая достоверность сведений переписи 1917 г., необходимо исходить из того, что в XIX в., переломном в деле освоения его территории Россией, происходили значительные перемещения казахов; в начале же XX в. участие казахов в событиях 1916 г. также отразилось на подсчете их численности в переписи 1917 г. [17, с. 82]

Предварительные результаты сельскохозяйственной переписи 1917 г. начали публиковаться с 1919 г. В 1921 г. были опубликованы сводные данные по 52 губерниям и областям. Наиболее полная публикация под заглавием «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи по 57 губерниям и областям» была осуществлена в 1923 [15]. Многие собранные сельскохозяйственными переписями 1916 и 1917 гг. данные, содержащиеся в анкетах, в публикации итогов не вошли. Поэтому особый научный интерес представляют первичные материалы переписей – подворные карточки (из наиболее известных проектов –обработка первичных данных переписей по Томской губернии под руководством Л. М. Горюшкина в Новосибирске в 1960-е гг. [11]. Однако, в целом, первичные данные сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. недостаточно введены в научный оборот.

Перепись 1916 г. в центральных районах прошла в мае-июне, а в Казахстане для ее осуществления потребовалось более позднее и более

продолжительное время. В Казахстане перепись 1916 г. проходила с 11 июня и по 1 августа.

Перепись 1917 г., получившая статус сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи, началась с середины июня и закончилась в октябре. В Казахстане она прошла только в четырех областях. Не было учтено население Тургайской области и так называемое гражданское население Уральской области [1, с. 15]. В остальных пределах региона за основу для новой переписи были взяты результаты учета, проведенного в 1916 г., а также материалы текущей информации.

Тем не менее, две переписи военного времени (1916–1917 гг.) позволяют определить основные тенденции демографического развития Казахстана из числа наметившихся к концу досоветского периода. Их данные служат определенной базой для анализа материалов первых советских переписей (проведенных, в том числе, и в пределах современного Казахстана).

Период конца XIX – первой четверти XX в. сыграл большую роль в истории Казахстана. Это время глобальных подвижек в жизни общества. Все они в первую очередь отражались на населении. Политические, экономические, социальные, административные и другие изменения привели к существенной трансформации этнического и социального состава населения Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеенко, Н. В. Демографические кризисы в Казахстане. XX век / Н. В. Алексеенко, А. Н, Алексеенко. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2007.
2. Алексеенко, Н. В. Статистические источники по демографии Казахстана / Н. В. Алексеенко. – Усть-Каменогорск : Шыгыс баспа, 1999.
3. Бекмаханова, Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / Н. Е. Бекмаханова. – М. : Наука, 1986.
4. Брук, С. И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.) / С. И. В. М. Кабузан // История СССР. – 1980. – № 3.
5. Волкова, Т. П. Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф. А. Щербины / Т. П. Волкова // Вопросы историографии Казахстана. – Алма-Ата, 1983.
6. Гапоненко, Л. С. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–17 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции / Л. С, Гапоненко, В. М, Кабузан / История СССР. – 1961. – № 6.
7. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции / Н. П. Ерошкин, Ю. В. Куликов, А. В. Чернов. – М., 1965.
8. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Акмолинской области. – Омск, 1917.
9. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. – Алматы : Агенство РК по статистике. 1998.
10. Левшин, А. Историческое обозрение уральских казаков. СПб. – С. 2–3 // Цит. по: Сдыков, М. Н. История населения Западного Казахстана. – Алма-Ата, 2004. – С. 82.
11. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). / Под ред. Г. М. Горюшкина. –Новосибирск, 1969.
12. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. – Пг., 1915.
13. Подворные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (по подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями), вып. III. Степной край. – Пг.,

1917. С. 11. // Цит. по: Алексеенко, Н. В. Статистические источники по демографии Казахстана. – Усть-Каменогорск : Шыгыс баспа, 1999.
14. Полтаранин, И. А. Исторические взгляды А. А.Кауфмана. / И. А. Полтаранин. – Усть-Каменогорск, 2002.
15. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. По 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. – Т. 5. – Вып. 2. – М., 1923.
16. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи (По подсчётам, произведённым местными переписными учреждениями). – Вып. 1: Европейская Россия. – Пг., 1916; Вып. 2: Кавказ. – М., 1917; Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток.
17. Сдыков, М. Н. История населения Западного Казахстана / М. Н. Сдыков. – Алма-Ата, 2004.
18. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. По 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. – Т. 5. Вып. 2. – М., 1923.
19. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 583. Оп.1. Д. 32.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1920-Е ГГ.

Д. В. Жиляков
Е. В. Кунгурова

В любом обществе жилищное положение является одним из основных факторов, определяющих уровень и образ жизни человека. Тип и благоустройство жилья, его размеры, обстановка жилища, как правило, тесно связаны с принадлежностью человека к той или иной социальной группе.

В частности, студенчество – это категория вечных скитальцев, у которых не всегда есть постоянная крыша над головой и собственный, пусть и небольшой, угол. Курс на пролетаризацию высших учебных заведений подразумевал большой приток рабоче-крестьянской молодежи из деревень в вузы Сибири, которые находились в крупных городах. Постоянные поиски жилплощади, частая смена жилья - вот характерная картина студенческого быта в 1920-е гг.

Универсальным способом решения жилищной проблемы студенчества советской поры являлось их проживание в общежитии. Более того, оно приобретает определенную идеологическую окраску. Совместное проживание рассматривалось как способ «самокооперирования» масс. Комсомол нацеливал молодежь на практическую работу по повсеместному созданию «общественных кухонь, столовых, прачечных, детских комнат и яслей, коллективного общежития, общественной бани и красного уголка и т.п.» [8, с. 426].

Еще в царское время студенты вузов проживали в таком виде жилья. Так, в общежитии Томского университета в 1913 г. проживало 74 студента [5, с. 309].

В 1920-е гг. традиция проживания в общежитии сохраняется. Другое дело, что далеко не каждый вуз имел такое общежитие в своем распоряжении, а если и имел, то мест в нем не хватало. В Иркутском государственном университете из 1 751 человека только 192 студента получили места в трех общежитиях [1, л. 43 об.].

Проживание в общежитии не всегда решало жилищную проблему. Бытовые условия были далеки от идеальных. В общежитии при Сибирском ветеринарном институте в г. Омске студенты проживали в ужасающих условиях. Кроватей и постельных принадлежностей не было, ребятам приходилось спать на топчанах и покрываться верхней одеждой. Не было достаточного количества столов, отсутствовали шкафы и

чайники. А вот другой пример условий, в которых жили студенты педтехникума г. Томска. По материалам проверки профбюро Томских вузов «кухня находится в хаотичном состоянии, общее впечатление какого-то сарая, нет мыла для мытья рук, нет ведер для выноски ополосков, иногда, в кадке, в которую сливают помои, моют и продукты для варки. В столовой ощущается недостаток в скамьях и свете. Обедают всегда стоя. Холод. В уборных полы попорчены так, что вода льется с верхнего этажа на средний, а из среднего в нижний, прямо в кухню. Нередко канализация не действует. Закрывают поэтому уборные, а внизу другого крыла здания вода из колодцев уборных просачивается и стоит целым озером, отчего воздух насыщен сероводородом» [2, л. 87]. В связи с этим для студентов, проживающих в общежитии, приходилось вводить плату. Расценки были следующими: с госстипендиатов – 2 руб., а с частных стипендиатов – 2 руб. 50 коп. [3, л. 22.]. Если принять во внимание тот факт, что госстипендиат получал 6 руб. в месяц, то одну треть от своей стипендии он отдавал за общежитие, а на оставшиеся деньги ему приходилось жить целый месяц.

Администрация вузов для решения проблем с общежитиями изыскивало различные способы. Для расширения площадей под общежития в сибирских городах нередки были случаи, когда обветшалые дома передавались в распоряжения вузам. Однако для проживания в них так же требовался капитальный ремонт, но необходимых для этого денег не было ни у вузов, ни у местных бюджетов. Государство отказывалось содержать общежития по причине недостатка денежных средств. Оставался только один путь – это создание общежитий исключительно средствами университетов. В феврале 1922 г. Томский государственный университет своими силами организовал общежитие на 25 человек. Здание находилось в крайне неудовлетворительном состоянии, и ему требовался капитальный ремонт. На оборудование общежития не было ассигновано специальных средств. Единственные деньги поступали от стипендиатов, которые платили за проживание в них. Но эти суммы были настолько малы, что их хватало только на оплату самых насущных потребностей общежития (оплата за электричество и водопровод) [2, л. 91]. Но даже в таких общежитиях мест не хватало. Не более трети нуждающихся студентов Томских вузов получали места в общежитиях, остальные ютились, кто, где мог [1, л. 43 об.].

Из-за нехватки общежитий, студенты вынуждены были снимать комнаты в частных домах и на частных квартирах. К такому решению проблемы подталкивала сама специфика жилого фонда Сибири в 1920-

е гг. В отличие от вузовских городов Европейской России, где существовал значительный муниципальный фонд, здесь преобладали дома индивидуальной застройки. В целом по городам Сибири они составляли 72,8% всего жилого фонда [6, с. 54]. Именно поэтому абсолютное число студентов находило выход в решении жилищной проблемы путем съема частных квартир. В заявлении в жилищную комиссию студентки медицинского факультета Томского государственного университета Мальцевой говорилось о том, что ей необходимо место в общежитии, так как плата за квартиру, где она проживает, составляет 15 руб. в месяц. Ее стипендия составляла 25 руб. в месяц, но после того, как в стипендии ей было отказано, она не могла позволить себе такие траты. Муж высылает ей по 25–30 руб. в месяц, но этого катастрофически не хватает. Более того, она ждала ребенка и вдвоем на эти деньги ей не прожить. Вот поэтому она и просит предоставить ей место в общежитии, а на сэкономленные деньги хоть как-то жить [4, л. 28.] Студент первого курса физико-математического отделения того же университета Ю. Г. Шафер писал, что после повышения оплаты с 6 до 10 руб. вынужден был покинуть занимаемую комнату, так как такая сумма была очень высокая и он, ввиду своего материального положения, платить ее неможет [4, л. 28.].

Подчеркиваем, что речь здесь идет именно о комнате, поскольку снять частную квартиру могли себе позволить единицы. И даже одну комнату приходилось снимать на паях.

Были случаи, когда из проблемы ситуация с жильем превращалась в кризисную. Так случилось в Иркутском государственном университете в 1925 г. Студенты этого вуза неделями проживали в аудиториях университета и коридорах общежитий. Дело в том, что прием в этот вуз был увеличен на 500 человек, 75% которых составляли приезжие дети рабочих и крестьян. Их материальная необеспеченность не давала им возможности посилиться на частных квартирах [1, л. 43 об.].

Типичную ситуацию с обеспеченностью жильем студентов-сибиряков в середине 1920-х гг. иллюстрирует Таблица 1 данных по Сибирскому ветеринарному институту (г. Омск) [7, с. 30–31].

Таблица 1

Учебный год	Курс	Число студентов	Количество студентов проживающих в общежитии	В процентном соотношении
1926–1927	1 2 3 4	115 120 74 75	30 31 15 14	26 25,8 20,3 18,7
1927–1928	1 2 3 4	124 106 107 69	30 24 45 9	24,2 22,6 42 13

Из таблицы видно, что процент обеспеченности студентов общежитиями колебался от 42% (III курс в 1927–1928 уч. г.) до 13% на IV курсе в том же году. В среднем место в общежитии имел только каждый четвертый – пятый студент.

Итак, жилищное обеспечение сибирского студенчества в 1920-е гг. превратилось в проблему, решить которую тогда не получилось.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф.Р-61. Оп 1. Д. 65.
2. ГАНО. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 358.
3. ГАНО. Ф.Р-61. Оп. 1. Д. 68.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф.Р-815. Оп. 1. Д. 416.
5. Иванов, А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – М., 1999. – 460 с.

6. Исаев, В. И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920–1930 гг.) / В. И. Исаев. – Новосибирск, 2003. – 250 с.
7. Сибирский ветеринарный институт 1918–1928. – Омск, 1928. – 125 с.
8. Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918–1968). Т.1. – М., 1969. – 550 с.

«АПЕЛЛИРОВАНИЕ К ВЛАСТИ». ЗАЯВЛЕНИЯ И ЖАЛОБЫ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В 1920-Е ГГ. В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

О. А. Литвинова

Тема диалога советских граждан с властью посредством писем, жалоб и заявлений привлекает внимание исследователей с 1990-х гг. Наиболее подробно данная проблема рассмотрена в исследованиях А. Я. Лившина и И. Б. Орлова [6, 7]. Названные историки не только представили всесторонний библиографический обзор темы, но и проанализировали ее различные аспекты, в частности такие, как особенности ментальности советского социума, проявившиеся в письмах и жалобах во властные структуры, специфичность языка подобных обращений, проблемы повседневной жизни, решаемые посредством апеллирования населения к различным государственным структурам. При этом упомянутые исследователи сконцентрировали свое внимание главным образом на письмах, адресованным государственным лидерам. Однако работа с материалами региональных архивов свидетельствует, что люди не менее активно отправляли свои сигналы и в местные органы власти. Наиболее частыми проблемами, которые предполагалось решить посредством такого локального апеллирования, были производственные конфликты и жилищные вопросы. Вместе с тем анализ текстов подобного рода обращений во властные структуры позволяет не только определить круг социальных проблем раннесоветской повседневности, но и делает возможным изучить общественные отношения тех лет в социально-психологическом ракурсе: определить социальную

принадлежность апеллировавшего к власти человека, раскрыть мотивацию его обращения во властные структуры, выявить модели взаимоотношений личности и государства, сложившиеся в процессе апеллирования к власти.

Обращения граждан в органы власти в 1920-е гг. осуществлялись в форме заявлений и жалоб. В настоящее время юристы относят к жалобам письменное обращение в государственный орган или организацию с требованием о восстановлении нарушенного права или принятии мер по отношению к виновному лицу. Заявление же рассматривается как письменное или устное обращение, направленное в государственный орган или организацию с целью реализации своего законного права или информирования должностного лица. Исходя из сказанного, становится очевидно, что даже в современных условиях, человеку, не улавливающему тонкости делопроизводства, сложно дифференцировать эти два понятия. Тем более зыбкой и весьма условной была граница между жалобами и заявлениями в 1920-е гг. Исходя из этого, автор считает возможным использовать обобщающие термины: «обращения во власть» или «апеллирование к власти».

Как уже отмечалось, основные вопросы, в отношении которых ходатайствовало население, были трудового и жилищного характера. Обращения, поданные в связи с увольнением, обычно оформлялись в виде заявлений в отделы профсоюзов. Что касается жалоб и заявлений по поводу демуниципализации жилья, то чаще всего они адресовались в губернские или уездные исполкомы.

Круг людей, апеллировавших к власти был весьма широк. В большинстве случаев он охватывал граждан трудоспособного возраста. В региональном архиве (Государственном архиве Новосибирской области) автором было обнаружено лишь одно письмо, причем поданное не в местные органы власти, а на имя Председателя ВЦИК М. И. Калинина, написанное от имени малолетних (возраст не указан) Татьяны и Ирины Рюмкиных. Это обращение касалось возвращения утраченного в ходе муниципализации жилья [2, л. 52–52 об.].

Что касается гендерной принадлежности, то за исключением уже упомянутого письма М. И. Калинину остальные обращения были составлены представителями мужского пола. Подобная ситуация, на наш взгляд, объясняется тем, что менталитет населения в 1920-е гг. характеризовался патриархальностью. Это означает, что семейные проблемы решались либо мужем, либо при отсутствии такового – подросшим сыном. Примером такого обращения может служить заявление двадцатилетнего жителя г. Камня Алтайской губернии И. М. Фаддеева, поданное

в уездный исполком в декабре 1925 г. в связи с просьбой вернуть его семье жилой флигель дома [2, л. 134]. В данном заявлении молодой человек представлял интересы матери («старухи-матери», как определял ее социальный статус сам заявитель) и двух сестер, старшая из которых была уже замужем. В ряде случае мужчина вступал в диалог с властными структурами, когда предшествовавшее этому диалогу обращение женщины было безуспешным. Пример тому – заявление С. Г. Жукова председателю Томского губисполкома (подавно в октябре 1923 г.) о возвращении реквизированного в 1920 г. имущества [2, л. 115–117]. Экспроприация имущества имела место в тот период времени, когда заявитель служил в рядах Красной Армии. Сестра заявителя, несмотря на наличие квитанций на сданное имущество и доверенность брата на получение вещей, не смогла добиться удовлетворения ходатайства. Данное обстоятельство заставило мобилизовавшегося красноармейца самому заняться решением проблемы.

Отдельным аспектом рассматриваемой темы является вопрос о причинах апеллирования населения в государственные структуры. Исследователи отмечают, что традиция обращения в органы власти в России имеет давнюю историю [1, с. 98; 8, с. 48]. В качестве примеров обычно упоминают существование Челобитной избы при Иване IV, должность генерала-рекетмейстера при Петре I, Комиссию прошений в XIX в. Историки отмечают, что В. И. Ленин придавал жалобам огромное значение, считая, что без них не может быть полезных изменений в стране. По инициативе большевистского лидера в апреле 1919 г. было создано Центральное бюро жалоб в составе Наркомата государственного контроля, аналогичные структуры появлялись и на местах – в губерниях. В 1920 г. Наркомат государственного контроля был преобразован в Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции – РКИ. Соответственно в губерниях и уездах появились отделения РКИ. Таким образом, уже сама политика советской власти первых лет ее существования выступала в роли внешнего мотиватора для апеллирования в государственные инстанции. Создавая специальный орган власти для такого апеллирования и подчеркивая необходимость подачи сведений в него, большевистские лидеры тем самым создавали условия для формирования у населения убеждения, что новая власть справедливая, что все возникшие в повседневной жизни граждан проблемы будут оперативно решены. Убеждения значительной части населения в честности новой власти формировало в свою очередь у людей стремление сообщить в те или иные государственные структуры информацию об имевших место беззакониях. При этом обращения направлялись не только в

РКИ, но и в иные инстанции и даже отдельным государственным деятелям. При подготовке данной статьи автор работал с заявлениями и жалобами, поданными в середине 1920-х гг. главным образом в губернские исполкомы и в губернские отделы профсоюзов. Из этого можно сделать вывод, что апеллирование к власти стало в 1920-е гг. вполне обычным делом.

Вторая причина, повлиявшая на формирование у жителей страны потребности обратиться в государственные инстанции, заключалась в непосредственной необходимости разрешить возникшие социальные проблемы повседневного характера: вернуть утраченное рабочее место, получить дополнительное денежное вознаграждение за свой труд, возвратить муниципализированное жилье, столь необходимое для проживания семьи.

Важным аспектом поднимаемой темы является содержательная сторона заявлений и жалоб. Изучение текстов документов позволяет в качестве главной их черты назвать детализированность. Практически все обращения характеризовались очень точным изложением фактов, через которые представлялось трудовое прошлое просящего, его причастность к большевистскому или революционному движению, противостояние Белому движению, пусть даже опосредованное. В качестве примеров приведем несколько отрывков из заявлений и жалоб. Орфография и пунктуация автором статьи исправлены в соответствии с современными требованиями русского языка.

Заявление Д. Кротова в Новониколаевский губернский отдел союза металлистов (подано в связи с необходимостью восстановления на работе и датировано мартом 1924 г.) начинается автобиографическими сведениями, относящимися к 1919 г. В тот год, как указано в обращении, заявитель был освобожден в г. Канске из тюрьмы партизанами. Далее подробно освещена биография просящего: «…несмотря на свое слабое здоровье, отобранное палачами Колчака, я сразу поехал по революционной работе по уезду. После шестимесячной работы как бывший железнодорожник меня мобилизовали и назначали в депо Новониколаевск, и как слаб здоровьем часто хворал, и после прохождения пяти контрольных комиссий меня освободили как неспособного к труду. Но не желая сидеть на иждивении соввласти я поступил механиком на службу в военнопошивочную мастерскую…» [3, л. 479].

Из заявления в Сибревком бывшего народного учителя Г. Валеева (просьба вернуть муниципализированное жилье, датировано августом 1925 г.) можно узнать, что стаж участия в революционном движении заявителя насчитывает более четверти века: «Я человек преклонных лет,

больной, обремененный большой семьей, 32 года был народным учителем, и жена моя Фатима Валеева тоже учительствовала 20 лет, и я сам с 1898 года принимал участие в революционном движении и при царском режиме немало приходилось страдать за народное дело, а также в данное время всеми силами и всей душой за Советскую Власть» [2, л. 149].

В ранее упомянутом заявлении И. М. Фаддеева, поданном в Каменский уездный исполком, биографические сведения преподнесены в ракурсе семейной драмы, отражающей политическое противостояние «Белые – Красные»: отец бросил семью и ушел с белыми. Автору заявления очень важно было дистанцироваться от своего ближайшего родственника, оказавшегося противником советской власти. В заявлении для этого подобраны специальные слова: «Так как мой отец по неизвестной причине или по сделанным им грешкам отступил с белыми, взяв нас с собой, и по дороге бросил». В данном случае выделяется пренебрежительное слово «грешки». Помимо этого, в обращении посредством риторических вопросов, что тоже способствует созданию определенного эмоционального настроя, акцентируется внимание на социальном статусе просящего: «…и какой я крестьянин, ходя по квартирам, и как я оставлю старуху-мать, идя на смену в Красную Армию?». Социальная незащищенность просящего подчеркнута как упоминанием о составе семьи, так и указанием на начало трудового пути: «В конце 19 года нас, т.е. мать и четырех детей отец оставил – бросил и до сего времени живет в г. Барнауле, не помогая нам. Я же остался от отца 14 лет, не доучился и остался на перепутье. Но с 1921 год[а] я начинаю уже работать, то есть кормить семью…».

Следует отметить, что в обращениях во власть очень хорошо наблюдается стремление их авторов обрисовать свое участие в Белом движении, если таковое имелось, через применение презрительных слов и посредством фокусирования внимания на жизненных неурядицах. В качестве примера процитируем отрывок из заявления В.Н. Огнева в Центральный исполнительный комитет союза металлистов (датировано январем 1926 г.), в котором озвучена просьба о приеме на службу [4, л. 28–30 об.]. «С апреля м[ея]ца 1919 г. я был эвакуирован после ранения из Бугуруслана в г. Владивосток *с прострелянной головой и без ноги*. И с этого момента моя служба 5 или 6 месяцев в белой армии на положении *заурядного* младшего офицера в пехоте окончилась. В г. Владивостоке мне удалось приобрести искусств[енную] ногу, и я стал служить как техник, зав. курсов для рабочих и был приглашен как спец в области с[ель]хозмашиностроения в Центркомиссию заведовать с[ель]хозскладами, заведовать мастерскими по сборке, ремонту и

эксплуатации моторов, двигателей и с.х. машин. <…> При занятии г. Владивостока красными войсками я остался и оставался на службе, ибо в декретах, приказах и воззваниях говорилось, чтобы никто никуда не бежал, все оставались на местах, что все уже забыто, что войска идут с миром, а не с местью и войной гражданской», – можно прочесть в заявлении (курсив наш. – Прим. автора).

Особенности текстов заявлений и жалоб позволяют определить модели взаимодействия их составителей с властью и механизм урегулирования проблемных жизненных обстоятельств. На наш взгляд, можно говорить о двух моделях коммуникации «заявитель – власть» и, соответственно, о двух механизмах решения имевшихся у заявителя проблем.

Первая модель – подробное эмоциональное изложение событий, составляющих суть жизненной ситуации с акцентированием внимания на трудовой опыт или причастность к революционному движению автора обращения. В таких заявлениях зачастую имеется противопоставление «свой» (т.е. трудовой человек, истинно советский по убеждениям) – «чужой» (враг трудового человека, «примазавшейся» к советской власти).

«Прибыв в г. Н[ово]николаевск, при мне была больная жена после операции и трое малолеток к тому же без копейки денег… Я получал 13 р[уб]. 44 к[оп]. в месяц и на них жил впроголодь, обращался в Союз совработников за помощью, мне отказали… Я не знал, что мне делать, решался даже покончить с собою, но затем вспомнив слова тов. Ленина, который сказал, что совработники – мещанские души, разочаровался в этом Союзе и письмоводство бросил, встал снова к станку в Оружейную мастерскую Губохотсоюза…», – можно прочесть в заявлении М. Севалкина от 2 июня 1926 г. В этом же заявлении интересна последняя фраза, написанная после просьбы о восстановлении трудового стажа. Звучит она следующим образом: «Я вам обрисовал себя как своим товарищем, а не совработничком». Т.е. вернуть или сохранить потерянную работу можно было позиционируя себя как человека, преданного делу революции, а своих недоброжелателей следует представить в качестве «чуждого» обществу «элемента» [4, л. 370–371 об.].

Также в данной модели коммуникации большую роль играли метафоричность языка апелляции, образность в изложении жизненных событий, граничащая с экзальтированностью. Именно через повышенную эмоциональность апеллировавшие к власти граждане надеялись показать в полной мере остроту своей проблемы. Принадлежность же к советской власти при этом демонстрировалась на уровне чувств, что

должно было создать большее доверие к просящему. Ярким примером метафоричности текста является фраза «выброшен за борт», сказанная одним из заявителей о своем увольнении [3, л. 479].

Данная модель взаимодействия заявителя с властью, как нам показалось из анализа документов, наиболее явно прослеживается в обращениях, связанных с трудовыми спорами. Думается, что это неслучайно. Причиной такого рода споров часто являлись проблемы межличностного характера. Соответственно межличностный конфликт можно было легко перевести в противостояние «сторонник советской власти – противник советской власти», «поборник законности – нарушитель законности». В качестве примера приведем отрывок из упоминаемого ранее заявления Кротова: «…бывшая учительница Вдовичева исполняла работы для учреждений без ведома г[убернского] о[тдела] и лично мною это было воспрещено. Принимала учениц на курсы по своему усмотрению (кто даст больше взятки), на курсы стала ходить половина 12-го, а уходила в 2 часа. Я призвал таковую в порядке профдисциплины посещать курсы нормально, т.к. г[убернский] о[тдел] после моих устных заявлений мер не принимал» [3, л. 479].

Другая модель разрешения жизненных проблемы посредством обращений во власть связана с достаточно кратким, рациональным представлением в заявлении или жалобе событийной стороны, сочетающимся с аргументированным объяснением необходимости восстановления нарушенных прав. Подобный путь был характерен в большей степени для заявителей, пытавшихся решить свои жилищные проблемы, возникшие после кампании по муниципализации жилья в соответствии с Декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах». Согласно этому Декрету, в городских поселениях с числом жителей свыше 10000 отменялось право частной собственности на все строения, которые вместе с находящейся под ними землей имели стоимость или доходность свыше установленного органами местной власти предела. Все изъятые строения передавались в распоряжение органов местной власти, соответственно, все вопросы, связанные с жильем, адресовались этим же структурам [5]. Таким образом, проблема возникала в отношениях «человек – государственная система». Т.е. со стороны власти был совершен акт муниципализации жилья. Лишившемуся жилья следовало обоснованно доказать, что действия государства были ошибочны. Поскольку предел стоимости жилья или его доходности определялся в каждом населенном пункте, исходя из местных условий, то чаще всего это фак-

тор и использовался просящими в качестве довода для возможного возвращения жилья. Заметим, что аналогичным образом (рациональное изложение событий, подкрепленное аргументированным объяснением возможности удовлетворения своей просьбы) некоторые граждане решали также проблемы возврата реквизированного движимого имущества.

Однако было бы неверным говорить о том, что в заявлениях о демуниципализации жилья или о возврате реквизированного имущества отсутствовала социально-политическая составляющая. Социальная мобильность в условиях Гражданской войны часто создавала ситуации, при которых появлялись дома без жителей. Такие дома муниципализировались и отдавались госучреждениям. Вернувшиеся в первой половине 1920-х гг. на прежнее место жительства бывшие владельцы домов оказывались без места проживания. Помимо этого, обстоятельства революции вызывали экспроприацию имущества у частных лиц. Таким образом, в середине 1920-х гг. начиналась активная деятельность отдельных граждан по возвращению утерянной собственности. Цель заявлений, подаваемых в таком случае чаще всего в исполкомы, заключалась в умении убедить представителей власти в том, что семья имеет право вернуть утраченное движимое или недвижимое имущество. Поэтому, как и в заявлениях об увольнении, важно было представить подробную информацию о социальном статусе просящего, о его причастности к Красному движению в годы Гражданской войны, обо всех обстоятельствах, при которых семья осталась без жилого помещения. В текстах обращений о демуниципализации можно прочесть: «В 1920 году, в бытность мою в рядах Красной армии на Восттуркфронте, сотрудниками Томской Реквизиционной комиссии при Сибревкоме… было взято на учет принадлежащее мне имущество» [2, л. 115]. Как и в заявлениях о трудовых спорах политическая составляющая могла быть представлена очень эмоционально: «Прося о возврате указанного на обороте сего заявления флигеля я руководствовался… человеческими побуждениями и думаю, что пролетарско-гуманная власть пойдет навстречу моим побуждениям. Ведь я не помещик, которого следует выселять из поместья и не прошу всего имущества, а прошу самое необходимое для крестьянина будущего красноармейца…» [2, л. 134 об.]. Другой аналогичный пример: «В городе Новониколаевске… находится принадлежащее мне небольшое недвижимое имущество, нажитое мною и моей женой долголетним трудом. <…> Указанное … имущество в июле 1923 года по неизвестным мне причинам муниципализировано… <…> Во время Колчака я против Советской Власти не шел, а наоборот,

несмотря на всякие трудности оказывал содействия к освобождению активных советских работников – арестованных чехами…, также всеми мерами действовал против организации зеленого знамени, за что в последние дни был преследован со стороны белых и за неделю до отступления последних из города Новониколаевска, боясь расправы белых, скрылся…» [2, л. 148–148 об.].

Хотелось отметить, что имеется взаимосвязь между текстами обращений, поданными во властные структуры, и образовательным статусом их авторов. Так, аргументация людей, имеющих образование, была более доказательной. «Принадлежащие мне строения для эксплуатации ГОМХ (Губернского отдела муниципального хозяйства – прим. автора) совершенно непригодны, и если сравнивать тот доход, который получает от взимания квартирной платы с убытками, который приходится терпеть государству от неуплаты земельного, имущественного, подоходного и страхового налогов, то получится, что от муниципализации моего дома убытки в десятки раз превышают доход», – можно прочесть в заявлении бывшего учителя [2, л. 148 об.].

Подводя итоги, можно сказать, что обращения советских граждан в органы власти, имевшие место на протяжении 1920-х гг., имеет смысл рассматривать как институализирующую форму коммуникации общества с государством. Значительная часть общества имела потребность проинформировать органы государственной власти об имеющихся в повседневной жизни проблемах и получить помощь в разрешении сложных ситуаций. Эта потребность реализовывалась посредством заявлений и жалоб отдельных граждан. Государство же при этом получало сведения о сложившейся в стране социально-политической обстановке. Однако рассмотренная форма коммуникации между обществом и властью все же не закрепилась на протяжении указанного периода в виде социального института, поскольку не сложилась устойчивая процедура взаимодействия граждан и государства посредством нормативно урегулированных и общепризнанных практик апеллирования населения к власти. Как было указано в работе, несмотря на существование РКИ, граждане при наличии проблемной ситуации обращались в самые различные государственные инстанции. При этом эмоциональность их обращений была далека от свойственного для социальных институтов признака формализации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Булюлина, Е. В. «Жалобщики» и «удрученные»: о работе с заявлениями граждан в Рабоче-крестьянской инспекции в 1919–1920-е гг. / Е. В. Булюлина // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: История России. – №2. – 2010. – С. 98–105.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 1756.
3. ГАНО. Ф.Р-505. Оп.1. Д. 15.
4. ГАНО. Ф.Р-505. Оп. 1. Д. 56.
5. Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах». Дата принятия: 20 августа 1918 г. // Петербургский правовой портал [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ppt.ru/newstext.phtml?id=15019 Дата обращения: 1.10.2016
6. Лившин, А. Я., Власть и общество: Диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М. : РОССПЭН, 2002. – 208 с., илл.
7. Лившин, А. Я., Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России / А. Я, Лившин, И. Б, Орлов // Общественные науки и современность. – 1999. – №2. – С. 94–102.
8. Марченко А. В., Делопроизводство Тюменского губернского бюро жалоб в 1920-1922 годах / А. В. Марченко, И. В. Хажеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 36 (327). – История. – Вып. 58. – С. 48–52.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТРУД ЖЕНЩИН СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

О. Н. Шевцова

Вовлечение женщин в общественное производство классики марксизма всегда рассматривали как необходимое условие фактического освобождения женщин и строительства социализма

Коренная реконструкция экономики страны в середине 1920-х гг. потребовала перестройки работы среди населения. В работе среди женщин главное внимание сосредотачивалось на вовлечении женщин в общественное производство – в промышленность, общественные формы сельского хозяйства, кооперацию и на связанных с этим задачах повышения квалификации, улучшения условий быта, усиления охраны труда работающих женщин.

В начале 1925 г. краевые партийные и профсоюзные органы приняли ряд мер, способствующих прекращению этого процесса. Удельный вес женского труда в промышленности постепенно стабилизировался и в начале 1926 г. составил 18,2 % от общего количества работавших.

Удельный вес работниц в цензовой промышленности также стал стабильным, колеблясь в течение года (июнь 1925 – июль 1926 г.) незначительно: от 11,1 % до 11,4 % (в абсолютных цифрах приблизительно от 4 до 5 тысяч) [1, л. 52, 102].

В 1926–29 гг., когда в нашей стране стала воплощаться ленинская политика индустриализации, создание и развитие тяжелой индустрии большевики считали решающей предпосылкой технического перевооружения страны, подъема сельского хозяйства, материального и культурного уровня трудящихся, в том числе и женщин.

Важным условием вовлечения женщин в промышленное строительство было повышение уровня их квалификации. Без достижения должной квалификации для женщин был закрыт доступ к целому ряду профессий, руководящим постам в хозяйстве, невозможно было фактическое равенство в области экономики, а, следовательно, в общественной, политической и даже семейной жизни. Низкая квалификация женщин влияла на их заработную плату, служила одной из причин безработицы, отрицательно воздействовала на благосостояние трудящихся в целом. К концу 1925 г. среди женщин-работниц квалифицированных было 16,6%, полуквалифицированных – 39,9%, неквалифицированных – 42,6%. В 1926 г. по 12 промышленным

союзам разряд был лишь у 4,1% работниц, в текстильной промышленности разряд выше 6-го – у 1% всех работниц. В металлургической промышленности в 1925 г. было занято 12,7% женщин, из них на долю квалифицированных рабочих по металлу приходилось 3%, учениц – 2%, чернорабочих – 35%, подсобных рабочих – 10%. На каждую тысячу работниц в РСФСР приходилось 345 чернорабочих [3, л. 123].

На предприятиях Сибири в 1926 г. около 80% рабочих и работниц составляли недавние колхозницы и крестьянки, имевшие стаж работы в промышленности не более двух лет, составлял 32,5%, в начале 1926 г. – около 40%, в конце 1926 г. – 48,5%, в середине 1927 г. – 42,5% или 547 881 человек. Среди вновь принятых на работу значительно преобладали мужчины: в середине 1925 г. на каждые 100 человек, занятых в производстве, было принято 11,6 мужчин и лишь 1,9 женщин.

Вовлечение женщин в промышленное производство активизировалось после XIII съезда РКП (б), подчеркнувшего, что сохранение женской рабочей в производстве имеет политическое значение.

С целью вовлечения женщин в производственную жизнь предприятий проводились общие женские собрания и конференции на заводах и фабриках, общегородские производственные конференции работниц.

В Томском округе в 1927 г. в производственных совещаниях участвовали лишь 7 % всех работниц (или 2,4 % к числу всех работающих). В первом квартале 1928 г. участие женщин в экономической работе возросло к общему числу работниц до 5 % в производственных комиссиях и до 17,7 % – в производственных совещаниях и соответственно до 1,2 % и 4,3 % к общему числу рабочих.

Подводя итоги этой работы в марте 1929 г., Сибженотдел подчеркнул, что удельный вес женщин в общем количестве выдвиженцев (по неполным данным) составил 9,6 % [4, л. 7].

Участие работниц в производственной жизни предприятий, выдвижение их на руководящую работу, повышение квалификации их руда тормозилось их низким культурным уровнем. Центром работы по повышению культурного уровня работниц на тот период была ликвидация неграмотности.

В 1926 г. среди городских женщин удельный вес грамотных достиг 51 %, а среди мужчин – 67%.

Важное значение в повышении производственной квалификации женщин имели школы фабрично-заводского обучения. На 1 января 1924 г. только по РСФСР было 506 ФЗУ, 92 техникума, 263 вечерних

курсов (вместе с Украиной), 32 профессиональные школы, 91 учебная мастерская. По первому пятилетнему плану сеть профессионально-технических учебных заведений подлежала дальнейшему расширению.

Большое внимание в деятельности по вовлечению женщин в промышленное строительство отводилось планомерной подготовке молодого женского поколения к работе во всех отраслях промышленности. Был установлен определенный процент брони на предприятиях для девушек и женщин (т.е. не подлежащих увольнению или сокращению), в 1924 г. в броню подростков было включено 25,3 % девушек, в 1926 г. – 30,8%.

В этот период ставилась задача привлечения женщин к освоению профессий, ранее считавшихся чисто мужскими. ЦК профсоюзов принимали специальные решения о введении брони для девушек в школах ФЗУ, например, печатников – 25%, металлистов – 30% и т.д. Женотделам, профсоюзным и комсомольским организациям пришлось приложить немало усилий, чтобы помочь женщинам преодолеть «психологический барьер» и прочие препятствия на пути к новым профессиям. В 1929 г. в школах ФЗУ тяжелой промышленности девушки составляли 29,4%. За период с 1926 по 1931 гг. число квалифицированных работниц среди металлистов увеличилось более чем в 14 раз, количество женщин-слесарей – в 14 раз, токарей – 17 раз, машинистов силовых установок – в 20 раз. Удельный вес женщин в машиностроении с 1924 по 1932 г. вырос в 8,5 до 21,4% [5, с. 71].

«Коммунистка» с неоправданной гордостью писала: «У нас есть не только женщины-токари, слесари, инструментальщики, фрезеровщики, но даже женщины-молотобойцы, вальцовщицы, кузнецы. Правда, к сожалению, их единицы и десятки».

Сибирские партийные организации также планировали значительно активизировать подготовку квалифицированных женских рабочих кадров. Директивой Сибкрайкома в 1929 г. было намечено использовать с наибольшей нагрузкой ФЗУ, курсы, бригады и в течение пятилетки довести количество квалифицированных работниц до 25%.

В результате проведения этих мероприятий произошел значительный рост числа женщин, занятых в промышленном производстве (см. Таблица 1).

70,3% всех фабрично-заводских работниц было занято в текстильной, швейной и пищевой промышленности. Особенно высок был удельный вес женщин в текстильном производстве.

Таблица 1 – Рост численности работниц, занятых в промышленности (по состоянию на 1 января)

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Число женщин-работниц во всей промышленности страны (тыс.)	679,4	710,3	725,3	804,0
В процентах к общему числу занятых в промышленности	29,4	28,4	28,7	28,8

Удельный вес женщин по всей промышленности в 1926–1929 гг. стабилизировался на уровне 28–29%, т.е. увеличение числа женщин-работниц шло пропорционально росту численности всего рабочего класса. Поэтому в целях обеспечения роста удельного веса женщин по Первому пятилетнему плану предусматривались более высокие темпы привлечения к работе по найму, чем для всей рабочей силы в целом, соответственно 170% против 138%.

Быстрыми темпами шел процесс формирования из числа женщин высококвалифицированных технических и руководящих кадров для промышленности. В индустриальных техникумах с 1924 по 1927 г. вес девушек вырос в 2 раза. В индустриально-технических вузах в 1927 г. было принято 12,6%, в 1928 г. они составляли 13,2%. Это превышало уровень 1913 г. в 12 раз. Особенно большое внимание подготовке индустриальных кадров уделялось в годы первой пятилетки. Если в начале пятилетки женщин-специалистов со средним и высшим образованием было лишь 7% от общего числа специалистов, то к исходу ее – 20%. К 1930 г. в промышленности работало 3 600 женщин-инженеров и 3 588 женщин-руководителей производства, из них директорами крупных промышленных предприятий – 26 [5, с. 47].

Некоторое количество безработных женщин не могли найти работу в течение нескольких лет. Например, в первом квартале 1928 г. на учете в Томской бирже труда состояло 7696 безработных, в том числе 3015 (39,5 %) женщин. На работу за это время было послано 926 женщин, что составило от общего числа посланных на работу 24 % и от числа безработных женщин – 30 %. Мужчин было послано на работу 2901 человек, что составило от общего числа посланных на работу 76 %, от общего числа всех безработных мужчин – 62 % [2, л. 56].

Очевиден тот факт, что вовлечение трудящихся женщин в промышленное производство невозможно без создания условий, позволяющих работницам сочетать работу на производстве и дома, труд и материнство.

Повышение активности работниц, достигнутое в конце периода восстановления народного хозяйства, их стремление удержаться на производстве привели к росту женщин в профсоюзах. Так, среди всех членов профсоюза Сибири женщины составляли в апреле 1925 г. 19,8 %, а в апреле 1926 г. – 21,1 %. Удельный вес женщин в профсоюзах был выше их удельного веса в производстве [5, с. 85].

Таким образом, к 1926 г. удалось прекратить вытеснение женского труда из производства Сибири, добиться значительного вовлечения женщин в профсоюзы, провести работу по повышению квалификации женского труда, осуществить некоторые меры по облегчению бытового положения работниц.

Вместе с тем, удельный вес женского труда и его квалификация были недостаточны, значительной была безработица женщин, ничтожным было количество учреждений, освобождавших работниц от добавочного домашнего труда.

В исследуемый период сформировались две диаметрально противоположных точки зрения на использование женского труда в промышленности. Были попытки доказать необходимость его сокращения как малоэффективного, неэффективного, нерентабельного. Кое-кто впадал в другую крайность, требуя применения женского труда во всех отраслях без учета особенностей женского организма.

Партия большевиков еще до революции сформулировала основные требования об охране женского труда и после Октября добивалась их осуществления. Советская власть не только издавала законы, но и следила за их неукоснительным выполнением. 27 апреля 1922 г. Совнарком издал декрет «О наказаниях за нарушение постановлений по охране труда», в котором подчеркивалась необходимость строгого соблюдения правил, регулирующих работу женщин. Для постоянного контроля за соблюдением правил охраны труда был введен институт инспекторов труда при профсоюзных организациях.

Значительное место в деятельности по вовлечению женщин в промышленное производство отводилось вопросам, связанным с пересмотром существовавшего законодательства в сторону большего доступа к производству женщинами. В феврале 1925 г. Наркоматом

труда было разрешено применение ночного труда женщин во всех отраслях производства, за исключением вредных. Это рассматривалось как естественное закрепление женского труда в производстве и расширение сферы его применения.

С переходом на рельсы индустриализации перед страной во весь рост встали важнейшие экономические задачи повышения производительности труда, рационализации производства, строжайшего режима экономии, сокращения производственных затрат, снижения себестоимости продукции, уплотнения рабочего дня и т.д. 25 апреля 1926 г. ЦК и ЦКК ВКП (б) опубликовали обращение «О борьбе за режим экономии». Для подъема производственной активности женотделы развернули широкую пропаганду среди женщин, к которой были привлечены профсоюзы, комсомол, и другие организации.

Цеховые женорганизаторы вовлекали работниц в борьбу с нарушениями трудовой дисциплины, с прогульщиками и бракоделами, в работу производственно-экономических комиссий.

Вовлечение женщин в общественное производство в 1926–29 гг. проходило в условиях классовой борьбы, безработицы, недостатка опыта и отсутствия квалифицированных кадров. В этих трудных условиях на отдельных участках работы были достигнуты значительные успехи. На биржах труда были введены дни для регистрации безработных женщин и установлен порядок, согласно которому направление на работу в первую очередь стали получать матери, оказывалась постоянная материальная помощь безработным женщинам, создавались трудовые женские коллективы.

Итак, привлечение женщин к общественному труду сыграло в исследуемый период исключительно важную роль. Советское государство не уравнивало женщин и мужчин в их физических способностях, а наделяло женщин определенными дополнительными правами и льготами с учетом физиологических особенностей женского организма и социальной функции материнства. Участие женщин в промышленном и сельскохозяйственном производстве вырывало их из рутины домашнего хозяйства, ставило в экономически независимое положение в семье, способствовало росту их авторитета, признанию высокой роли в обществе, явилось важным условием развития личности и духовного раскрепощения. Активное вовлечение женщин в сферу оплачиваемой занятости привело к более равномерному распределению домашнего труда между мужчинами и женщинами, способствовало их самореализации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.2. Оп.1. Д. 1687.
2. ГАНО. Ф.2. Оп.1. Д.1687.
3. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИД НИ). Ф.17. Оп.69. Д.304.
4. Центр документов новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф.2. Оп.1. Д.3393.
5. Араловец, Н. Д. Женский труд в промышленности СССР / Н. Д, Араловец. – М. : Профиздат, 1954.

ЭГОДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. С. Калиева

Объективное, всестороннее исследование истории депортации в Казахстан народов в годы массовых политических репрессий, как непосредственно самого процесса, а также последствий этого крупномасштабного трагического события, является одной из важнейших задач современной исторической науки.

Изучение истории депортированных народов Казахстана важно не только с точки зрения самопознания этими народами своего прошлого, но и для исследования огромной по своему размаху и последствиям, страницы истории Казахстана, какой является переселенческое движение, объектом которого был Казахстан.

Научная значимость изучаемой проблемы обусловливается необходимостью заполнения «белых пятен» в истории Казахстана. История депортации народов в республику раскрывает такие стороны истории Казахстана, как изменение этнодемографической ситуации, возникновение и функционирование «лагерной экономики», создание лагерей – Карлага, Степлага, Алжира и другие, куда стекались представители всех депортированных народов. Исходя из вышеизложенного, необходимо подчеркнуть, что изучение истории депортации народов как в отдельности, так и комплексно является актуальной проблемой. Значимость

темы заключается и в том, что сквозь призму ее изучения представляется возможность анализа исторических процессов в республике в целом, а также и общественно-политической, экономической и культурной жизни депортированных народов. Объективное исследование этой проблемы будет способствовать консолидации казахстанского общества и укреплению основ общенационального единства.

Изучение истории депортации народов на территорию Казахстана накануне и в период Великой Отечественной войны началось только в конце 80-гг. XX в. До этого на эту тему не говорили. Даже выход Указа Президиума Верховного Совета СССР 1957 г. о восстановлении года ликвидированных в годы войны автономных республик и областей не давал права исследователям обращаться к этой «деликатной» теме. Попытки исследования наталкивались на недоступность архивных материалов, первичных документов, на основании которых предпринималось выселение. Сегодня благодаря демократизации появились публикации, посвященные столь важной проблеме. Тем не менее, до сих пор нет сводного, обобщающего исторического труда на эту тему.

Тема депортаций народов, осуществленных в 1930–1950-е гг. сталинским режимом, до сих пор пестрит неисследованными аспектами и звучит болью исковерканных судеб многих людей. И сегодня как никогда важно досконально изучить сохранившиеся исторические свидетельства того периода, чтобы иметь объективное представление о масштабах и характере преступлений, совершенных тоталитарным режимом. Только при наличии реальной картины прошлого можно адекватно проектировать и осуществлять комплекс политических и социальных мер, направленных на укрепление страны и консолидацию общества. Чтобы учиться на ошибках прошлого, понять их, нужно выяснить суть этих ошибок.

О массовых репрессиях против социальных, конфессиональных и этнических групп, высланных в Казахскую ССР в 1930–1950-е гг., учеными написано немало трудов и публикаций. Однако масштабы преступлений, связанных с тоталитарным режимом в СССР, необходимо исследовать глубже, в том числе и историю депортации народов. В настоящее время история массовых репрессий изучается в Казахстане, Центральной Азии и Западной Сибири. До сих пор в науке не освещен весь круг проблем, связанных с депортацией народов, не осознаны в полной мере размеры и следствия произошедшей деформации социальных судеб этносов. Продолжающееся рассекречивание архивных фондов, обновление методологических подходов, интерес общества к этой

теме придают импульс к дальнейшей работе по изучению истории выселенных народов. Воссоздание истории депортации народов во всех регионах Казахстана и других стран позволит нам говорить о сокращении лакун отечественной истории новейшего времени.

Микроистория – направление в исторической науке, занимающееся рассмотрением малых территорий и популяций (городок, деревня, отдельная семья) прошлого с целью изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории.

Микроисторический анализ предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом.

Источник – все то, что дает нам информацию, свидетельство о прошлом.

Эго-документ – слово, производное от двух слагаемых латинского происхождения (лат. ego – я и лат. document – свидетельство, доказательство), имеющее значение - я свидетельствую (о себе).

Эго – это та часть человеческой личности, которая осознается как Я и находится в разнообразных контактах с окружающим миром.

Особое значение в процессе самоотождествления личности с эго приобретают рефлексия, память и интерпретация.

По мнению исследователя Ж. Прессера (Нидерланды. сер. 1950-х гг.) эгодокумент включает в себя четыре основных типа личных свидетельств: автобиографии, мемуары, дневники, письма личного содержания.

В самом широком смысле эгодокументы – это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с “я” – или иногда (Цезарь, Генри Адамс) “он” – как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания»

Эго-документ обладает специфическими чертами и свойствами, определяемыми в равной степени, как понятием ЭГО (речь идет о личности, которая осознается как Я, находится в разнообразных контактах и взаимоотношениях с окружающим миром и с самой собой, выражает осознанную самотождественность, что, конечно, не исключает субъективности оценок и характеристик), так и понятием документ (речь идет о зафиксированной информации с определенными реквизитами, позволяющими ее идентифицировать).

Эго-документы (письма, записные книжки, дневники, автобиографии, другие тексты) – это своего рода фактический материал для мемуаров, которые являются нередко основой/вариантом

автобиографической (биографической) литературы, непосредственно соотносящейся с литературой документальной..

Эго-документ определяется установкой на подлинность, реальность, правдоподобие, аутентичность, соотнесенность с индивидуальным лицом.

Мемуары, являясь разновидностью эго-документа, представляют собой свидетельства индивидуальной памяти и, таким образом, являются личностным документом.

Будучи специфическим жанром «промежуточной прозы» мемуары особо культивируют «показания» памяти об описываемых событиях как самого повествователя, так и людей, которым он доверяет.

В современной психологии понятие эго-концепция (динамичная система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми). Эго-концепция включает различные компоненты: когнитивный (самосознание), эмоциональный, оценочный, волевой, креативный, др.

Безусловный интерес представляет вопрос об авторской позиции в эго-документальном повествовании. Ведь автор особым образом структурируется в аутентичном тексте. Актуальность при этом приобретает проблема совпадения/несовпадения автора повествования и героя-повествователя.

Все действия человека первоначально им осмысливаются, соотносятся с его системой ценностей, нормами, определяющими их характер и механизм осуществления.

Источники личного происхождения позволяют историкам исследовать не только отдельные факты, но и ситуацию, в которой они происходили, понять контекст событий.

Есть опасность сделать ложные выводы, идя за современниками эпохи, взяв за истину их интерпретацию. Источник поливариантен по своей сути. Но этого можно избежать, анализируя не только свидетельство, но и наследие представителей различных социальных групп.

Изучение исторического процесса должно осуществляться с позиций человека, а не системы, в которой он живёт и которая изменяется под давлением человеческого фактора. Понимание внутреннего мира человека приведёт к осознанию мотивов его деятельности, факторов способствующих изменению его положения в обществе.

При работе необходимо использовать специальные методы: контент-анализ, герменевтический. Основу работы составляет изучение

источника, его характеристик и извлечения из него соответствующей информации.

В социологии широко применяется метод, именуемый контент-анализом, позволяющий извлечь латентно скрытую информацию, содержащуюся в источнике. Метод ориентирован на теоретическое осмысление изучаемого объекта, посредством всестороннего его исследования.

Необходимо сопоставление информации из различных источников. Выявляя противоречия, мы должны определять характер их происхождения. При работе с документами личного происхождения возможно использование этого метода, в совокупности с герменевтическим. Герменевтика ставит своей задачей объяснение, истолкование, интерпретацию смысла изучаемого источника.

Мир прошлого можно понять, только вживаясь в него, сопереживая, чувствуя. Сложность состоит в том, как можно сделать индивидуальный исторический опыт человека общественно значимым. Нужно понять язык, систему знаков, что приводит к повышению интереса к мемуарам, литературным произведениям, которые способствуют пониманию прошлой эпохи. Большое значение имеет не только содержание, но и характеристика стиля, избранного автором источника, круг вопросов, которые он избирает в качестве наиважнейших.

Результатом использования этих методов становится установление полноты сведений, содержащейся в источниках, их достоверности и точности, определение факторов характеризующих автора и среду, в которой был создан документ.

Задача исследователя состоит в выявлении, актуализации различных уровней источника, который должен представить в полном объеме историческую эпоху.

Эгодокументы возникают по инициативе, замыслу частного лица, являются его личной (частной) собственностью и подлежат охране в соответствии с нормами авторского права, если по характеру своему являются объектом его действия.

Особенности эгодокументов:

1. Отсутствие закономерности размещения информации.
2. Произвольное информационное наполнение определенных видов документов (писем, воспоминаний, дневников). Многоаспектное содержание документов.
3. Содержание носит глубоко личностный характер, обусловленной государственной, национальной, социальной,

культурной принадлежностью создателя документа, а так же индивидуальными чертами его личности

4. Процесс создания и дальнейшего движения эго-документов нормативно не регулируется, в связи с чем документальные связи необязательны, а среда существования эго-документа является неупорядоченной.

5. Документы имеют не полную атрибуцию: отсутствуют даты, подписи, аннотации к фотографиям

Микроисторический подход предполагает и особое отношение к источнику: более пристальное и одновременно более тотальное. Это обстоятельство также объясняет апеллирование к опыту макроистории. Дихотомия этих подходов, возможно, станет нормой в развитии исторической науки.

Использование эгодокументов в изучении истории депортации, несмотря на их неизбежную субъективность, позволяют раскрыть исследователю внутреннее состояние самих участников, показать закулисную сторону процесса, лучше понять отдельные малоизученные исторические факты, военную атмосферу, а также атмосферу самой депортации и спецпоселений и позволяет увидеть не только историю конкретного региона, страны, но и судьбу конкретного человека.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алдажуманов, К. С. Депортация народов – преступление тоталитарного режима / К. С, Алдажуманов, Е. К. Алдажуманов – Алматы, 2000. – 256 с.
2. Алиева, С. Запах фиалки. Воспоминания // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Худож-док. сб. – Т. 1. – М., 1993. – С.317–332.
3. Байчоров, И. За полную правду. Воспоминания // Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Худож-док. сб. – Т. 1. – М. : Инсан, 1993. – С.312–313.
4. Бельгер, Г. Манкуртизация: истоки и последствия / Г. Бельгер. – Простор, 1991. – 152 с.
5. Бугай, Н. Ф. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья / Н. Ф. Бельгер, А. М. Гонов. – Нальчик, 1997.
6. Будгарт, Л. А Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях спецпоселения / Л. А. Будгарт. – Усть-Каменогорск, 1999. – 251 с.

7. Вылцан, М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны / М. А. Вылцан // Этнографическое обозрение. – № 3. – М., 1995. – С. 17–23.
8. Дильманов, С. Д. Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (1930–1956 гг.) / С. Д. Дильманов – Алматы, 2006. – 350 с.
9. Зарецкий, Ю. П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов / Ю. П. Зарецкий // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 159–173.
10. Кан, Г. В. История корейцев Казахстана / Г. В. Кан. – Алматы : Гылым, 1995. – 208 с.
11. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев / Сын Хва Ким. – Алма-Ата, 1965. – 251 с.
12. Кульбаев, Т. Д. Депортация / Т. Д, Кульбаев. – Алматы, 2000. – 269 с.
13. Курдаев, Т. А. Книга народной памяти / Т. А. Курдаев. – Алматы, 2005. – 104 с.
14. Кыдыралина, Ж. А. Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937–1957 гг.) / Ж. А. Кыдыралина. – Алматы, 2005. – 158 с.
15. Медикулова, Г. М. Исторические судьбы казахской диаспоры: Происхождение и развитие / Г. М. Медикулова. – Алматы: Институт истории и этнологии, Гылым, 2002. – 264 с.
16. Михайлова, Л. А. В степи далекой. Поляки в Казахстане / Л. А. Михайлова. – Алматы, 2006. – 234 с.
17. Мишимбаев, С. М., Исова Л. Т. Проблема истории польских переселенцев в Казахстане (1936–1946 гг.) / С. М. Мишимбаев, Л. Т. Исова. – Алматы, 2005. – 158 с.
18. Румянцева, М. Ф. Компаративное источниковедение / М. Ф. Румянцева // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29–31 января 1996 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://liber.rsuh.ru/Conf/Comparative/rumianceva.htm.
19. Садыков, М. К. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / М. К. Садыков. – Алматы, 2005. – 428 с.

20. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – 22 с.
21. Сулейменова, М. Ж. Историческая роль депортированных народов и репрессированных социальных групп / М. Ж. Сулейменова. – Караганда, 2001. – 124 с.
22. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский. – М., 1997.
23. Хубач, В. Биография и автобиография: проблема источника и изложения / В. Хубач. – М., 1970.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ДЕТСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД НА АЛТАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х ГГ.)

О. В. Степанова

Охрана и укрепление здоровья людей является наиболее важной среди задач социальной политики. Состояние здоровья и продолжительность жизни членов общества представляют важную характеристику каждого из этапов развития общества. Исторический опыт советского государства по восстановлению и дальнейшему развитию всех сфер жизнеобеспечения общества по окончании Великой Отечественной войны, в том числе здравоохранения как одной из важнейших сфер, сам по себе уникален и представляет большой научный интерес.

Именно в этот послевоенный период решались серьёзные задачи: преодоление негативных последствий войны для здоровья и жизнеобеспечения общества, в том числе последствий демографической катастрофы 30–40-х гг. XX в., восстановление и при этом дельнейшее развитие, реформирование системы здравоохранения, переоборудование в короткие сроки материально-технической базы на качественно новом и прогрессивном уровне, забота о детях, потерявших родителей, инвалидах Великой Отечественной войны. Медико-социальные меры укрепления здоровья детей, забота о подрастающих поколениях в отдалённых от центра регионах страны на примере Алтайского края создаёт возможность более полного представления о региональных аспектах социальной политики власти в данный период, а вместе с тем о сущности самого государства советского периода.

Алтайский край не испытал военных разрушений, тем не менее первые послевоенные годы характеризовались радом лишений и тягот. Улучшения в условиях жизни населения наступили не сразу. Маленькие граждане страны оказались в эти годы в особенно тяжёлом положении. Некачественное питание, эпидемии, нехватка одежды, обуви, медикаментов, а также сиротство – все эти и другие факторы влияли на здоровье детского населения. Если в условиях войны государственные возможности в решении этих проблем были весьма ограничены, то в первые послевоенные годы на охрану здоровья детского населения в стране в целом, и в регионах в частности были привлечены практически все резервы и возможности промышленных предприятий, колхозов, совхозов, МТС, учреждений здравоохранения, просвещения, общественности, местных руководящих органов.

Сеть детских учреждений системы здравоохранения в Алтайском крае была представлена детскими больницами, родильными домами, детскими амбулаториями и консультациями, детскими яслями, домами ребёнка и домами малютки. Несмотря на то, что в военный и послевоенный период местные органы власти в Алтайском крае сумели сохранить, а где надо и восстановить детские медучреждения, медицинская сеть все равно не отвечала возросшим потребностям общества.

Низкий уровень здравоохранения усугублял ситуацию с высокой детской смертностью в первые послевоенные годы. В Алтайском крае к моменту окончания войны имелось всего пять самостоятельных детских больниц на 295 коек и одно детское отделение при городской больнице на 20 коек. Практически по сравнению с 1940 г. сеть стационарных медицинских учреждений не увеличилась. Расширение сети детских больниц требовалось во всех без исключения городах Алтайского края. Имеющиеся больницы работали с колоссальными перегрузками и не в малейшей степени не обеспечивали потребности в лечении детей, особенно с инфекционными заболеваниями. Нехватка детских стационарных коек усугублялась закрытием некоторых больниц на ремонт (впервые за последние годы), длительными карантинами при вспышках инфекционных заболеваний. Детские больницы края нуждались в дооборудовании лабораториями, рентгеновскими установками и физиокабинетами [4, с. 42].

В общей заболеваемости детского населения Алтайского края в 1945–1950 гг. основное место занимали пневмонии, желудочно-кишечные инфекции, детские инфекции и туберкулёз. Необходимо отметить значительный рост заболевания дизентерией, которая в 1948 г. по сравнению с 1947 г. увеличилась в 1,5 раза. Основным недостатком детской

стационарной сети являлись: поздняя госпитализация инфекционных больных, в частности больных детей с желудочно-кишечными инфекциями; крайне недостаточный детский коечный фонд по всем без исключения городам и районам края. Вследствие нехватки мест в больницах даже дети, больные пневмонией, госпитализировались только в пределах 17– 20%, другими словами, край имел возможность госпитализировать только самых тяжёлых больных или больных с осложнениями, а основная масса детей с пневмонией лечилась на дому [1, л. 41]. Также, в летнее время, когда все детские койки переключались на лечение детей с желудочно-кишечными заболеваниями, остальные соматические больные оставались в этот период практически без стационарной помощи. Особенно серьёзно в Алтайском крае, не имеющем ни одной специализированной детской туберкулёзной больницы, стоял вопрос с медицинской помощью детям, страдающим различными формами туберкулёза.

Большинство зданий детских и родовспомогательных учреждений (и стационарных, и амбулаторно-поликлинических) в эти годы являлись малоприспособленными, без отвечающих нормам пропускных систем, нуждающимися в срочном капитальном ремонте. Недостаточное соблюдение карантинных требований в детских больницах и амбулаториях создавало условия для распространения инфекций.

В городе Барнауле из пяти детских консультаций только три имели типовые помещения, во всех остальных городах края консультации размещались в приспособленных (нетиповых) помещениях. Детские амбулатории в сельской местности, за редким исключением, вовсе не имели самостоятельных помещений, а располагались в здании взрослой амбулатории, занимая 1–2 комнаты. Краевой отдел здравоохранения и местные органы исполнительной власти принимали меры по развёртыванию детских консультаций в тех районах, где их не было вовсе, выделению консультациям самостоятельных приспособленных помещений, ремонту и перепланировке с целью увеличения площадей, её оптимизации, выделению отдельных приёмных мест для здоровых и больных детей.

Край оказался не совсем подготовлен к послевоенному буму рождаемости 1946–1948 гг. Как указывает исследователь К. В. Григоричев, послевоенный «компенсационный» рост рождаемости, вызванный притоком мужчин из армии, в Алтайском крае продолжался в течение 4 лет. За этот период рождаемость выросла с 30 671 рождений в 1946 г. до 73 761 в 1948 г., т.е. в 2,4 раза [3, с. 45]. В период войны многие здания

детских и родовспомогательных учреждений были заняты организациями и структурами, не имеющими отношения к здравоохранению. Постепенное возвращение зданий органам здравоохранения происходило первые послевоенные годы, но здания нуждались в капитальном ремонте и укомплектовании оборудованием, а средств на это выделялось недостаточно. В 1947 г. в Алтайском крае функционировало девять родильных домов, 15 «колхозных роддомов», 13 родильных отделений в больницах (всего на 1 000 коек). Такая сеть родовспомогательных учреждений не обеспечивала обслуживания населения края, по причине недостаточного количества коек и неравномерного распределения родовспомогательных учреждений по территории края. Охват родовспоможением в городах края в 1946–1948 гг. вместо 100% рожениц составил только 69%, в сельской местности – только 28% [1, л. 42]. Ввиду недостаточного охвата населения края стационарным родовспоможением значительное количество родов происходило на дому, в ряде случаев в тяжёлых и антисанитарных условиях, зачастую без медицинской помощи, что тоже играло негативную роль в вопросе увеличения смертности детей раннего возраста. Местные органы власти в этот период сконцентрировали усилия на открытии роддомов в тех районах края, где их до той поры вообще не было, а также развёртывания широкой сети так называемых «колхозных роддомов». Из-за нехватки подходящих помещений решения местных органов власти об открытии роддомов в некоторых населённых пунктах в плановые сроки не выполнялись.

В 1947 г. в Алтайском крае было 11 домов ребёнка, один детприёмник, 117 детских домов, из них пять лечебных. В первые послевоенные годы остро стояла задача приведения помещений детских учреждений для детей-сирот в соответствие с санитарно-гигиеническими нормами. Большинство домов ребёнка в крае были размещены в неудовлетворительных помещениях и вынуждены были работать в условиях тесноты, в ряде мест без карантинных групп и изоляторов. Из-за скученности детей, неправильной организации карантинных мероприятий в домах ребёнка в данный период наблюдались высокие показатели инфекционных заболеваний (корь, ветряная оспа, грипп). В 1948 г. был принят ряд мер, направленных на улучшение медицинского обслуживания домов ребёнка. Постепенно данные детские учреждения пополняются мягким и твёрдым инвентарём, предметами ухода, переводятся в типовые помещения (в основном из-под детских яслей), в них оборудуются детприёмники, карантинные отделения или изоляторы. Было принято решение органами здравоохранения края об укомплекто-

вании штатных должностей домов ребёнка в первую очередь из прибывших в край по распределению выпускников 1948 г. мединститутов и фельдшерско-акушерских школ. Органы здравоохранения, во исполнение решения крайисполкома от 5 января 1948 г., обследовали состояние медицинского обслуживания домов ребёнка в крае и приняли усилия по снабжению детских учреждений дефицитными медикаментами (пенициллином, сульфаниламидными препаратами и др.). В домах ребёнка выделяются лечебные группы для хронически больных и ослабленных детей (в основном дизентерийных хроников) где организуется специальных уход и условия. Но из-за недостатка помещений такие группы появились не всех домах ребёнка края.

Медико-социальные меры по охране здоровья детей в послевоенный период включали и заботу о детском питании. Ситуация с обеспечением детей питанием была в первые послевоенные годы весьма сложной. В послевоенный период в стране разразился и продовольственный кризис, во многих регионах страны практически и голод – ещё одна определяющий жизнь и здоровье фактор послевоенной реальности. Ряд исследователей указывают, что если не голод, то хроническое недоедание в 1946–1947 гг. Алтайском крае имело место со всеми его последствиями – ростом заболеваемости, аномальным ростом детской смертности. Если в 1945 г. уровень детской смертности в крае составил 61,5%, то в 1946 г. – 263,7%, а в 1947 г. – 109,4% [3, с. 45]. В последующие годы наблюдается постепенное снижение уровня детской смертности.

Очевидно, что дети первыми реагировали на ухудшение качество питания в 1946–1947 гг. Особенно остро перебои с питанием отражались на работе детских учреждений для детей-сирот, куда дети поступали ослабленные. В детдомах и домах ребёнка, других детских учреждениях в осеннее-зимний период 1946–1947 гг. имели место перебои с обеспечением молоком, происходили замены свежих продуктов консервами, копчёностями. Заменители продуктов порою были более дорогими, чем свежие продукты, неполноценными, а зачастую и вовсе непригодными для питания детей, в особенности ослабленного и весьма ранимого контингента маленьких детей. В 1948 г. питание в детских учреждениях несколько улучшилось по сравнению с 1946–47 гг., но перебои в снабжении такими продуктами как сахар, молоко, белый хлеб, рис сохранялись весь послевоенный период, особенно в сельской местности.

Прекрасно осознавая особое значение проблемы организации питания для поддержания здоровья детского населения, руководители органов здравоохранения пытались привлечь внимание общественности и органов государственной власти к данному вопросу. В январе 1948 г. было принято решение крайисполкома Алтайского края за № 12 «О мерах борьбы за снижение заболеваемости детей», которое запрещало торговым организациям выдавать домам ребёнка заменители натуральных продуктов, но оно не всегда выполнялось.

Документы свидетельствуют, что в первые послевоенные годы не оставались без внимания мероприятия, направленные на оздоровительный отдых детей. Организация летних оздоровительных мероприятий была не простым делом, требовала дополнительных средств, материальных ресурсов, значительной подготовительной работы. В 1947 г. было оздоровлено в Алтайском крае 31 225 детей, из них в пионерлагерях общего типа – 17 350 человек, санаторного типа – 1 000 человек. Было вывезено детей на дачи из детских садов – 1 500, оздоровлено детей детских домов – 1 300, находилось на усиленном питании на местах – 1 750. Оздоровлено детей из домов ребёнка – 740. Организация оздоровительного отдыха проводилась и в детских садах, на дошкольных площадках, школьных площадках, в туристических отрядах по сбору лекарственных растений. Достаточно редкими в первые послевоенные годы были мероприятия по выездам воспитанников городских детских домов Алтайского края на летние дачи в живописные уголки природы, но они давали большой оздоровительный эффект [2, л. 30].

На качестве медицинской помощи детскому населению края негативно отражалась ситуация с нехваткой квалифицированных медицинских кадров и неукомплектованностью штатных должностей детских учреждений здравоохранения и образования. В 21 районе края в этот период должности педиатров были заняты врачами без специализации. В 19-ти районах края должности районных педиатров были не заняты совсем из-за отсутствия кадров. В 1949 г. в большинстве заведующими женско-детскими консультациями (они же районные педиатры) были молодые врачи выпуска 1947–1948 гг. Только в шести районах края заведующими консультациями и районными педиатрами были врачи со стажем свыше пяти лет [1, л. 96]. Отсутствие в Алтайском крае медицинского института негативно сказывалось на укомплектованности медицинских учреждений края квалифицированными кадрами, в том числе и педиатрами. Краевой отдел здравоохранения в этих условиях для повышения квалификации медицинских работников организовывал краткосрочные семинары для педиатров. Создавались комиссии врачей педиатров по разбору и анализу детской заболеваемости и смертности. В эти годы в крае было создано научное педиатрическое общество,

также занимавшееся проблемой повышения качества медицинской помощи детскому населению. Краевые органы власти принимали меры по постепенной замене заведующих крупными детскими учреждениями (домами ребёнка, детскими яслями и др.), не имеющими медицинского образования на врачей.

Таким образом, в Алтайском крае в первые послевоенные годы требовалось срочно решить проблему улучшения медицинского обслуживания детского населения через принятие мер по оснащению материально-технической базы сети здравоохранения, расширение детской лечебно-профилактической сети, укомплектование детских учреждений квалифицированным медицинским персоналом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.726. Оп.1. Д.214.
2. ГААК. Ф.726. Оп.1. Д.123.
3. Григоричев, К. В. Динамика рождаемости и смертности населения Алтайского края в середине 1940-х – конце 1980-х гг. / К. В. Григоричев // Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 года: Материалы конф. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 313–317.
4. Степанова, О. В. Охрана здоровья женщин и детей в Алтайском крае (1945 – середина 1960-х гг.) : монография / О. В. Степанова ; Алт. гос. техн. ун-т им И. И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2008. – 133 с.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Т. А. Голуенко

Основным признаком любого общественно-политического движения является его массовость. С увеличением массовости требуется его структурирование. Согласно институциональной теории политолога Е. Вятра, любое общественно-политическое движение проходит через определенные стадии развития, такие как «создание предпосылок движения, стадия артикуляции стремлений, стадия агитации, стадия развитой политической деятельности и стадия затухания движения» [1, с. 319]. Исходя из данного подхода, российское движение солдатских матерей в 1990-е гг. XX в. находилось на стадии развитой политической деятельности, на которой движение приобретало все большую массовость и с федерального распространялось также и на региональный уровень. Итак, с ростом масштабов и институционализацией движения солдатских матерей происходит его формирование на региональном уровне. Главной причиной зарождения движения стало нарушение прав военнослужащих в армии, а также отсутствие правовых норм и гарантий, обеспечивающих призывникам надежную защиту. В этом плане причины формирования движения солдатских матерей как в целом в России, так и в западносибирском регионе, одинаковы. Однако формирование движения солдатских матерей в Западной Сибири имеет свои особенности. Во-первых, организационно движение оформилось позднее, в начале 1990-х гг., в то время как в Москве первый комитет солдатских матерей появился еще в апреле 1989 г., что позволило использовать его опыт при образовании общественных организаций солдатских матерей в регионе. Во-вторых, общественное движение солдатских матерей в Западной Сибири, как и в целом в России, имеет две составляющие: это движение солдатских матерей, чьи сыновья, с одной стороны, погибли на войне в Афганистане и Чечне, с другой стороны, погибли в армии в мирное время, как правило, вследствие неуставных отношений, либо проходили службу в армии. Отличие западносибирского региона от центра заключается в том, что в центре «афганское» движение было самостоятельным, а движение солдатских матерей возникло независимо от «афганского», в то время как в западносибирском регионе именно «афганское движение» стало основой формирования

движения солдатских матерей. Эти два направления имеют определенные отличия, поскольку различны причины, их породившие, следовательно, несколько различаются их задачи. Движение матерей, чьи сыновья погибли в Афганистане и Чечне, имеет одну причину зарождения – война. Движение солдатских матерей, чьи сыновья погибли в армии в результате дедовщины, имеет другую причину – нарушение прав военнослужащих в армии. Поэтому различаются и задачи данных направлений. В первом случае главной стала материальная и моральная помощь родителям погибших военнослужащих, а также воинам, вернувшимся с войны. В процессе формирования общественные организации, представляющие данное движение, получили название Советов семей воинов, погибших в Афганистане и Чечне или Советов родителей военнослужащих, погибших в Афганистане и Чечне. Во втором случае главной задачей движения является не только деятельность по оказанию помощи семьям погибших военнослужащих в армии в мирное время, но и оперативная работа, связанная с проверкой неуставных отношений в частях, работа с родителями, чьи сыновья проходят службу в армии и нуждаются в помощи. Эти общественные организации, как правило, носят название комитетов солдатских матерей, а спектр их деятельности гораздо шире, чем у Советов семей воинов, погибших в Афганистане и Чечне. Это связано с тем, что общественное движение солдатских матерей, чьи сыновья погибли в Афганистане, сформировалось еще в 1980-х гг. и действовало в рамках Всесоюзного Совета родителей военнослужащих, погибших в Афганистане. И только во второй половине 1990-х гг. к данному движению присоединяются солдатские матери, чьи сыновья проходили службу в Чечне. Движение солдатских матерей, чьи сыновья погибли в армии в результате неуставных отношений, зарождается и получает развитие в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в период перестройки и реформирования российского общества, когда стало возможным открыто говорить о всех нарушениях прав человека в армии. Большинство комитетов солдатских матерей как в целом в России, так и в Западной Сибири, формируется в начале 1990-х гг., и разгар их деятельности совпадает с чеченскими событиями. К середине 1990-х гг. деятельность комитетов получила довольно широкую известность, и именно туда стали обращаться родители, чьи сыновья проходили службу в Чечне. Поэтому Комитеты солдатских матерей стали заниматься не только неуставными отношениями в армии, но и проблемами военнослужащих, проходивших службу в Чечне. Именно поэтому сфера деятельности Комитетов более обширна, чем сфера дея-

тельности Советов семей воинов, погибших в Афганистане и Чечне, поскольку последние не занимаются проблемами неуставных отношений в армии.

Общественное движение солдатских матерей в Алтайском крае зародилось во второй половине 1980-х гг. В 1984 г. в Барнауле был организован Совет воинов-интернационалистов, отслуживших в Афганистане. В 1987 г. в Совет пришла Светлана Григорьевна Павлюкова, мать Героя Советского Союза Константина Павлюкова, погибшего в Афганистане. Она начала работать с семьями погибших солдат, добиваясь для них определенных льгот, помогала воинам-интернационалистам в работе над проектом памятника погибшим в Афганистане. В мае 1989 г. в Барнауле состоялся Краевой Съезд матерей погибших воинов-интернационалистов. На Съезде прошли выборы Краевого совета матерей, председателем которого стала С. Г. Павлюкова, состоялись встречи с представителями краевых организаций и ведомств, посещение музеев воинов-интернационалистов, траурные митинги на кладбище, открытие мемориальной доски на Доме интернационального движения и многое другое. И все-таки, одним из главных звеньев встречи стали пресс-семинар и свободные консультации, где на любой вопрос родителей отвечали руководители почти двадцати краевых ведомств и организаций: Крайвоенкомата и Крайсобеса, Крайздрава и Крайсовпрофа, Крайпотребсоюза, управлений торговли, бытового обслуживания, связей, Крайпромхоза, краевого отделения детского фонда, комитета защиты мира, совета ветеранов Великой Отечественной войны и многих других. И не только отвечали, фиксировали каждую просьбу, называли сроки ее выполнения [2, с. 1].

Первого июня 1991 г. состоялся II краевой съезд солдатских матерей, чьи сыновья погибли в Афганистане. На нем проходило открытие мемориала памяти павшим в Афганистане воинам. 23 октября 1992 г. на III съезде солдатских матерей состоялась презентация Книги Памяти «Сыны Алтая». 24 декабря 1994 г. прошел IV съезд солдатских матерей. До 1995 г. они проходили ежегодно. Главной целью всех этих съездов было добиться конкретных мер по улучшению социально-бытовых условий жизни воинов-интернационалистов и их семей, а также сохранить память о всех солдатах, погибших в Афганистане. «Мы должны встать в единую цель, чтобы увековечить память о наших детях», – вот слова председателя Совета матерей, произнесенные на I съезде [2, с. 1].

Параллельно с этим движением в Алтайском крае сформировалось другое общественное движение солдатских матерей, основной целью

которого стала борьба с неуставными отношениями в армии и осуществление контроля за нарушениями прав военнослужащих в воинских частях. Это движение родилось в рамках общероссийского правозащитного движения, поскольку основной его задачей стала защита прав военнослужащих в армии. О причинах формирования данного движения говорят конкретные факты. Они были предоставлены комитетом солдатских матерей Барнаула, а также приведены в газете «Молодежь Алтая» от 25 марта 1994 г. «В нашем государстве нет закона об ответственности офицеров и Министерства обороны за жизнь и здоровье солдат, поступивших в распоряжение воинских частей. Однако зачастую инициаторами, а иногда и участниками расправ над неугодными солдатами являются сами офицеры. По свидетельству А. Стрекозова, призывавшегося из Заринска и служившего в Реутово Московского военного округа, он неоднократно подвергался физическому издевательству со стороны ротного и прапорщика. За три месяца до демобилизации мать вынуждена была тайно отвезти сына домой, однако ни паспорта, ни военного билета они не получили» [7, с. 6]. Вот еще факты. Барнаулец О. Стригин и рубцовчанин А. Довгаль в разное время служили в Ленинградском военном округе. 19 ноября 1989 г. О. Стригин был избит до смерти. А. Довгаль прибыл в часть и через день погиб. К. Миллер призывался из села Залесова. Служил в Приморском крае и погиб 15 марта 1990 г. Домой доставлен с телесными повреждениями. О. Седов из г. Рубцовска погиб 19 августа 1986 г. В официальном заключении было сказано: сердечная недостаточность от поражения током. Однако множественные повреждения органов говорили о насильственной смерти. Повторная судмедэкспертиза установила, что О. Седов был убит. Таковы факты, перечень которых можно было бы продолжать. Таким образом, главной причиной зарождения общественного движения солдатских матерей в Алтайском крае, как и в целом по стране, стало нарушение прав военнослужащих в армии в мирное время, а также отсутствие правовых норм и гарантий, обеспечивающих призывникам надежную защиту. Организационно данное движение оформилось в ноябре 1991 г., когда в Барнауле был образован Алтайский краевой совет родителей военнослужащих, переименованный впоследствии в Комитет солдатских матерей (КСМ). Председателем комитета стала Людмила Дмитриевна Стригина, мать погибшего в армии военнослужащего.

Алтайский КСМ создал свой устав, программу и координационный совет в составе семнадцати человек. Главными целями организации

стали «защита прав, здоровья, чести и достоинства военнослужащих вооруженных сил СНГ; оказание помощи, как материальной, так и моральной, семьям погибших военнослужащих в армии в мирное время» [6]. Итак, основной задачей Алтайского КСМ стала социальная и правовая защита военнослужащих и родителей погибших военнослужащих.

В период становления общественного движения солдатских матерей Западной Сибири для координации работы региональных КСМ проводились периодические съезды. I съезд солдатских матерей проходил в Новосибирске 16–17 января 1993 г. На съезде в числе других прозвучало выступление председателя Новосибирского областного КСМ Р.А. Белик, в котором отмечалось, что несмотря на все позитивные сдвиги, происходящие в армии (сокращение срока службы, отсрочка студентам вузов, служба в основном по месту жительства), по-прежнему остается еще много правонарушений в армейских частях, и связано это, прежде всего, с отсутствием четкого механизма выполнения законов и контроля за их исполнением. В частности, говорилось следующее: «Наш Комитет помогает командирам в меру своих сил и способностей по наведению порядка в казармах. Но даже совместные усилия не могут дать положительных результатов до тех пор, пока не будет разработана достаточная правовая основа и усилены правовые армейские структуры. Прокурор должен быть постоянной штатной единицей в воинских подразделениях, а не появляться там только для возбуждения уголовного дела» [3, с. 4].

Съезд принял «Обращение к Президенту России, Парламенту, Правительству и Министру Обороны России», в котором предлагалось создать законодательно-правовую основу и обеспечить действенный прокурорский надзор для стабилизации обстановки в армии. Съезд предложил «положить конец дальнейшему разложению армии, принять все возможные меры по наведению строгого уставного порядка, предотвращению гибели и увечий военнослужащих» [5, с. 6]. Кроме того, на съезде отмечалось, что военная реформа, начатая в Вооруженных Силах, еще не коснулась воинских коллективов в плане оздоровления морально-нравственной обстановки, укрепления законности и правопорядка, а также обращалось внимание Правительства России на продолжающееся использование российских войск в разрешении межнациональных конфликтов в других суверенных государствах. В итоге, заслушав доклады комитетов и информацию родителей военнослужащих, съезд принял следующие основные решения: «требовать от Президента РФ вывода войсковых подразделений из «горячих точек»; в связи с полным отсутствием правовых гарантий неприкосновенности

военнослужащих требовать от министра обороны оставить право солдату покинуть место воинской службы в случае угрозы его жизни и здоровью, согласно Всеобщей Декларации прав человека; требовать от Президента расширения правоохранительных органов, усиления прокурорского надзора за соблюдением законности в Вооруженных силах; требовать от Президента внедрения в призывную систему современных методов с применением ЭВМ при определении годности призывника для прохождения службы в Вооруженных силах; обратиться к местным Советам народных депутатов, главам местных администраций с просьбой рассмотреть вопрос финансирования комитетов солдатских матерей за счет местного бюджета; просить администрации краев и областей Западной Сибири создать независимые медкомиссии для решения конфликтных ситуаций, связанных с заболеванием призывников; обратить внимание на комплектование внутренних войск и, учитывая специфику несения службы, предложить комплектовать эти войска на контрактной основе» [5, с. 7]. Следовательно, основные вопросы и направления работы I съезда солдатских матерей Западной Сибири касались главным образом сферы разработки и принятия ряда мер по наведению порядка и законности в Российской армии, сферы защиты чести и достоинства, здоровья и жизни каждого военнослужащего.

12–13 марта 1994 г. в Новосибирске состоялся II съезд солдатских матерей Западной Сибири. На нем были приняты решения: «постоянно и настойчиво выходить на федеральные власти, МО РФ с предложениями по социальной и правовой защите военнослужащих; добиваться на уровне федеральных органов выделения денежных средств для решения задач начальной военной подготовки молодежи; предложить военкоматам подготовить учебные программы для курса начального обучения, морально-психологической и историко-патриотической подготовки юношей к военной службе; регулярно при содействии военкоматов встречаться с родителями призывников с целью консультативной работы, а также привлечения их в движение солдатских матерей; постоянно посещать воинские части с целью предупреждения негативных явлений, быть помощником командиров в наведении правопорядка в казарме; требовать от ответственных должностных лиц прекращения порочной практики призыва больных, не подлежащих призыву юношей; требовать от военкоматов более внимательного подхода к системе профотбора призывников, теснее увязывать ее с методикой психологического тестирования; добиваться создания конфликтной медкомиссии по спорным вопросам при призыве в армию; посещать «горячие точки» для установления контакта с солдатами своего региона, командованием и

оказывать посильную помощь в их службе; выходить на средства массовой информации с целью более полной и объективной информации о жизни и деятельности армии, о проблемах воинской службы» [4, с. 5]. В связи с этим можно заключить, что на II съезде большое внимание было уделено работе с призывниками по вопросам прохождения воинской службы, а также социальной и правовой защите военнослужащих. Отметим, что позднее съезды солдатских матерей Западной Сибири не проводились, что свидетельствует об окончании этапа становления движения и вхождения его в локальную фазу развития.

В свете сказанного можно сделать вывод о причинах зарождения общественного движения солдатских матерей в Западносибирском регионе. Главными причинами являются существование неуставных отношений в армии, нарушение прав военнослужащих и локальные войны на территории нашей страны. Движение сформировалось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. XX в., в условиях реформирования и обновления российского общества, на волне демократизации. Оно зарождалось стихийно, а организационное оформление получило в начале 1990-х гг. К особенностям зарождения данного движения в Западносибирском регионе можно отнести то, что оно формируется в рамках общероссийского общественного движения солдатских матерей, используя определенный опыт, накопленный другими региональными организациями. Однако западносибирские комитеты солдатских матерей определяют свои цели и задачи, вырабатывают собственную программу деятельности. Две основные причины стали основанием зарождения и развития общественного движения солдатских матерей: существование неуставных отношений в армии и локальные войны. Вышеприведенные факты свидетельствуют, что главной причиной следует считать проблему неуставных отношений («дедовщина»). Эта причина является общей для формирования движения солдатских матерей в Западносибирском регионе. Для координации работы Комитетов солдатских матерей в 1993 и 1994 гг. проводились западносибирские съезды, на которых определялись цели и задачи движения солдатских матерей, разрабатывались основные направления деятельности.

Таким образом, главной причиной формирования и развития движения солдатских матерей в Западной Сибири стало нарушение прав военнослужащих в армии и отсутствие правовых норм и гарантий, обеспечивающих призывникам надежную защиту, а также институционализация движения во всероссийском масштабе. Отсюда ведущей задачей региональных комитетов солдатских матерей стала социальная и правовая защита военнослужащих и родителей погибших военнослужащих.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Вятр, Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. – М, 2009. – С. 319–320.
2. Горн, Г. Боль на всех / Г. Горн // Алтайская правда. – 1989. – №120 (26 мая).
3. Из выступления председателя Новосибирского областного КСМ Р.А. Белик на I съезде солдатских матерей Западной Сибири. – Новосибирск, 1993.
4. Материалы II съезда солдатских матерей Западной Сибири. – Новосибирск, 1994.
5. Постановление I съезда солдатских матерей Западной Сибири // Материалы I съезда солдатских матерей Западной Сибири. – Новосибирск, 1993.
6. Устав Алтайской Краевой общественной организации «Комитет солдатских матерей России». – Барнаул, 1996.
7. Ябыкова, Л. Спаси и сохрани! / Л. Ябыкова // Молодежь Алтая. – 1994. – №13 (25 марта). – с. 6.

СТАРЫЙ ЦЕНТР ГОРОДА БИЙСКА КАК ОБЪЕКТ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

А. И. Цапко

18 июня 1709 г. острог, названный Бикатунский, «з башнями и з жилыми избами» был построен кузнецкими разных чинов людьми под руководством Головы конных казаков Якова Максюкова. Сооружение крепости производилось по именному указу Петра I, и мыслилось им как одно из звеньев широкого плана закрепления за Россией всего Обь-Иртышского междуречья [3, с. 302].

В течение 100 лет Бийская крепость несколько раз перестраивалась и модернизировалась. Последняя по счёту крепость строилась с 1768 по 1778 г. и воплотила в себе практически все последние достижения военно-инженерного искусства того времени. Именно в Бийской крепости двенадцать алтайских зайсанов (главы родов), во избежание полного уничтожения маньчжуро-китайскими войсками, написали прошение императрице всероссийской Елизавете Петровне с просьбой о принятии их в российское подданство под покровительство России. В мае 1756 г. просьба сия была удовлетворена.

Здесь, на территории Бийской крепости, у командира драгунской бригады полковника Скалона родился сын Антон Антонович, впоследствии ставший героем Отечественной войны 1812 г.

К концу XVIII века политическая обстановка на южных рубежах стабилизировалась, вследствие чего содержать крепость посчитали делом не нужным, и Бийскую крепость перевели во вспомогательную/заштатную, а позднее, в 1848 г. и вовсе упразднили.

Новые перспективы для развития Бийска уже в качестве города (с 1782 г.) открывало его выгодное географическое положение, как связующего звена на пути из России в Монголию и Китай.

Бийские купцы активно проникают на новые территории, строят фактории, ведут меновую торговлю с местным населением, монголами, китайскими пограничными властями.

Проложенная через Алтайские горы дорога, самый трудный участок которой проходил над рекой Чуей, стала называться Чуйским трактом, а сами купцы – «чуйцами». Первая волна «чуйцев» – бийские купцы Хабаров, Мальцев, Котельников, Гилёвы, Шебалины в обмен на ткани, железно-скобяные изделия, муку брали скот, шерсть, пушнину – традиционную продукцию скотоводов Алтая и Монголии.

К началу XX века выделились такие именитые купцы как Ассанов, Бодунов, Васенёв, Игнатьев, торговые предприятия которых производили наиболее крупные коммерческие операции импортно-экспортного характера.

С развитием торговли преображался и город Бийск, а район бывшей Бийской крепости стал деловым и административным центром уездного города.

Здесь же купцы и зажиточные мещане строили свои дома, особняки, магазины, общественные заведения и храмы.

В настоящее время в Бийске насчитывается 272 памятника истории и архитектуры, значительная часть которых расположена в старом, историческом центре города. Большинство исторических зданий Бийска датируется второй половиной XIX – началом XX вв. и были построены по проектам Томского губернского строительного управления в популярном в то время стиле эклектики [4, л. 3–8].

Наиболее примечательно в этом отношении здание городского училища для мальчиков, более известное как Пушкинское училище. Двухэтажное, кирпичное здание училища было возведено в 1902 г. Центральная часть его выделена крупным ризалитом, завершённым фигурным аттиком с тумбами и круглым окном стрельчатой арки. Окна смешанного типа, на первом этаже – лучковые, на втором – арочные.

В 1904 г. потомственная почётная гражданка купчиха Елена Григорьевна Морозова надстроила второй этаж здания для домовой церкви преподобных Константина и Елены, где учащиеся могли бы осуществлять свои духовные требы.

Кирпичные заводики Бийска производили до восьми модификаций кирпича, очень прочного и крепкого. Кроме того, строители добавляли в раствор яичный белок, что делало кладку необычайно прочной. Поэтому, даже спустя сто лет многие здания находятся в вполне приличном состоянии.

До наших дней сохранились и некоторые дома с резным художественным декором. Например, дача Ассановых – Кричевцевых, дача Макарова и дом владельца спиртового завода В. М. Рыбакова.

Самым оживленным местом старого центра являлась рыночная площадь, с 1877 г. располагавшаяся в пределах улиц Торговой, Барнаульской, переулка Биржевого и улицы Успенской. Рыночная площадь успешно функционировала до начала Первой мировой войны. После Революции 1917 г. здесь появился стадион «Динамо». Зимой заливался каток, а в 1930-е гг. был заложен парк, в настоящее время сквер имени Л. Т. Гаркавого.

В сентябре 2010 г. здесь, в сквере, состоялось торжественное открытие памятника царю Петру I, основателю Бикатунского острога, по проекту заслуженного скульптора РФ С. М. Исакова.

Специализированных базаров в Бийске было более восьми, одним из которых был хлебный рынок (в дальнейшем – мясной), располагавшийся на месте нынешнего стадиона «Авангард». Удачное его расположение определялось тем, что рядом у спуска к реке находилась пристань, куда приходили пароходы, баржи для транспортировки зерна, муки, масла, хлебных изделий со всего уезда [1, л. 1–3].

Недалеко от входа на стадион «Авангард» на постаменте установлены две двенадцатифунтовые пушки, доставленные сюда из Каинского острога на усиление Бийской крепости в разгар разворачивавшейся у российских границ в 1756 г. войны между Джунгарским ханством и Цинской империей.

Пушки были установлены в 1909 г. в период празднования 200-летия города Бийска. Следы остальных орудий Бийской крепости канули в Лету. Некоторые из этих орудий использовались ещё красными партизанами на Черепановском фронте во время Гражданской войны.

На пересечении бывших улиц Успенской, ныне Советской, и Барнаульской, ныне Кирова располагается бывшая усадьба купцов Морозовых. Сохранился сам дом, надворные постройки. В 1930-е гг. там располагался Народный суд, другие советские органы. А чуть дальше, в бывшем особняке Ф. Ф. Доброходова находилось Бийское отделение Управления НКВД по Западносибирскому краю. В 1993 г. во внутреннем дворе этого здания была произведена эксгумация останков 76 невинно расстрелянных в годы сталинских репрессий. Останки жертв большевистского произвола были перезахоронены на городском кладбище, а вблизи расстрельной стены был установлен скорбный мемориал – Камень Скорби.

Ныне Камень решением городских властей перенесён на специальную площадку рядом с бывшим особняком Доброходова, построена часовня для поминовения душ невинных страдальцев.

Далее, на ул. Советской, 1 располагается здание бывшей электростанции, построенной в 1900 г. на средства купчихи Морозовой. Электростанция была третьей во всей Западной Сибири, и укомплектована лучшим на тот момент оборудованием фирмы «Сименс». Электроэнергия, вырабатываемая этой станцией, шла на освещение центральных улиц, магазинов, купеческих особняков. В 1904 г. электростанция была передана паевому товариществу «Электросвет».

В заключении нельзя не отметить одно из самых красивейших зданий города Бийска – городской Драматический театр. Здание было построено в 1916 г. как Народный дом отставным полковником императорской армии А. П. Копыловым на средства, завещанные его дядей, бийским купцом П. А. Копыловым. Автором проекта выступил инженер-строитель из Барнаула И. Носович. Эклектичное здание с элементами готики предусматривало специальный зал для театральных выступлений, помещения для библиотеки, прачечной, учрежденного А. П. Копыловым городского банка, чайной для простого городского люда по доступным ценам.

Группу исторических памятников архитектуры по улице Советской замыкает особняк мещанина Г. И. Варвинского (Советская, 42), который ныне занимает отдел Краеведческого музея им. В.В. Бианки «музей Чуйского тракта». Сейчас позади здания на вымощенной площадке размещён памятный знак Нулевого километра Чуйского тракта в виде колеса и подковы (2013 г.)

Железобетонный мост напротив бывшего особняка Варвинского, построенный в 1964 г., является началом длинного пути в 617 км. от Бийска до приграничного посёлка Ташанта. Этот мост по праву можно назвать интернациональным и всесоюзным, так как строили его молодые люди, прибывшие в Бийск по комсомольским путёвкам с разных краёв и областей бывшего Советского Союза.

Сейчас с моста открывается живописная панорама на «старый» и «новый» город, заречную часть города, реку Бию, давшую название и самому городу.

Когда уровень воды в реке падает, становятся видны останки опор первого наплавного деревянного моста 1934 г. На тот момент это был основной мост, связывавший горные районы Ойротии, как тогда называлась Горно-Алтайская автономная область, и крайнюю железнодорожную станцию, коей был и есть посей день город Бийск.

К 280-летию Бийска на бульваре между улицами Ленина и Красноармейской был установлен мемориальный монумент – гранитный камень с информационной доской из металла с надписью «Город Бийск основан по указу Петра I 18 июня 1709 года». Здесь обычно и заканчивается популярный среди бийчан и гостей города туристический маршрут.

За последние пять лет (2010–2015) в городе ситуация в сфере туризма несколько изменилась. Помимо вышеуказанных памятников, в 2011 г. на средства одного из городских меценатов был воссоздан некрополь Троицкого собора в сквере им. Фомченко: установлен памят-

ный крест на месте алтарной части взорванного в 1934 г. Троицкого собора, восстановлены надгробия почётных граждан, в том числе четы Морозовых [2, л. 10–22].

На пересечении улицы им. Льва Толстого и переулка Мопровский был установлен памятник святым равноапостольным Петру и Февронии – покровителям семьи, любви и верности в святоотеческой традиции (2011 г.).

В течение 2013 г. в городе было установлено 10 табличек на памятниках истории и архитектуры, которые содержат как текстовую информацию о здании, так и QR-код, позволяющий получить более подробные сведения непосредственно из Интернета.

Индустрия туристических услуг не стоит на месте: по территории города и его окрестностям проводятся 15 типов экскурсионных маршрутов – пешеходные, автобусные по историческому центру, обзорные по городу.

Бийский краеведческий музей в свою очередь также предлагает широкую гамму экскурсионных программ для школьников и студентов. Разработана концепция реконструкции исторической части города Бийска с учётом всех этапов существования Бийска от крепости до города. Она предусматривает развитие паломнического, культурно-познавательного туризма с соответствующим экскурсионным сопровождением, а также развитие сервисной инфраструктуры, необходимой для приёма и обслуживания большого потока туристов.

Основная и первостепенная задача в данном проекте – реставрация уже имеющихся и создание новых памятников, реконструкция старинных купеческих особняков. Решение данной задачи в настоящий момент, в эпоху экономического кризиса становится делом архисложным, и невозможно без участия краевых, федеральных властей, всех неравнодушных людей, способных оказать посильную помощь в данном вопросе.

Самое главное, Бийск сохранил людской потенциал, способный при грамотной финансовой поддержке превратить город над Бией в жемчужину туристической индустрии Алтая.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архивный отдел Администрации г. Бийска (АОАБ). Ф.98. Оп. 1 Д. 2.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 192. Оп. 1. Д. 12.

3. Исупов, С. Ю. Крепость Бийская есть главная / С. Ю. Исупов. – Барнаул : Азбука, 2009. – 302 с.
4. Фонды Бийского краеведческого музея. Ф. 18/4. Оп. 1 Д. 7.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ

М. В. Рыгалова

Обращение к исторической составляющей городского пространства, к истокам того современного облика, который мы имеем сегодня, необходимо рассматривать комплексно. С этой точки зрения интерес вызывает рассмотрение города как социально-культурного пространства, центра формирования инфраструктуры, культурного, социально-экономического облика. Изучение формирования городского пространства позволяет сформулировать базу для реконструкции уже сложившейся застройки, воссоздать городской облик с его социально-экономическим и культурным укладом [7].

Формирование города – сложный и длительный процесс, в результате которого складывается многослойный облик городского пространства в контексте социально-экономического, политического и культурного развития. История Барнаула берет свое начало со времени закладки сереброплавильного завода А. Демидова в 30-е гг. XVIII в. Формирование и последующее развитие Барнаула также связано с расцветом горнозаводского производства. Таким образом, уже с этого периода можно вести речь о застройке будущего города. Сегодня комплекс сооружений сереброплавильного завода, построенный во второй половине XVIII–XIX вв. входит в список объектов историко-культурного наследия федерального значения и представляет огромный интерес для исследователей. По старым улицам Барнаула можно наглядно изучать архитектурные стили – классицизм, эклектику, увидеть разные подходы к созданию деревянного кружева.

Отдельный интерес в рамках изучения городской истории представляет культурное наследие как элемент городской среды. Довольно широкое распространение в наше время получили исследования, посвященные проблемам сохранения историко-культурного наследия, которое начинает рассматриваться не просто как «сохраняемое прошлое», а как особый социально-культурный «капитал» общества, специфическая

социально-культурная действительность, обеспечивающая ценностную ориентацию и идентификацию человека [8].

Культурный потенциал городского пространства выражается, прежде всего, в историческом наследии, тех памятниках истории и культуры, которые сохранились до настоящего времени. Изучение и сохранение объектов, имеющих историко-культурную ценность, позволяет комплексно подойти к реконструкции процесса формирования городского пространства. При этом, сохранившиеся памятники историко-культурного наследия являются своеобразным связующим звеном между временем начала формирования застройки города и современным обликом. Согласно Концепции «Барнаул – столица юга Сибири на 2012–2017 гг.» на территории городского округа расположены 373 памятника, из них 89 – истории, 229 – архитектуры [3].

Целостность культурного наследия человечества становится сегодня той мерой, которая обеспечивает необходимые условия для защиты культурных ценностей, и их популяризации [10, с. 9]. Историко-культурное наследие является неотъемлемой частью городского пространства, его лицом, которое привлекает к себе внимание и интерес.

Городская среда включает в себя как природные объекты, так и созданные человеком в результате его жизнедеятельности. В условиях активных изменений в социальной, экономической, культурных сферах развития общества проблема сохранения культурного наследия города становится своевременной и актуальной [2, с. 209]

Барнаул – город с почти трехсотлетней историей. Историческая архитектурная среда представлена здесь преимущественно зданиями постройки XIX – начала XX вв. Однако имеются и более ранние постройки (комплекс Сереброплавильного завода, уникальный ансамбль Демидовской площади).

Как один из первых этапов комплексного изучения формирования городского пространства Барнаула можно выделить изучение историко-культурного наследия, которое является неотъемлемой частью исторического развития города. Обращение к исторической части города в виде зданий постройки XVIII – начала XX вв., которая является отправной точкой в формировании современной городской среды, позволит проследить условия зарождения застройки города в существовавшей социально-экономической и политической обстановке того периода времени.

Наряду с изучением памятников историко-культурного значения следует рассматривать и проблемы, с ними связанные. Одной из про-

блем сохранения культурного наследия является нерегулируемая застройка старых кварталов и исторических городов [6, с. 214]. В этом контексте преимущественно исследователи касаются проблем застройки исторических городов, отмечая, что одной из важнейших проблем является проблема взаимоотношения между культурным наследием и устойчивым развитием исторических городских ландшафтов. В этой связи необходимо грамотное управление объектами культурного наследия, которое позволит не только сохранять и реконструировать, но и популяризировать объекты культурного наследия [1].

Деятельность по популяризации объектов культурного наследия способствует привлечению внимания к проблемам их сохранения. Одним из мероприятий, нацеленных на научно-практический интерес специалистов, является ежегодная конференция «Сохранение и изучение историко-культурного наследия Алтайского края» [5].

Проблемой, возникающей сегодня по отношению к историко-культурному наследию, является то, что объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов федерации и муниципалитетов, а также в частной собственности. Лицо, которому объект передается во владение или пользование на основании договора, обязано выполнять установленные в отношении объекта требования [9]. С начала 1990-х гг. крупнейший памятник федерального значения Сереброплавильный завод несколько раз меняет своего собственника. При этом неоднократно выдвигается идея создания музейного комплекса под открытым небом на базе комплекса завода. С 2007 г. было разрешено приватизировать памятники федерального значения. В связи со сложной финансовой ситуацией одного из собственников заводского комплекса, сложилась уникальная ситуация, когда памятник федерального значения находится в залоге у банка. Необходимая четкая проработка проблемы, связанной с охраной памятников на законодательном уровне.

Таким образом, изучение историко-культурного наследия является начальным этапам рассмотрения проблемы городской застройки. Неотъемлемой частью исследования памятников истории и культуры является выявление проблем их сохранности и популяризации. Второе направление сегодня более развито в связи с необходимостью привлечения туристов и развитием культурного туризма. Вопросы сохранности нуждаются в постоянном и системном рассмотрении, как на

местном, так и федеральном уровнях. Одним из актуальных направлений в изучении историко-культурного наследия является информатизация. Проблема сохранения историко-культурного наследия может решаться через поиск возможностей адаптации цифровых технологий для хранения и визуализации источников [4, с. 9]. Информационная составляющая является важным фактором как в процессе популяризации историко-культурного наследия, так и в изучении проблем его сохранности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Агишева, С. Т. Система управления культурным наследием в контексте быстрых изменений городской среды / С. Т. Агишева, А. В. Степанчук // Известия КГАСУ. – 2014. – № 4 (30). – С. 20–21.
2. Белышева, А. С. Сохранение городского историко-архитектурного ландшафта как проблема современной музеологии / А. С. Белышева // Омский научный вестник. – 2014. – № 4 (131). – С.208–211.
3. Концепции «Барнаул – культурная столица юга Сибири 2012–2017 гг.» Утверждена Постановлением Администрации Алтайского края от 31.03.2012 – № 154.
4. Корниенко, С. И. Историко-культурное наследие и информационно-коммуникационные технологии: проблемы сохранения и использования / С. И. Корниенко, Д. А. Гагарина // Историко-культурное наследие и информационно-коммуникационные технологии: проблемы сохранения и исследование. Материалы научной конференции 13–14 ноября 2009. – Пермь, 2009. – С.7–11
5. Кубрина, Г. А. Об итогах деятельности за 2006–2013 гг. и перспективах направления работы по сохранению историко-культурного наследия в Алтайском крае / Г. А. Кубрина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. статей. Вып. XX. –Барнаул, 2014. – С.7–18.
6. Оброткина, Е. В. О некоторых проблемах сохранения культурного наследия Российской Федерации / Е. В. Оброткина // Изучение и сохранение культурного наследия. Первая международная научно-практическая конференция по культурологи. Сборник статей и докладов. – Н.-Новгород, 2010. – С. 212–216.

7. Рудаков, О. С., Исторические аспекты развития жилой застройки в процессе реконструкции в крупных городах / О. С. Рудаков, Е. Г. Коробцев // История и археология. – 2015. – № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://history.snauka.ru/2015/01/1400 (Дата обращения: 16.09.2015).
8. Румянцев, М. В. Актуализация историко-культурного наследия / М. В, Румянцев, А. П. Свитин, В. С. Ефимов, А. В. Лаптева // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». –2010. – № 36. – С.23–25.
9. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». (ред. от 30.12.2015).
10. Хоффер-Матий В. Сохранение культурного наследия в Венгрии// Изучение и сохранение культурного наследия. Первая международная научно-практическая конференция по культурологи. Сборник статей и докладов. – Н.-Новгород, 2010. – С. 8–11.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Ю. А. Абрамова

Научно-методическая работа является одним из ведущих направлений музейной деятельности. Она связана «с разработкой, выявлением, описанием и внедрением передовых методов и профессиональных приемов музейной работы» [8, с. 3]. Конечным результатом этого направления деятельности должно стать повышение уровня работы музеев.

Научно-методическую работу можно классифицировать как внутримузейную, ориентированную на собственный музей, и внемузейную. В Алтайском государственном краеведческом музее действуют оба направления.

Внутримузейное направление курирует Научно-методический совет – совещательный орган при директоре музея, в состав которого включены руководители подразделений, ведущие специалисты музея. Его задача заключается в планировании, изучении и оценке научно-исследовательских, экспозиционно-выставочных, культурно-просветительных, издательских проектов. Эти проекты могут быть как исключительно внутримузейные, так и с привлечением других музейных учреждений.

С учетом того, что с 2013 г. в составе музея действует его филиал – «Мемориальный музей Калашникова М. Т.», администрация музея особое внимание уделяет формированию координации внутримузейных процессов и их контроля.

Внемузейная научно-методическая работа направлена на музейную сеть региона, в первую очередь муниципальные музеи. В советские годы многие городские и районные музеи существовали как филиалы Алтайского краевого краеведческого музея и Государственного художественного музея Алтайского края (Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств). В 1995 г. приказом управления Алтайского края по культуре филиалы были упразднены, а двум ведущим музеям поручалось методическое обеспечение муниципальных музеев. Подобные решения принимались и в других регионах: управления

культуры администраций Пермской, Саратовской, Тюменской, Архангельской, Брянской областей, министерства культуры республик Татарстана, Коми и другие функцию научно-методического центра закрепили своими распоряжениями за ведущими региональными музеями. Сегодня возрождается система отраслевых центральных методических центров страны. При этом ряд бывших региональных методических центров сняли полностью с себя эти функции и не стремятся к их возобновлению [8, с. 9–10].

Обеспечение внемузейной научно-методической работы в Алтайском государственном краеведческом музее возложено на научно-методический отдел, созданный около 20 лет назад. Однако в течение всего этого времени в нем работает лишь один сотрудник. На это подразделение возложена, главным образом, организационная функция: анализ состояния музейной сети Алтайского края, работы муниципальных музеев региона. Научно-методический отдел Алтайского государственного краеведческого музея обеспечивает формирование банка данных о музейных учреждениях края. В 2015 г. музейная сеть Алтайского края насчитывала 5 государственных и 53 муниципальных музеев – юридических лиц.

Методический отдел Алтайского государственного краеведческого музея координирует проведение ежеквартальной, полугодовой и ежегодной отчетности, осуществляет сбор и свод самых различных показателей деятельности музейной сети края: индикаторов государственной программы, целевых показателей «дорожной карты», форм 8-нк и 4-э федеральной статистической отчетности, «паспорта культурной жизни» и т.д. Ежегодно количество отчетов, информационных и аналитических справок возрастает. В 2016 г. в государственное задание КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей» в раздел «Административное обеспечение деятельности организации» вошел показатель – проведение в течение года 16 мониторингов. Консультационная функция научно-методическим отделом осуществляется при активном привлечении к работе всех высококвалифицированных специалистов других подразделений музея.

Методическая помощь Алтайским государственным краеведческим музеем оказывается не только муниципальным музеям – юридическим лицам, но и государственным музеям, музеям в составе других организаций (например, культурно-досуговых центров), ведомственным и частным музеям, музеям образовательных учреждений Алтайского края: школ, ВУЗов, ССУЗов. Неоднократно обращались за консультациями сотрудники Национального музея им. А. В. Анохина.

Специалисты Алтайского государственного краеведческого музея (Падалкина О. В., Попова И. В., Абрамова Ю. А., Мамонтова О. С., Лямина Н. А., Пылкова О. А.) являются приглашенными преподавателями на курсах повышения квалификации, организованных на базе КАУ «Алтайский государственный дом народного творчества» (2015), факультета дополнительного профессионального образования Алтайского института культуры (2016).

Одной из наиболее эффективных форм научно-методической работы является проведение семинаров, совещаний различного формата. Уже традиционными стали ежегодные краевые семинары-совещания, которые на протяжении многих лет организует и проводит совместно с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу Алтайский государственный краеведческий музей. На них обсуждаются вопросы научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной, издательской работы музеев, совместные проекты, планы и отчеты о деятельности музейных учреждений. Количество участников таких мероприятий, проводимых в Барнауле, пока стабильно удерживается на количестве около 35 человек из 28–30 музеев.

Так, 21–23 марта 2016 г. прошел краевой семинар-совещание муниципальных музеев «Итоги деятельности и перспективные направления работы музеев. 2015–2016 гг.». На нем АГКМ выступил с предложением – принять участие в новом краевом проекте «Русская революция 1917 г. в музейном интерьере».

Начиная с 2001 г. раз в два года музеем проводится научно-практическая конференция «Геблеровские чтения». Проект «Геблеровские чтения» – долгосрочный проект музея. Его целью является «исследование музейных фондов как источников изучения этнокультурных процессов и специфики исторического развития региона, широкая презентация музейных первоисточников» [9, с. 5]. Как методический центр Алтайский государственный краеведческий музей видит свою задачу не только в передаче и обобщении опыта музейной работы, но и в объединении информационного потенциала музеев. Поэтому на «Геблеровских чтениях» с докладами выступают и специалисты музеев края, в том числе муниципальных.

Отметим организованные Алтайским государственным краеведческим музеем совместные с муниципальными музеями выставочные проекты. В 2006 г. первый такой проект – «Музейный перекресток», собрал на одной экспозиционной площадке музейные коллекции из 30 музеев края. «Музейный перекресток» проходил также в 2007 и 2009 гг. В по-

следующем и в других выставочных проектах АГКМ («Истоки. Народный костюм», «За веру и честь» (к 100-летию Первой мировой войны), «Алтайское многоголосье») экспонировались музейные предметы и коллекции из городов и районов Алтайского края.

Целый ряд издательских проектов Алтайского государственного краеведческого музея был реализован также с привлечением государственных и муниципальных музеев края. Назовем лишь некоторые из них: серия открыток «Музейный раритет. История края в музейных коллекциях». Сост. И. В. Попова, Ю. А. Абрамова, А. А. Галкина, О. С. Мамонтова (2006); альбомы-каталоги «Память» (2005), «Русская керамика Алтая (из собраний музеев Алтайского края). Сост. О. С. Мамонтова (2012), «Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов). Из собраний музеев Алтайского края». Сост. Н. С. Грибанова, И. В. Попова (2013), «Роспись по дереву. Из собраний музеев Алтайского края». Сост. И. В. Попова (2014). Вся проектная деятельность Алтайского государственного краеведческого музея осуществляется при кураторстве заместителя директора по научной работе И. В. Поповой.

К сожалению, не всегда музейные работники края имеют возможность выехать в Барнаул для участия в данных мероприятиях. Поэтому с 2014 г. Алтайский государственный краеведческий музей по инициативе управления Алтайского края по культуре и архивному делу ежегодно проводит выездные зональные совещания (г. Рубцовск, с. Алтайское, р.п. Благовещенка). В каждом из них приняло участие около 30 человек из 11–16 музеев.

Формат такого семинара отличается от семинаров-совещаний в г. Барнауле. Во-первых, приближенность к муниципальным образованиям конкретной зоны Алтайского края. Во-вторых, проведение его в течение одного дня. Это позволяет участвовать работникам муниципальных, школьных музеев, музейных секторов и представителей комитетов по культуре с минимальными финансовыми затратами, что в настоящее время очень актуально для всей сферы учреждений культуры. В-третьих, на семинаре работают ведущие специалисты Алтайского государственного краеведческого музея, управления Алтайского края по культуре и архивному делу (Падалкина О. В., Абрамова Ю. А., Минеева Н. А., Пылкова О. А.), других учреждений культуры (Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова, Государственного художественного музея Алтайского края). Это позволяет получить квалифицированную помощь по многим вопросам музейной деятельности. В-четвертых, работа организована на базе не

государственного, а муниципального музея, т.е. музея одного уровня большинства участников. Поэтому опыт «соседа» более убедителен. И, в-пятых, зональный семинар содержит большую практическую часть. На конкретных примерах разбираются достоинства и ошибки в организации государственного учета, в обеспечении условий безопасности и сохранности музейных предметов в экспозиции и фондохранилище. Здесь специалистами Алтайского государственного краеведческого музея был предложен такой формат работы, как деловая игра, в которой участники, разделившись на команды, получают задания, и в ходе совместного обсуждения предлагают его решение. Дважды деловая игра проходила под названием «Предмет музейного значения – музейный предмет – экспонат», в 2016 г. произошла некоторая корректировка: «Предмет музейного значения – музейный предмет – предмет муниципальной/федеральной собственности».

Важнейшей составляющей научно-методической работы Алтайского государственного краеведческого музея является издание методических пособий.

Одно из первых продолжающихся изданий Алтайского государственного краеведческого музея – «Краеведческие записки» (с 1999 г. вышло 7 выпусков, № 3–9). В выпусках 3–5 содержится раздел «Наши консультации», где публикуются различные методические материалы. Среди них отметим разработку тематического занятия «Из истории метрологии (для детей 10–13 лет) [7, с. 215–220], методические рекомендации по обеспечению оптимальных условий для хранения музейных предметов [14, с. 219–221], методике подготовки музейной экскурсии [13, с. 204–215], созданию экспозиции на музейных площадях [11, с. 199–203] и виртуальных выставок в сети Интернет [10, с. 216–220]. В «Краеведческих записках» публиковались нормативные документы по хранению музейных предметов, содержащих драгоценные металлы, положение о фондово-закупочной комиссии музеев.

Затем было принято решение об издании серии специализированных методических пособий. Первый выпуск издания «Вопросы теории и практики музейной работы» появился в 2002 г. Пособие включало организационно-правовые документы деятельности музея: типовой устав музея, инструкцию по заполнению форм статистического наблюдения о деятельности музея (форма 8-нк), а также письмо Министерства культуры РФ от 06.07.2001 г. «О порядке приема государственных наград и документов к ним на постоянное хранение в государственные музеи Российской Федерации». Кроме того, в пособие были включены статьи «Учет музейных фондов», «Описание музейных предметов: основные

элементы и образцы», а также образцы учетной документации, словарь музейных терминов, приведен список методической и научной литературы (25 наименований). В статье об учетной деятельности в музее авторы опирались на действующие ведомственные нормативные акты. Были приведены формы 9 учетных документов и схемы описания для 14 наиболее часто встречаемых видов музейных предметов [2, с. 50–64]. Отметим, что тираж вып.1 (150 экз.) разошелся среди музейных работников практически сразу.

В основу вып. 2 положены материалы региональной научно-практической конференции «Использование музейной коллекции в патриотическом воспитании», посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В пособие включены материалы по проблемам комплектования, атрибуции и презентации коллекции по истории Великой Отечественной войны. Среди авторов пособия – не только специалисты Алтайского государственного краеведческого музея, но и сотрудники Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ныне Государственного архива Алтайского края), Барнаульского юридического института МВД России, Каменского городского краеведческого музея, Новоалтайского краеведческого музея им. В. Я. Марусина, Мамонтовского районного краеведческого музея. В качестве приложений приведены 6 образцов описания музейных предметов коллекций «Историческое оружие», «Форменная одежда» [3, с. 65–70].

Таким же тематическим стал вып. 4 методического пособия «Вопросы теории и практики музейной работы» (2009 г.). В него были включены материалы по проблемам комплектования, атрибуции и презентации этнографической коллекции. В данном выпуске приведена методика описания различных типов музейных предметов (керамика, орудия обработки льна и конопли). В пособие вошли методическая разработка И. И. Кардовой «Сказки мудрой совы» (по мотивам алтайских народных сказок) [5, с. 51–59] и публикация об этнопроекте Алтайского государственного краеведческого музея «Мы живем на Алтае», в котором главным мероприятием стал краевой конкурс творческих работ «Кукла в национальном костюме».

В вып. 3 пособия «Вопросы теории и практики музейной работы» (2006 г.) включены материалы, связанные с культурно-образовательной деятельностью и по проблемам научно-фондовой работы музеев. Практической значимостью обладают методические разработки А. А. Галкиной и Т. Н. Букиной музейных экологических праздников «Путешествие капельки» и «На крыльях весну принесли» [3, с. 4–14, 19–29] для детей младшего и среднего школьного возраста.

В рамках ведомственной целевой программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» 2012–2014 гг. сотрудники Алтайского государственного краеведческого музея прошли обучение на курсах повышения квалификации в области культурно-досуговой деятельности в музеях г. Санкт-Петербурга и г. Красноярска. Специалистами музея как отчет об окончании курсов было подготовлено методическое пособие «Сохранение традиционной народной культуры. Культурно-досуговая деятельность» [12]. В издание вошли две методические разработки тематических занятий «Бабушкин сундук» для учащихся 2–3 классов Алтайской краевой специальной (коррекционной) общеобразовательной школы III–IV вида (Кардовой И. И.) и «Марусина сказка» для подготовительных групп детского сада, учащихся начальных классов (Мамонтовой О. С.).

В 2015 г. был издан вып. 5 методического пособия «Вопросы теории и практики музейной работы». В него были включены публикации специалистов Алтайского государственного краеведческого музея (О. В. Падалкина, Ю. А. Абрамова, О. А. Пылкова) по наиболее актуальным в данный период вопросам музейной деятельности: о формах собственности на музейные фонды и договоре о передаче федеральной собственности музеям в безвозмездное пользование, о специфике работы с государственными наградами, об учете и хранении музейных предметов, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни, о заполнении отчетов формы 8-НК. Все материалы были представлены на сайте Алтайского государственного краеведческого музея в разделе «Наши консультации» [1].

Отметим, что вопросы о госнаградах, драгметаллах и форме статистической отчетности уже рассматривались в предыдущих выпусках, однако за это время произошли изменения в нормативных документах. Кстати, уже после выхода вып.5 с 30.10.2015 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 г. №41-ФЗ (ред. от 02.05.2015), приказом Росстата от 30.12.2015 № 671 утверждена новая форма федерального статистического наблюдения 8-нк, пришло письмо Министерства культуры РФ от 01.06.2016 г. с уточнениями по порядку приема государственных наград и документов к ним в постоянное пользование государственными и муниципальными музеями.

Остановимся на разделе, посвященном методической работе, на сайте Алтайского государственного краеведческого музея. Здесь публикуются административные документы, методические рекомендации по различным вопросам, разработанные как Министерством культуры РФ,

так и специалистами Алтайского государственного краеведческого музея. В 2016 г. в этом же разделе стали публиковаться программы семинаров, проводимых Алтайским государственным краеведческим музеем.

В разделе «Музеи Алтайского края» представлена ежегодно обновляемая информация о муниципальных музеях региона, являющихся юридическими лицами. В 2015 г. таких музеев было 53, на 01.06.2016 г. в связи с оптимизацией музейной сети осталось 49.

Среди музеев Алтайского края в 2016 г. было проведено анкетирование по вопросам оказания им методической помощи. В опросе приняли участие 36 музеев. Периодичность обращения за методической помощью была оценена как «несколько раз в год» – 21 музей, «несколько раз в месяц» – 13, «несколько раз в неделю» – 2 музея. Среди наиболее часто используемых способов получения музеями методической помощи, названы: телефонные звонки (100%), семинары-совещания (89%), переписка по e-mail (75%), методическая литература АГКМ (72%), личная консультация (72%), курсы повышения квалификации (58%), сайт АГКМ (55%). Наиболее эффективными из них указаны семинары-совещания, в том числе выездные, курсы повышения квалификации и личные консультации.

В дальнейшем в научно-методической деятельности Алтайского государственного краеведческого музея планируется проведение зональных совещаний, семинаров-совещаний с обсуждением различных вопросов музейной деятельности, с участием наших коллег из Республики Алтай и Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Ю. А. Специфика работы с государственными наградами – [Электронный ресурс]. / Ю. А. Абрамова. – Режим доступа: http://www.agkm.ru/metodrabota.html (дата обращения: 01.06.2016).
2. Вопросы теории и практики музейной работы: Методическое пособие. Вып. 1. / Алтайский государственный краеведческий музей; – Барнаул : Ком. адм. Алтайского края по культуре и туризму, 2002. – 74 с.
3. Вопросы теории и практики музейной работы. Методическое пособие. Вып. 2. / Алтайский государственный краеведческий музей; [редкол.: Н. А. Минеева и др...] – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2004. – 72 с.

4. Вопросы теории и практики музейной работы: методическое пособие. Вып. 3 / Алтайский государственный краеведческий музей; [редкол.: Н. А. Минеева, О. В. Падалкина, И. В. Попова (отв. ред.)]. – Барнаул : АГКМ, 2006. – 58 с.
5. Вопросы теории и практики музейной работы: методическое пособие. Вып. 4. / Алтайский государственный краеведческий музей; [редкол.: Н. А. Минеева, О. В. Падалкина, И. В. Попова (отв. за вып.)]. – Барнаул, 2009. – 59 с.
6. Вопросы теории и практики музейной работы. Методическое пособие. Вып. 5. – Барнаул, 2015. – 60 с.
7. Гусельникова, М. В. Из истории метрологии (тематическое занятие для детей 10–13 лет) / М. В. Гусельникова // Краеведческие записки. Вып. 4. – Барнаул, 2001. – С. 215–220.
8. Научно-методическая работа в музее. Методическое пособие ГЦМСИР. 4-е изд. – М., 2006. – 36 с.
9. Падалкина, О. В. «Геблеровские чтения» – долгосрочный проект Алтайского государственного краеведческого музея / О. В. Падалкина // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Т.II. – Барнаул : АГКМ, 2006. – С. 5–12.
10. Падалкина, О. В., Иванов Е. Ю. Рождение информационного проекта. Музей и Интернет / О. В. Падалкина, Е. Ю. Иванов // Краеведческие записки. Вып. 3. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 216–220.
11. Попова, И. В. Музейная экспозиция. Из опыта создания / И. В. Попова // Краеведческие записки. Вып. 3. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С.199–203.
12. Сохранение традиционной народной культуры. Культурно-досуговая деятельность: Методическое пособие. – Барнаул, 2012. – 21 с.
13. Степанищева, Н. П. К вопросу о методике подготовки музейной экскурсии / Н. П. Степанищева // Краеведческие записки. Вып.3. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 204–215.
14. Чудилин, И. А. Обеспечение оптимальных условий для хранения музейных предметов / И. А. Чудилин // Краеведческие записки. Вып. 5. – Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2003. – С. 219–221.

КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ СИБИРИ В ПРОЕКТЕ «КУЛЬТУРНАЯ КАРТА РОССИИ. ЛИТЕРАТУРА. ЧТЕНИЕ»

О. Н. Альшевская

Одной из важных инициатив Года литературы [6], состоявшегося в России в 2015 г. стала актуализация и подведение первых итогов и стартовавшего в 2013 г. проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение» – исследование уровня развития инфраструктуры чтения в Российской Федерации. Проект осуществлен Российским книжным союзом совместно с Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. Участниками и исполнителями проекта являются Российская библиотечная ассоциация, журнал «Книжная индустрия» в партнёрстве с российским стратегическим консультантом «Стратеджи Партнерс Групп» (Strategy Partners Group) [5].

Кроме решения своих главных задач: продвижения книги и чтения; оценки вклада регионов России в этот процесс, анализа инфраструктуры чтения страны, проект обозначил и деятельно способствовал решению важнейшей проблемы постсоветского книжного рынка – сбору книготорговой статистики, комплексному анализу книжного рынка России.

Очевидным является факт, что организация информационного обмена и повышение прозрачности отрасли – первоочередные задачи развития книжного рынка страны. Обладание информацией о количественных показателях книжной отрасли крайне необходима для выработки реальной государственной политики в области книжного дела, она нужна и издателям для формирования и оптимизации маркетинговой тактики и стратегии, и книготорговцам в качестве надежного ориентира для формирования собственной политики. Собранные в масштабах страны, систематизированные и проанализированные результаты проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение» являются ценным источником информации, в том числе и об объектах и каналах книгораспространения; предоставляют возможность по-новому оценить ситуацию на книжном рынке. Важнейшим достижением проекта является попытка объединения в целостную систему – инфраструктуры чтения – всех элементов книжного дела и комплексный анализ получившегося конгломерата. Решение подобной задачи не имеет аналогов в мировой практике.

Основной целью проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение» являлась разработка интегрального индекса развития инфраструктуры чтения в регионах, представляющая собой многоэтапный процесс, включающий поиск подходов и отбор параметров для формирования рейтинга, обозначение критериев оценки различных объектов инфраструктуры, дальнейший учет результатов опросов населения, консолидирование данных статистики и корреляционный анализ.

В целом рейтинг формировался из показателей, характеризующих четыре ключевых элемента инфраструктуры чтения. Во-первых, это информирование граждан, которое влияет на принятие решения о покупке: рекламные мероприятия издательств, социальная реклама, мероприятия в местах продаж, выставки-ярмарки, публикации в СМИ, которые помогают читателям сделать выбор, и т.д. Второй важный элемент – это библиотеки, которыми пользуются порядка 30% читателей Российской Федерации, третий элемент – традиционное офлайн-книгораспространение: книжные магазины, FMCG-сети, киоски. И, наконец, четвертый, перспективный и стремительно развивающийся элемент инфраструктуры чтения, – интернет-канал, включая продажу бумажных и электронных книг. Каждый из ключевых элементов рейтинга имел более детальные параметры для оценки инфраструктуры [3].

Элементы инфраструктуры чтения, их составляющие и весовое соотношение представлены в таблице 1.

Таблица 1

Продвижение и информирование 10%	Библиотеки[1] 25%	Традиционное распространение 50%	Онлайн распространение и доставка 15%
1	2	3	4
Социальная реклама 5%	**Доступность библиотек** 30%	**Книжные магазины** 80%	**Интернет** 50%
• Количество мест, выделенных под наружную рекламу 25%	• Территориальная доступность библиотек 70%	• Коэффициент обеспеченности населения магазинами 23%	Доля населения, использующая Интернет 100%
• Бюджет на наружную рекламу 25%	• Коэффициент обеспеченности населения библиотеками 30% •	• Средний ассортимент книг 33%	

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
• Количество минут социальной телевизионной рекламы 25%		• Доля новых поступлений в ассортименте 17%	**Электронные устройства для чтения** 25%
• Бюджет социальной телевизионной рекламы 25%		Средняя стоимость книги	• Доля населения, имеющая электронные устройства для чтения книг 100%
Мероприятия издательств 30%	**Качество фондов** 30%	**FMCG сети** 15%	
• Количество мероприятий 50%	• Объём библиотечных фондов 50%	•Территориальная доступность магазинов 35%	
• Бюджет мероприятий 50%	• Доля новых поступлений в фонды[2] 50%	• Коэффициент обеспеченности магазинами 15%	**Почтовая доставка** 25%
Мероприятия книжных магазинов	**Доступ к внешним ресурсам** 40%	• Средняя стоимость книги 50%	• Коэффициент обеспеченности населения ОПС[4] 15%
• Количество мероприятий 30%	• Доля библиотек, предоставляющих пользователям широкополосный доступ к сети Интернет 50%	**Киоски**[3] 5%	• Плотность ОПС 10%
• Бюджет мероприятий 50%	• Доля библиотек, предоставляющих пользователям доступ к электронным библиотекам (фондам) 50%	Территориальная доступность киосков 35%	• Стоимость доставки 25%
Выставки и ярмарки 30%		• Коэффициент обеспеченности киосками 15%	• Число пунктов выдачи интернет-заказов 50%

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
• Количество книжных выставок и ярмарок 100%		• Средняя стоимость книги 50%	
Литературные СМИ 5%			
• Тираж региональных литературных журналов 100%			

[1]Общедоступные библиотеки (без учета библиотек учебных заведений).
[2]Для расчета новых поступлений учитываются только издания, датированные не позднее, чем семью годами ранее текущего года.
[3]Киоски по продаже печатной продукции.
[4]Стационарные отделения почтовой связи.

В целом при составлении итогового рейтинга развития инфраструктуры чтения в регионах использовался 31 параметр. При этом не учитывалось ни количество издательств в регионах, ни периодические издания и относящаяся к ним инфраструктура, ни библиотеки учебных заведений. Важным в реализации проекта было то, что факторы в составе индекса должны отражать состояние (масштаб и эффективность) элементов инфраструктуры чтения книг любого (традиционного и электронного) формата.

Для уточнения весов показателей в индексе использовался корреляционный анализ, в рамках которого оценивалась взаимосвязь показателей инфраструктуры и читательского поведения. Была составлена матрица коэффициентов корреляции для каждого показателя инфраструктуры и читательского поведения. Коэффициенты корреляции строились на основании данных, собранных для 200 городов России. Итоговые веса показателей в индексе определялись путем объединения первоначально рассчитанных весов и весов, полученных в ходе корреляционного анализа [2].

Согласно популярности каналов у населения, традиционное распространение и публичные библиотеки были признаны наиболее значимыми элементами инфраструктуры чтения. Использованный подход показал, что уровень развития общественной инфраструктуры чтения (библиотек) напрямую влияет на читательскую активность, а уровень

развития коммерческой инфраструктуры (магазинов, киосков, активности издательств в вопросах продвижения книг) – влияет на нее опосредованно через покупку книг [2].

Информация о собранных при поддержке Федерального агентства по каждому региону данных была направлена в субъекты федерации на согласование. От некоторых из них поступили замечания и уточнения в части количества торговых предприятий и информационной активности. После чего была составлена «Культурная карта России», констатировавшая неоднородность ситуации в стране. Регионы были поделены на 5 сегментов:

– безусловно лидирующие регионы;

– лидирующие регионы;

– регионы, которые занимают среднюю позицию;

– отстающие регионы;

–существенно отстающие, т.е. с критически низко развитой инфраструктурой чтения регионы [3].

По результатам расчета интегрального индекса в лидеры вошли Санкт-Петербург, Москва и Московская область, наименьшие оценки получили Республика Крым, Забайкальский край, республика Ингушетия и Чеченская республика. При этом даже регионы-лидеры существенно отстают по уровню развития отдельных ключевых элементов инфраструктуры для чтения литературы от зарубежных стран, уделяющих внимание чтению и развитию инфраструктуры для чтения. Важным выводом исследования стала констатация того, что качество инфраструктуры напрямую коррелирует с количеством читающих и качеством чтения. 70% населения крупных городов регулярно читают книги, а ситуация в других регионах, где инфраструктура чтения менее развита – в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Поволжье, – более критична.

Итоговый рейтинг по развитости инфраструктуры чтения сибирских субъектов федерации невысок. Приведем некоторые общие характеристики Сибирского федерального округа. СФО объединяет 12 субъектов федерации, в том числе 4 национальные республики (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия), 3 края (Алтайский, Забайкальский, Красноярский), 5 областей (Иркутскую, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую). Территория округа (5144953 км²) составляет 30 % от территории Российской Федерации (вторая по размеру, ненамного уступающая Дальневосточному федеральному округу). Плотность населения невысока – 3,76 чел. /кв. км; на территории округа проживает 19324031 человек (13,19% от населения РФ), причем 70,5% из них проживают в

городах, которых насчитывается 132. Несмотря на огромность территории и богатые природные ресурсы на долю СФО приходится 11,4% ВВП; средняя заработная плата, по данным Росстата, в 2015 г. составила 27,3 тыс. руб., в то время как в среднем по РФ – 32,0 тыс. руб. Экономическими аутсайдерами СФО являются республики Алтай и Тыва.

По результатам рейтинга развития инфраструктуры чтения основная часть сибирских субъектов (8 из 12) вошли в 4 группу (отстающие регионы). Из национальных республик Сибири Республики Алтай, Бурятия, Хакасия отнесены к четвертому (предпоследнему) уровню рейтинга, а республика Тыва вошла в пятую (с самым низким рейтингом) группу из шести субъектов федерации.

См. таблицу итогового рейтинга и принадлежность к оценочной группе субъектов Сибирского региона (Таблица 2).

Таблица 2

Субъекты федерации (Сибирский федеральный округ)	Итоговый рейтинг по развитости инфраструктуры чтения	Принадлежность к оценочной группе
Республика Алтай	16,3	4 группа
Алтайский край	15,2	4 группа
Республика Бурятия	14,3	4 группа
Забайкальский край	10,9	5 группа
Иркутская область	13,0	4 группа
Кемеровская область	17, 0	4 группа
Красноярский край	16,9	4 группа
Новосибирская область	18,8	3 группа
Омская область	23,0	3 группа
Томская область	18,3	4 группа
Республика Тыва	11,4	5 группа
Республика Хакасия	15,4	4 группа

В целом, книжный рынок Сибири очень неоднороден. Ситуация, на нем сложившаяся, позволяет выделить несколько уровней. К первому наиболее развитому уровню, насыщенного с точки зрения количества, разнообразия форм и форматов, сочетания местных и федеральных книготорговых формирований рынка, можно отнести города с миллионным населением. В Сибирском федеральном округе это Новосибирск, Омск, Красноярск. Но книжный рынок Новосибирска –

третьего по величине города России, самого большого мегаполиса сибирско-дальневосточного региона – выделяется в этом ряду. Современный Новосибирск является крупнейшим в России центром оптовой книжной торговли. Здесь расположены представительства–оптовые центры издательств: «Олма Медиа групп», «Питер паблишинг», «Росмэн», «Эксмо» и др. Особенностью Новосибирска является то, что оптовые и оптово-розничные компании, находящиеся в городе, производят отгрузки другим более мелким оптово-розничным и розничным предприятиям соседних регионов, выступая в качестве перевалочных пунктов, работают и на другие территории региона. Пул оптово-розничных книготорговых предприятий составляют компании «Сибверк», «Библионик», «Аристотель», «Эксмар плюс», а также «Книгиня», «Юнисервис. Автоаксессуары и книги», «Книжный склад», оптово-розничная компания (ИП Духновский), «Книги Сибири» и др.

Розничное предложение мегаполиса разнообразно: это один из самых больших за Уралом литературный магазин «КапиталЪ» (1500 кв.м, 90 тыс. названий); 8 крупных универсальных магазинов федеральной сети «Читай-город»; 9 магазинов разных форматов («Плиний старший», «BOOK-LOOK», «BOOK'ля», книжный супермаркет «Иван Федоров»); большое количество мелких специализированных магазинов; отделы в FMCG-сетях; множество пунктов доставки федеральных и местных интернет-магазинов. Из-за значительного присутствия крупных универсальных магазинов (московский тренд) небольшие книготорговые формирования не являются превалирующими на книжном рынке столицы Сибири, хотя и присутствуют: «Книготорг» (8 предприятий), «Книгозор» (8 предприятий), «Нонкин» (2 магазина), «Почитай-ка» (2 магазина) и др.

Книгораспространение двух других городов-миллионников, Омска и Красноярска, значительным образом отличается от новосибирского. Городом сетевой книжной торговли можно назвать Омск. Основу книжного рынка города составляют сети: ОАО «Омсккнига» (2 магазина), «Омский книготорговый дом» (5 магазинов), ООО «Фирма «Принт» (6 магазинов), «Центр-Книга» (10 магазинов, склад, бибколлектор, комплектующий библиотеки высших и средних заведений города), «Super книга» (5 магазинов), «Знайка» (2 магазина), «Сеть магазинов книг и канцелярских товаров, ИП Караваев Ю. Н.» (2 магазина), сеть с оригинальным названием «К2» (Книжный и Канцелярский) (4 магазина) и др. Особенностью омского книжного рынка являются

сети, специализирующиеся на продаже автокниг: «Автокниги и бумажники для водителя» (ИП Шевченко Н. И.) включавшая 4 торговые точки и магазины автокниг «У Марковны» (ИП Лукъянова Л. В.)

Значимой особенностью книжного рынка Красноярска стала проводимая с 2007 г. фондом Прохорова Красноярская ярмарка книжной культуры (КРЯКК). В период ее проведения в город одномоментно завозится более 100 тыс. экземпляров книг лучших издательств России, большинство этих книг остается в городе – на деньги выделяемые фондом Прохорова (от 5 до 15 млн руб.), книги закупаются для местных библиотек, что значительно формирует книжный облик города. К особенностям книжного рынка Красноярска относится единственный уцелевший с советских времен бибколлектор, а также появление в последние годы (крайне редкое явление на сибирском книжном рынке) магазинов интеллектуальной книги клубно-кулуарного формата «Бакен» и «Федормихалыч» [1].

В городе большое количество книготорговых сетевых формирований. Наиболее крупной местной сетью является «Городской бестселлер» (26 фирменных магазинов и 7 фирменных отделов в крупных магазинах города и края (Сосновоборск, Дивногорск, Ачинск)). Сеть владеет интернет-магазином «Бестселлер» и собственной службой доставки. С 1993 г. работает компания «Мила-В» (Красноярск, Канск, Ачинск, Лесосибирск, Большая Мурта, поселки Балахта и Бирилюссы). Местными сетями Красноярска можно считать «Книголюб» (13 торговых точек (одна в Сосновоборске и одна в Дивногорске)), «Колизей» (2 магазина), «Дом книги» (2 магазина), «Литероград» (2 магазина) и др. На красноярском книжном рынке присутствует сеть книготорговых предприятий по продаже иностранной литературы – Межрегиональный лингвистический центр существующий (3 магазина). Еще одно отличие сетевой торговли Красноярска – специализированная сеть магазинов детской литературы «Этажерка», состоящая из 2–3 небольших магазинов. Сеть имеет интернет-магазин, активно работает в социальных сетях.

Книготорговое предложение городов с населением от 700 до 500 тыс. человек (Барнаул, Иркутск, Томск, Новокузнецк, Кемерово) достаточно насыщено и мало чем отличается от книготорговых рынков Омска и Красноярска. В Барнауле действует крупный культурно-информационный центр «Книжный мир» (4000 кв. м, из них площадь под книги – 1200 кв. м, 90 тыс. наименований), местные сети: «СКМ Книги» (ИП Хасанова К. З.) (3 магазина), «Бисер» (3 магазина), «Летопись» (4 магазина, склад). На поставках в библиотеки вузов и колледжей (не

только Барнаула, но и Новокузнецка, Сургута) научно-технической и учебной литературы специализируется оптовая фирма ООО «НТЛ-Центр», оптово-розничное предприятие ЧП Останина Н. И., имеет сеть киосков во всех университетах Барнаула и магазин «Знание».

Иркутск – родина и форпост крупнейшей региональной книготорговой компании Восточной Сибири «ПродаЛитЪ» (47 магазинов). 20 магазинов компании составляют основу книжного рынка Иркутска. Из местных сетей успешно работает книжная сеть «Светлана» (12 магазинов в Иркутске, Шелехове, Саянске, Тулуне, Братске, Маме, Железногорске, Усть-Орде), «Знай-Ка» (3 магазина). Как и повсеместно, в городе большое количество независимых книжных магазинов: универсальных и специализированных.

Книготорговля Томска имеет давние традиции и представлена фирмой «Томкнига» (3 магазина и один в Северске), сетями ООО «Книжный Клуб плюс» (7 магазинов), «Учебники» (2 магазина) и др. В Томске большое количество независимых книжных магазинов. В научной библиотеке Томского госуниверситета с 1992 г. действует книжный магазин «Позитив». На базе бывшего томского библиотечного коллектора и книготорговой базы в 1991 г. был создан книжный магазин «Водолей».

В Улан-Удэ достаточно прочное положение имеет региональная сеть «ПродаЛитЪ» (6 магазинов). В городе апробирован ее пионерный проект – хобби-маркет «Креатив» (3 этажа, 2500 кв. м). Несмотря на присутствие магазинов «Продалита», в городе успешно функционируют несколько местных сетей «Полином» (8 магазинов), «Глобус» (3 магазина), «Джайв-Бук» (3 магазина), «Кругозор» (3 магазина). В Чите действуют следующие локальные книжные сети: «Букеръ» (4 магазина), «Ваша книга» (2 магазина в Чите, 1–в Хилок), «Генезис» (9 книжно-канцелярских магазинов).

Интересна и показательна история книгораспространения на Кузбассе. В 1992 г. в области прошел процесс коммерциализации торговли в результате чего кемеровский облкниготорг, созданный в 1943 г., прекратил свое существование и к началу 2000-х гг. от 120! магазинов облкниготорга – крупнейший показатель в СССР – по всему Кузбассу осталось четыре книготорговых предприятия. Среди местных игроков преобладают малоформатные книготорговые площадки со специализированным ассортиментом. Например, ООО «Книга-центр Глосса» – центр информационной поддержки изучения и преподавания иностранных языков, ООО «Деловая книга» (1 магазин, 2 киоска), «Книжная

лавка» (6 небольших магазинов), «Кузбасская книга», «Ценная Информация» (2 магазина) и др.

Новокузнецк интересен своей местной книжной сетью «Гарцующий слон» (3 магазина). Своеобразна книжная торговля заполярного Норильска, в основном сформированная местным издательством «Апекс» [4]. Это единственный пример в СФО, когда книжная торговля города сформирована местным издательством. Книжной торговлей «Апекс» занимается с 1991 г., когда был открыт первый киоск. За прошедшие более чем 20 лет были периоды, когда киоски «Апекса» являлись единственной книготорговой сетью Норильска. Количество книготорговых точек в сети нестабильно, обычно около 10–12.

В Абакане в постсоветское время созданы и продолжительно действуют несколько местных книготорговых формирований. С 2001 г. функционировала книготорговая сеть «Знание» (3 магазина, по одному в городах Минусинск, Черногорск и поселке Курагино), «Мир книг» (6 магазинов) и торговая компания «Аверса» (3 магазина). Как и во всех провинциальных городах основными книготорговыми предприятиями являются одиночные небольшие магазинчики: «Кругозор», «Знайка», «Радуга», «Книжный мир», «Читай-ка!», «Дом Книги», «Алфавит», «Книги» (ИП Дудик Г. Н), «Магазин книг» (ИП Тимофеева Н. В.) и т. п.

В целом, анализируя современный книготорговый ландшафт Сибири, можно сделать вывод о его разнообразии и крайней неравномерности распределения предприятий книжного бизнеса. Книжный рынок городов-миллионников (Новосибирск, Омск, Красноярск) сопоставим со столичным уровнем и характеризуется представленностью всех каналов книгораспространения: здесь действуют большие универсальные книжные магазины с ассортиментом 60-80 тыс. названий; специализированные книжные магазины; многоэтажные мультимедийные культурно-информационные центры; в универсальных гипермаркетах работают книжные отделы; чем больше город, тем большая вероятность наличия в нем пунктов выдачи федеральных и местных интернет-магазинов; в больших городах проходят книжные выставки-ярмарки. Другие провинциальные города (500-100 тыс. населения) имеют небольшие книжные магазины с универсальным ассортиментом (до 5 тыс. названий), но чаще всего книготорговые предприятия небольшого города или поселка – это киоски (отделы) в каком-либо магазине. В малых городах, поселках и деревнях, за редким исключением, книготорговые объекты отсутствуют.

Реализация проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение» деятельно способствовала решению важнейшей проблемы постсоветского книжного рынка – сбору книготорговой статистики. Собранные в масштабах страны, систематизированные и проанализированные результаты проекта стали ценным источником информации, в том числе и об объектах и каналах книгораспространения; предоставили возможность комплексного анализа книжного рынка России. Дальнейшая реализация проекта, несомненно, ставит новые задачи. Кардинальной целью проектов является не только констатация текущего состояния отрасли. По итогам исследования на базе собранной информации планируется составление и регулярное обновление рейтинга регионов по доступности информации и инфраструктуры чтения. Это даст возможность, комплексно оценив проблему, предоставить объективные данные по стране и каждому отдельному региону, подготовить для заинтересованных регионов рекомендации и предложения по развитию инфраструктуры чтения, разрабатывать на федеральном уровне меры по устранению разрывов между регионами РФ и их отставания от зарубежных стран-лидеров развития книжной индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альшевская, О. Н. «Культурная самоотверженность»: малоформатные независимые книжные магазины на сибирском книжном рынке / О. Н. Альшевская // Библиосфера. – 2015. – № 3. – С. 19–30.
2. Зорина, С. Ю. Диагностика развитости инфраструктуры для чтения в российских регионах на основе интегрального индекса: Доклад-презентация по проекту «Культурная карта России. Литература. Чтение: рейтинг регионов по развитости инфраструктуры чтения». – Москва. – 2015, март.
3. Литературная карта регионов: издательский потенциал // Кн. индустрия. – 2015. – № 5. – С. 18–22
4. Издательство «Апекс» – Живой Журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apex-norilsk.livejournal.com/
5. Литературная карта России: все оттенки красного // Университетская книга. – 2015. – № 6. – С. 12
6. Указ Президента РФ от 12.06.2014 № 426 «О проведении в Российской Федерации Года литературы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3636988

ЭВОЛЮЦИЯ БАСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В КИТАЕ

Н. В. Вохменцева,
Чжоу Синь

Басня – один из древнейших в мире литературных жанров. На протяжении веков в художественной форме басня даёт уроки житейской мудрости и человеческой нравственности человеку, и обществу любой культуры. Китайская басня имеет историю более трёх тысяч лет, и её эволюция может быть представлена в трёх этапах. Древняя басня (770 г. до н.э. – 1840 г.) – этап расцвета басенного творчества. Басня периода 1840-1949 гг. И, наконец, басня современного периода (с 1949 г.).

Древняя басня большей частью относится к фольклору. Традиционно она рассматривается в пяти этапах своего развития. Первый этап – это период доциньской эпохи (770–221 г. до н.э.) (период правления династий Чуньцю и Чжаньго). Следует подчеркнуть, что период Чжаньго считается «золотым веком» возникновения и развития басни в фольклоре Китая. Басни этого периода сохранились до наших дней в древних письменных источниках. Сюжетной основой басен «золотого века» послужили мифы, легенды, а также исторические рассказы и конкретные события общественной жизни.

До наших дней сохранились такие басни этого времени, как «Юйгун передвинул горы», «Скрывать болезнь и бояться лечения», «Гравировать обезьянку на колючке» и другие. В баснях этого периода говорится о таких пороках человека, как лень, жадность, робость, самоуверенность, хитрость, глупость и т.д.

Уже в этот период получает развитие басня как литературный жанр.

Один из самых знаменитых баснописцев этого периода – Чжуанцзы. На сегодня известна такая его басня, как «Дун-ши хмурит брови, подражая красавице Си-ши».

В этой басне у красавицы Си-ши болит сердце, от боли она хватается за грудь и хмурит брови. Жители села говорят, что она так даже красивее, чем раньше. Соседка дурнушка Дун-ши решила, что Си-Ши очень красива именно поэтому. Она стала подражать Си-ши, тоже хватаясь за грудь и сводя брови. Однако никто по-прежнему не смотрит на неё. Эта басня говорит нам и сегодня, что чисто внешнее подражание обязательно приводит к прямо противоположному результату.

Ещё один известный баснописец периода Чжаньго (475–221 г. до н.э.) – Хань Фэй. У него есть известная басня «Не противоречь себе». В этой басне мужчина продавал копьё и щит. Он говорил, что его копьё очень острое, им можно пронзить все вещи, что его щит очень прочный, ничто не может разрушить щит. Один человек его спросил: «Если пронзить шит копьём, что может случиться?» Продавцу нечего было ответить. Эта история о людях, которые говорят одно, а делают другое.

Второй период развития басни относится к эпохе правления династии Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Эпоха характеризуется творческим спадом в литературе Китая. До наших дней дошло незначительное количество басен, и сам этот период пока мало изучен исследователями китайского литературного творчества. Большинство произведений отражают уже сложившиеся традиции создания басен доциньской эпохи. Часто они представляют варианты уже имеющихся басен. В этот период создаются такие басни, как «Нет худа без добра», «Богомол хватает цикаду, не замечая позади себя воробья», «Отвести в сторону печную трубу и отодвинуть подальше хворост» и т.д.

Третий период басенного творчества связан с династиями Вэй, Цзинь, Нань и Бэй (220-589 г. н.э.). По масштабам развития басня данной эпохи значительно уступает предшествующему периоду. В то же время очевидна связь фольклорных традиций басенного творчества и творчества литературного. Героями басен являются или животные, или человек. Новым главным персонажем литературной басни предстает «дурак». Басня обогащается народным юмором и иронией. Именно в этот период впервые в литературе создаются целые сборники басенного творчества, такие, как «Щаолинь» и «Байюйцзин» и другие. Китайская басня этого времени испытывает влияние других культур, например, «Источник безумия» и «Сломать стрелу». На басенном творчестве этой эпохи особенно сказывается влияние индийских сутр, что значительно обогащает китайскую басню новыми темами, сюжетами и творческими приемами. К этому же периоду относится появление переводов басен из Индии. Например, «Слепые ощупывают слона», «Тройной терем», «Делить карпа» и т.д.

Четвертый период развития китайской басни связан с правлением династий Тун и Сун (618–1279 г. н.э.). Это период расцвета литературы, возрождения басенного творчества в Китае. Исследователи басни называют ее «чудесным цветком» в саду китайской литературы. Басню характеризует широкая тематика и разнообразие стилей и творческих приемов. Возникает особое направление в жанре басни – т.н.

«сатирическое», социально заостренное. Образцовый баснописец этого времени – Лю Зониюнь.

Автор пишет басни, наполненные глубоким смыслом, главными персонажами в них предстают животные.

Басни Лю Зониюня основываются на интересных сюжетах, имеют четкую, ясную структуру, и во многих отношениях очень похожи на западную басню. Басни Лю Зониюня ироничны, они раскрывают и бичуют разные общественные уродливые явления. Наилучшие его произведения: «Линьцзянский оленёнок», «Осёл из провинции Гуйчжоу» и «Юнчжоуские мыши» – басни под общим названием «Три зарока». Они похожи на небольшие рассказы. Так, в басне «Линьцзянский оленёнок» охотник однажды идет на охоту и возвращается с добычей: он приносит домой олененка. Но только они входят в дом, как тотчас сбегается целая свора собак, у которых текут слюнки от предвкушения вкусной еды. Мужчина бранит их, держа на руках оленёнка. Он приручает олененка и собакам изо дня в день внушает, чтобы они не кусали его. Время идёт, оленёнок растёт, он уже забыл о том, что он олень. Он дружит с собаками, собаки тоже хорошо относятся к ему из боязни к хозяину. Однажды уже повзрослевший олень вышел на улицу и увидел других собак, он побежал к ним в надежде играть с ними. Однако они загрызли его без колебаний. Эта басня выражает глубокую неприязнь автора к лицемерию, характерному для общества того времени, особенно чиновничества. Автор иронизирует и над общечеловеческим качеством – доверять всем и всегда, над теми, кто считает врагов друзьями, и, в конце концов, навлекает на себя беду.

Пятый, завершающий период развития древней китайской басни, связан с правлением династий Юань, Минь и Цин (1271–1912 г.). Это переходная эпоха от древности к современности. В конце этой эпохи

появилось много шуток-басен, сюжеты которых основываются на жизненных ситуациях. Басни пронизаны иронией над такими пороками в обществе, как жадность, коварство, лживость, свирепость, упрямство, глупость и т.д. В некоторых из них речь идет о таком социальном явлении, как коррупция чиновников.

Басня периода 1840–1949 гг., с одной стороны, продолжает лучшие традиции древней китайской басни, с другой стороны, принимает влияние западной культуры, иностранной басни. Мао Дунь является первым баснописцем этого периода. С «Движения 4 мая» возникло много новых басен. Здесь особенно уместно упомянуть писателя Фэн Сюэфэна (1903–1976 г.). Его первая книга басен была опубликована в 1947 г. Этот баснописец принципиально обновляет басню предшествующего периода. Его басня – это басня-притча, оказавшая сильное влияние на творчество его последователей. В первую очередь, это басни «Лев, лиса и заяц», «Обезьяна и её хозяин», «Птица на дереве и человек под деревом» и другие. Именно в 40-е годы 20 в. Фэн Сюэфэн достиг самой широкой известности.

В этот период он издаёт книгу «Сегодняшняя басня» а затем книги «Триста басен Фэн Сюэфэна» (Первый том) и «Басня». В последующие годы автор публикует и другие собрания своих произведений. Основным же, излюбленным жанром писателя на протяжении всего его творчества остаётся басня.

К сожалению, басенное творчество этого периода пока недостаточно изучено. Поэтому столь актуальным представляется с исследовательских позиций обращение к творчеству баснописцев Китая именно этого периода.

Басня современного периода (с 1949 г. – после рождения Нового Китая) – является прямым продолжением традиций басни предшествующего периода. Можно считать этот период эпохой Возрождения жанра басни в творчестве китайских писателей. В этот период появилось много баснописцев, таких, как Цзинцзан, Люй Дэхуа, Линь Чжифэн, Чоу Чуньлинь, Шэнь Цзюньчжи и другие.

Басня этого времени активно включает в себя приёмы других жанров, других видов искусства: эстрады, скетча, сказки и театра. Персонажем большинства басен является животное. Басенное творчество этого периода может быть рассмотрено в двух этапах: до и после «Культурной революции» (1966–1976 гг.).

Первой басней периода «до Культурной революции» явилась басня «Испытательный полёт орлёнка». Орлёнок в первый раз пытается летать, он очень рад, но боится. Орел-отец раскритиковал сына: «Ты так

плохо летал, это недостойно настоящего орла!». С этого времени орлёнок уже не смел летать. Эта история о том, что старый орёл забыл, как сам летал и боялся в первый раз. Он поступил глупо, так как своей критикой задушил истинный дух орла.

Басня была написана в ноябре 1953 г. и опубликована в газете «Вестник» 30-го января 1954 г. Автором этой басни является детский литературный писатель Цзиньцзан. Его перу принадлежит множество произведений басенного жанра, например, «Братья вороны», «Честность лисы» и др.

В басенном творчестве в это же время ярко заявляет о себе и такой писатель, как Гуй Цзяньсюн, создавший авторские басни «Хотеть кошку, а получить тигра» и «Сломанная лампочка и луна». В этих баснях говорится о таких пороках человека, как невежество, глупость, недальновидность. Во времена т.н. «Культурной революции», когда так или иначе пострадала вся литература Китая, почти нет и басен, поскольку критика даже в художественной форме в этот период наказуема.

И только с 1978 года басня в творчестве китайских писателей переживает новую эпоху расцвета. В этот период активизируются и исследования по теме басенного творчества. Наиболее известные баснописцы

и одновременно исследователи басенного творчества – Чэнь Пуцин, Хэ Гунчао, Чэнь Бочуй.

Таким образом, китайская басня прошла различные этапы своего развития. Персонажем китайской басни, особенно древней, чаще всего является человек, в европейской же басне главный персонаж – то или иное животное. Кроме того, китайская басня в основном реализуется в прозаической форме, а европейская басня – в поэтической. На протяжении всей истории китайская басня – это обязательно интересный простой и короткий сюжет, который отражает глубокую мораль народа: так, басня «Ждать у моря погоды» учит думать о том, что нельзя получить что-либо без труда, а в басне «Осёл из провинции Гуйчжоу» говорится о том, что «у страха глаза велики»…

Независимо от того, в какой период создавалась, как менялась по форме и языку, басня всегда давала человеку уроки мудрости и нравственности.

И сегодня басня – один из самых интересных и разнообразных жанров в китайской литературе, имеющая самого широкого читателя, от детей до людей преклонного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. 中国作家网：寓言正文《20世纪的中国寓言》
2. 孙建江：《寓言的矛盾特质》
3. 黄瑞云：《新译历代寓言选》前言
4. 搜狗百科
5. 百度百科
6. Алексеев, В. М. Труды по китайской литературе / Сост. М. В. Баньковская, Восточный ф-т Санкт-Петербур. ун-та. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 183-212.
7. Зинин, С. В. История средневековой литературы (в вопросах и ответах) / С. В. Зинин. – М. : Институт востоковедения РАН, 2002. – 174 с.
8. Лисевич, И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков / И. С. Лисевич. – М. : Наука, 1979. – 266 с.

В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ: О ТВОРЧЕСТВЕ РЕЖИССЕРОВ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ ЕВГЕНИЯ ПЛАТОНОВА И КОНСТАНТИНА ЗАЙВИЯ

Н. В. Вохменцева

Телевизионная реклама на Алтае поддерживает бизнес региона почти три десятилетия. В последние годы экранная реклама становится объектом внимания не только рекламодателей и потребителей, но и научного исследования.

Одним из векторов в развитии телерекламы на Алтае со всей очевидностью можно считать появление феномена авторской телерекламы уже в начале 90-х гг. XX в. «Опыт игровой, постановочной рекламы к середине 90-х можно считать значительным, и именно эта реклама заявляет о большом творческом потенциале ее создателей, свидетельствует о своеобразии региональной телерекламы на Алтае и ее ярких достижениях» [2, с. 166].

Эпоху романтизма телевизионной рекламы в 90-е гг. открывает творчество молодых талантливых режиссеров Игоря Голованова, Евгения Бедарева, Игоря Холодкова, Евгения Платонова, Константина Зайвия, Сергея Литовкина, Алексея Тетерятника, Валерия Копнинова, Александра Быкова, Михаила Гусева. Несколько позже они создадут свои творческие студии, такие, как «Студия имиджевой рекламы» (А. Тетерятник), «Мастерская видеорекламы» (И. Голованов), «Реальные технологии» (М. Гусев), «Арт-группа «В-12» (А. Быков), «Студия Синтез» (А. Нартыш), «ТРАСТ» (В. Копнинов) и др., профессионально и успешно работающие со своими командами копирайтеров, операторов и звукорежиссеров уже четверть века и даже более.

В рекламу Игорь Голованов, Сергей Литовкин, Алексей Тетерятник, Валерий Копнинов, Евгений Бедарев, Михаил Гусев, Евгений Платонов, Константин Зайвий, Александр Быков пришли на волне общественных перемен, и уже в 1993–1995 гг. телевизионная реклама на Алтае обретает свой образ, свое лицо, тяготея к народной культуре, к фольклору, используя его стилистические и художественные приемы, мотивы, жанры. С другой стороны, эта реклама отражает новые общественные тенденции, формируемые в обществе ценности. Со всей уверенностью можно утверждать, что в это время складывается феномен авторской телерекламы на Алтае, рекламы режиссерского типа, или «киношной», как ее называет Олег Феофанов, крупнейший российский

специалист в сфере рекламы [6]. Пик ее расцвета приходится, по мнению самих создателей рекламы, на период 1995–2000 гг.

В начале 90-х гг. складывается один из интересных творческих дуэтов: Евгений Платонов – Игорь Холодков. В 1992 г. на одной из первых профессиональных студий Алтая – «АТН», целью которых становится создание рекламного видео, ими был создан первый рекламный сериал для компьютерной компании «Байт». Размещение рекламных роликов идет в то время преимущественно в новостных и развлекательных программах. В 1995 г. Игорь Холодков успешно дебютирует как режиссер в профессиональном кинематографе, который становится его творческим поприщем. В это же время Е. Платонов продолжает работать в рекламном бизнесе. О непростом времени в российском обществе 90-х, но времени, на которое пришлась молодость и новые открывающиеся возможности для творческой реализации самореализации его когорты, Евгений Платонов вспоминает в своих стихах:

Как же нам хочется вернуться навсегда
Туда, где юность ветерком весенним
Любила каждый день, ждала,
Когда все новое казалось нам во благо,
И ветер перемен, завеяв, нарастал,
Ломая дней вчерашних важную никчемность…
Как нам жилось, как нам хотелось жить тогда!!!

Актер Евгений Платонов (выпускник 1996 г. актерского отделения Алтайского государственного института искусств и культуры) снимается и в художественных фильмах. Одна из наиболее интересных его работ – роль Чингиза в фильме «Ермак» режиссеров В. Ускова и В. Краснопольского (1996 г.). После закрытия канала «АТН» Евгений Платонов возглавляет телекомпанию «Вечер», являясь в последующие годы одновременно и коммерческим директором, и копирайтером, и режиссером, и персонажем в собственных роликах, и «голосом» компании. Союзником и равноправным соавтором в его творчестве на протяжении многих лет является режиссер и художник Константин Зайвий. Разделение ролей

между партнерами – Евгений Платонов – сценарист, актер, Константин Зайвий – режиссер, оператор – достаточно условно. Единомышленников связывает настоящая дружба и рекламная деятельность на протяжении двух десятилетий. Благодаря К. Зайвию экран оживили анимационные персонажи (в основном, это компьютерная анимация – двухмерная и трехмерная).

Поле его деятельности – кино– и видеосъемка, рекламная фотография. Константин Зайвий был и остается ведущим специалистом по линейному монтажу и компьютерной графике в регионе.

В свой творческий арсенал даже с учетом усеченного формата рекламы и скромного бюджета режиссер и художник активно включают выдающиеся достижения режиссуры, обращаясь к традиционным средствам художественной выразительности, используемым, прежде всего, в кинематографе. Одним из таких средств является техника аттракциона – техника, предусматривающая интенсивное воздействие на психику зрителя. «…В принципе любой аттракцион ориентирован на достижение вполне определенной реакции», – пишет А. И. Липков [4, с. 37]. Автор уточняет: «Аттракционы могут быть самыми разными – вызывающими смех, удивление, жалость, испуг, ужас. Аттракцион может быть рассчитан не только на благоприятную эмоцию зрителя, но и на резко отрицательную» [4, с. 24]. В роликах Е. Платонова и К. Зайвия находит воплощение все разнообразие планируемых авторами эмоций. Если учитывать критерий содержательного характера в подразделении аттракционов, то и в этом случае в их творчестве фиксируются такие виды аттракционов, как неожиданность, рекорд, красота, диковина, чудо, казус, тайна, запрет, риск, смерть, катастрофа, а также игра.

Одна из наиболее интересных работ команды, иллюстрирующая использование техник повышенной внушаемости зрителя, – сериал для мебельной компании «ЛТиК». Особого внимания заслуживает в этом сериале яркий ролик, в котором итальянка экспрессивно сообщает своему мужу о превосходной мебели «ЛТиК». Интересен не только демонстрационный подход, но и то, что в ролике применяются гипнотехники.

Следует подчеркнуть, что данные приемы являются большой редкостью в практике региональной телерекламы. Это очень сильная сторона режиссуры и сценарного мастерства Платонова и Зайвия, своего рода визитная карточка творческой команды. В рекламе «ЛТиК» это и привлечение знаменитости (актриса Ева Мендес), это и сенсорная перегрузка как техника внушаемости (гиперстимуляция, или перегрузка сознания): стремительный темп речи героини с наложением перевода, это и такая техника Милтон-модели, как прием рассеивания, обеспечивающий интонационную маркировку наиболее значимых фрагментов текста. В рекламе туристического агентства «Возрождение» используется такой эффективный прием суггестии, как эффект «третьего лица», когда передаваемая информация об услугах агентства, о высокой удовлетворенности потребителя в рекламном ролике идет именно от потребителя. Этот прием используется и в роликах торгового центра «Парад», и Торгового Дома «Гратис», и продукции Торгового Дома «ВИК». «Возврат в детство (возрастная регрессия)» – еще одна из техник повышения внушаемости потребителя встречается в роликах Е. Платонова и К. Зайвия, в частности, в рекламе игровой комнаты ТОЦ «Парад». Образы детей в телерекламе ожидаемы и концептуально оправданы (только близкие знают: если требуется, то авторы привлекают к съемке своих детей, друзей, коллег). Образы детей, как известно, минуя критику сознания, всегда воспринимаются с симпатией и доверием. Прием неожиданности (Торговый Дом «Аргус») в арсенале гипнотехник Е. Платонова и К. Зайвия также не редкость, а, скорее, уже ожидаемый в их рекламном творчестве.

Копирайтеры активно используют самые разнообразные приемы суггестивной организации речи: это и прием сравнения (Торговый Дом «Двери Сибири»), и многократное повторение (питьевая вода «Артезианская», Центр напольных покрытий «Эталон»), прием рассеивания и прямой команды «Стань героем блокбастера! Построй новую жизнь для своей семьи!» (реклама строительной компании «Фирсова Слобода»). Синергетический эффект ролика «Фирсова Слобода» усиливается закадровой голосовой маркировкой ведущего, стремительным внутрикадровым движением, резкими монтажными переходами, яркой и масштабной аэросъемкой, расширяющей границы кадра и воображения зрителя. Прием рассеивания очень эффективно применим и в рекламе предприятия «Кристалин». Прием «метафоры» встречается и в текстах, и в рекламных слоганах Е. Платонова и К. Зайвия: «Российский кафель» – все сложится», «Солнечный удар по ценам на межкомнатные двери»,

«Совершенство достижимо!». В ряду приемов суггестивной организации речи есть и «псевдовыбор» («Такие магазины только у нас») – ТЦ «Алтай», и «пресуппозиция» («Удобнее всего использовать пяти- или девятнадцатилитровую емкость…») – минеральная вода «Артезианская», и «детский взгляд на «взрослые» вещи» («Ох, уж эта мне любовь») – ТОЦ «Парад», и «аналог игры «в слова» («Эталон – отличный повод сменить пол») – Центр напольных покрытий «Эталон». Прием прямой команды – один из предпочитаемых в творчестве режиссеров Е. Платонова и К. Заявия: «Приходи и выбирай!» (ТЦ «Аргус»), «Посчитайте и попробуйте!» (минеральная вода «Артезианская»), «Примите «Бронхосип!» (препарат от кашля «Бронхосип») и др. Этот прием трудно даже назвать прямой командой, поскольку он тонко соединим с доверительной интонацией ведущего, которая, в свою очередь, является очень эффективной гипнотехникой.

Как известно, в рекламной практике предпочтительными оказываются такие регистровые зоны мужского голоса, как бас и баритон (Е. Платонов). «В основе приоритета низкого голоса лежит психологический атавизм: как правило, такой голос ассоциируется с большими размерами тела. С физической силой и потенциальной доминацией» [1, с. 137]. Доверительные интонации в сочетании с регистрово-тембральными качествами голоса Е. Платонова придают рекламе психологическую весомость.

Упомянутые гипнотехники визуального и звукового характера, направленные на «психологическую обработку телезрителя», не только на художественном, но и на научном уровне могут быть признаны аттракционами. Этой, а также аналогичным темам посвящены работы отечественных исследователей и практиков в области психологии восприятия и технологии моделирования рекламы [1, 3, 4, 5, 8, 9]. Целенаправленное и тонко рассчитанное использование данных приемов оказывает буквально магическое воздействие на зрителя-покупателя. Не случайно сотрудничество режиссера Евгения Платонова длится годами с целым рядом успешных и известных (во многом благодаря его рекламе) предприятий края.

Творческой находкой режиссера и актера, одним из проявлений его стиля является игра с жанрами: это реклама по аналогии с «Прогнозом погоды» (Торговый Дом «Двери Сибири»), «Новости для потребителей» (реклама Торгового Дома «Гратис»), анонс фильма (реклама коттеджного поселка «Фирсова Слобода») и др. Это одновременно своего рода игра Е. Платонова со зрителем на узнаваемость и внутри кадра,

и за кадром, яркий штрих его режиссерского и актерского почерка. Талантливый режиссер и актер включает зрителя в свое действо здесь и сейчас, учитывая имманентно присущее поведению человека игровое свойство. Все творчество Е. Платонова можно считать убедительной современной иллюстрацией игровой концепции культуры. Однако «Homo ludens» Е. Платонова – это «человек играющий» уже XXI века: удовлетворяя скрытые мотивы потребителя, режиссер виртуозно управляет мотивами здравого смысла. Такая игра – это и проявление творческой индивидуальности, и своего рода психологический рецепт успеха рекламы Евгения Платонова.

Большой интерес представляют и социальные проекты телерекламы «Вега ТВ». Свою гражданскую позицию режиссер Е. Платонов в содружестве с художником К. Зайвием недвусмысленно заявляет уже в начале 2000-х гг. и в политической, и в социальной рекламе. «Глаголом жечь сердца людей…» – именно так он понимает миссию режиссера своего времени: именно слово в этой рекламе становится рельефом, а видеоряд фоном. Бескомпромиссно, жесткими слоганами, честными документальными кадрами и резкими монтажными переходами в постановочной рекламе привычно мягкий и интеллигентный режиссер точно и сильно буквально наотмашь бьет по засилью чиновников начала 2000-х гг.

В этот же период, когда страну захлестнула волна наркомании, по заказу Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Евгением Платоновым создается целый цикл рекламы антинаркотической направленности. Особое место среди них занимают ролики с опорой на черно-белое документальное кино под слоганом «Этого не должно быть». Реклама была отмечена на международном фестивале рекламы 2007 г. Однако социальных проектов крайне мало в силу того, что реклама такого рода спонсорская, а спонсорской инициативы в крае практически нет. Следует подчеркнуть, что спонсорскую помощь оказывает сама телекомпания, возглавляемая Евгением Платоновым: проявляя добрую волю, творческий коллектив безвозмездно в течение многих лет поддерживает местный клуб кикбоксинга «СТИК», продвигая талантливых начинающих спортсменов, оказывая рекламную поддержку.

В это же время Е. Платонов открывает еще одну грань своего творчества, создавая вместе со своей командой «одежду каналов», подчеркивая общую идею, стиль каждого из двенадцати каналов, помогая зрителю идентифицировать, узнать тот или иной канал и обеспечить индивидуальные предпочтения.

Е. Платонов и К. Зайвий успешно работают и в области имиджевой рекламы. Так, реклама бутика «Мода Парижа» в 2008 г. также получила признание на одном из международных фестивалей. Нежные пастельные краски, полупрозрачные хрупкие и пластичные образы, фиксирующие своей необычностью внимание зрителя, не оставляют сомнений в аттракционности использованного подхода.

К сожалению, с 2005 г. творческого подъема в региональной телерекламе не наблюдается, что связано с установкой рекламодателей на чисто информационные подходы, а это, в свою очередь, обусловлено, пожалуй, меньшим доверием потребителя к рекламной информации в целом и минимальными бюджетами заказчиков. Время потребовало ориентации на иные подходы. Но даже информационные ролики интересны огромным разнообразием технических и художественных приемов – от компьютерной графики до игрового кино. В информационной рекламе авторам удается сочетать по три-четыре демонстрационных приема, а иногда и больше (так, в рекламе предприятия «Кристалин», выпускающего медицинскую технику, зритель узнает и историю производства рекламируемого продукта, и его уникальность, и сферу применения, его состав и качество, и спрос на товар). Кроме того, в роликах Евгения Платонова и Константина Зайвия реализуются разнообразные способы структурирования информации: описательный (вода «Артезианская»), кумулятивный (мебельный салон «Мир кухни»), линейная логика, иерархическая логика, хронологический способ (компания «Кристалин») и др.

Компромиссным ответом на требования времени стали также ролики Евгения Платонова репортерского типа, совмещающие «чистую» рекламу с элементами репортажа (в частности, ролики, рекламирующие Торговый Дом «Гратис»).

Евгений Платонов выходит на экран уже героем-аттракционом в собственных роликах, примеривая маски (Дед Мороз и репортер («Гратис»), начальник «Аргус»), меняя образы, но сохраняя присущие режиссеру искренность и артистизм. Этим объясняется интерес к его творчеству со стороны коллег по цеху. Так, сегодня Е. Платонов – лицо строительной компании «Оригинал» (телевизионная и наружная реклама Алексея Тетерятника). «Свой парень», благодаря бесспорному обаянию, он убедителен уже внешне, в считанные секунды Е. Платонов погружает зрителя в свою игру, в беззвучное, но представление: «Улыбайтесь, господа!». Главный же творческий цех актера, режиссера и сценариста Евгения Платонова по-прежнему – телекомпания «Вега-ТВ».

Телекомпанию «Вега-ТВ», созданную при непосредственном участии Е. Платонова в 1998 г., и сегодня отличает слаженная и напряженная работа. Создавая более двадцати рекламных роликов в месяц, команда Евгения Платонова и Константина Зайвия занимает прочные позиции на рынке рекламных услуг Алтайского края. Трансляция рекламы ежедневно идет на каналах СТС и «Домашний». Большей частью информационная, она помогает зрителю определиться в правильном покупательском выборе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анатомия рекламного образа / Под общ. ред. А. В. Овруцкого. – СПб. : Питер, 2004.– 224 с.
2. Вохменцева, Н. В. Рекламная пауза на Алтае (об основных направлениях телевизионной рекламной деятельности на Алтае). – Реклама на Алтае: история и современность: колл. монография / Под ред. И. Н. Никулиной. – Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2012. – С. 161–191 с.
3. Лебедев-Любимов, А. Н. Психология рекламы. / А. Н. Лебедев-Любимов. – СПб. : Питер, 2004.– 368 с.
4. Липков, А. И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона / А. И. Липков. – М. : Наука, 1990.– 240 с.
5. Антюфеева, Е. В., Павлова, Н. Г., Пашкевич, Т. В., Знак в системе рекламной коммуникации: колл. монография / Е. В. Антюфеева, Н. Г. Павлова, Т. В. Пашкевич. – Барнаул : Издательский дом Барнаул, 2010. – 118 с.
6. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России / О. А. Феофанов. – СПб. : Питер, 2001.– 384 с.: ил.
7. Эйзенштейн, С. М. Избр. произведения: В 6 т., Т.1. – М. : Искусство, 1964. – 696 с.
8. Эйзенштейн, С. М. Монтаж аттракционов // Избр. произв.: В 6 т. – Т.2. – М. : Искусство, 1964. – 566 с.
9. Юткевич, С. И. Контрапункт режиссера / С. И. Юткевич. – М. : Искусство, 1960.– 448 с.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАЧЕСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

А. Н. Дунец

Казачество на Алтае появилось на этапе закрепления этой территории за Россией. На протяжении длительного времени казаки составляют очень небольшую, но крайне интересную часть общества. Казаки, пришедшие на Алтай в начале XVIII в. и являются носителями культуры, которая отражала культурно-исторические традиции населения из различных регионов России. В разное время Сибирское казачье войско пополняли терские, донские, запорожские казаки. В казаки также верстались солдаты и государственные крестьяне.

Период гражданской войны стал трагической страницей в истории казачества. Относить себя к казачеству стало опасно. В советский период был разрушен традиционный уклад жизни казачества.

Казачье движение на современном социально-историческом этапе развития российского государства продолжает оставаться в сложных и противоречивых условиях своей институционализации. За 25 лет развития казачества в России многое изменилось, но целый ряд проблем сохранился.

С середины 1990-х гг. происходили сложные политические движения, которые не обошли казаков. При всех политических разногласиях казачьи группы не могли дать четкого ответа, чем будет заниматься алтайское казачество в современном обществе. На первых порах было активное привлечение людей к возрождению казачества на Алтае. На одной из присяг клятву в верности казачеству и своей Родине дали около 400 человек, которые съехались со всей Сибири. Однако в казачество пришли люди, которые стали внедрять политику, далекую от принципов казачьего служения. Это приводило к различным трениям, непониманиям и к открытой вражде. На собраниях и в печати казаки обвиняли друг друга [7].

Одна из причин вражды казачьих организаций связана с попыткой создания реестрового казачьего войска. Другой причиной является невысокая степень организационной дисциплины в казачьих организациях. Однако одна из главных причин кроется в отсутствии понимания казаками их роли в современном обществе. Приходившие в казачество люди думали, что они будут выполнять много важных функций делегированных государственной властью.

Проблема разобщенности казачества в Алтайском крае актуальна и по сей день. Казаки до сих пор не могут найти общей основы для совместной деятельности. В настоящее время практически единственное, что объединяет казаков это православная вера и интерес к традиционной казачьей культуре.

В 2011 г. по мнению атамана Алтайского отдельского казачьего общества Сибирского казачьего войска, в крае насчитывалось 36 казачьих организаций и обществ, внесенных в государственный реестр. В их составе – почти 4,5 тысячи жителей края, 1 800 из них находились на службе [6]. Проведенные нами полевые исследования в 2015 г. не позволили найти большинства действующих еще несколько лет назад казачьих реестровых обществ. За последние 10 лет осталось не более 1/3 от численности казачьих организаций. Многие разочаровались, так как не смогли реализовать себя, надеялись на поддержку властей.

В Барнауле сейчас действуют пять казачьих организаций, их атаманами являются: Рычков С. Ю., Ерохин А. А., Белозерцев Ю. А., Бучнев А. В., Бессонов В. П. Есть и другие казачьи организации, которые себя активно не проявляют («Союз казаков Алтайского края», «Казаки Алтая» и др.).

С целью анализа социального положения казачества в 2015 г. были проведены социологические исследования в населенных пунктах с традиционным проживанием казаков в районах Алтайского края: Бийский, Быстроистокский, Петропавловский, Чарышский, Краснощековский, Курьинский, Змеиногорский а также в городах Барнаул, Бийск, Рубцовск. В опросе приняло участие 223 казака и 782 местных жителя не относящих себя к казачеству. Кроме того, был осуществлен экспертный опрос среди казачьих атаманов, казаков и специалистов в Алтайском крае, в ходе которого опрошено 50 экспертов. Данные, полученные в результате анкетирования и интервьюирования, были обработаны в программе SPSS 13.0.

Ведущими признаками идентификации с казачеством являются православная религиозность, служение Российскому государству, воинская профессиональная служба и патриотизм [5].

Для анализа этнокультурной идентичности в исследовании использовалось несколько групп показателей. Прежде всего это субъективная оценка идентичности казачества: представления казаков о «настоящих казаках», словах «казак» и «казачество», культурных традициях.

До настоящего времени слово «казак» у многих людей, прежде всего, ассоциируется с военными традициями и воспитанием боевого

духа у молодого поколения (58,7% и 34,5%). Не менее важны ассоциации с духовными традициями и образом жизни казачества (59,6%) (Рисунок 1).

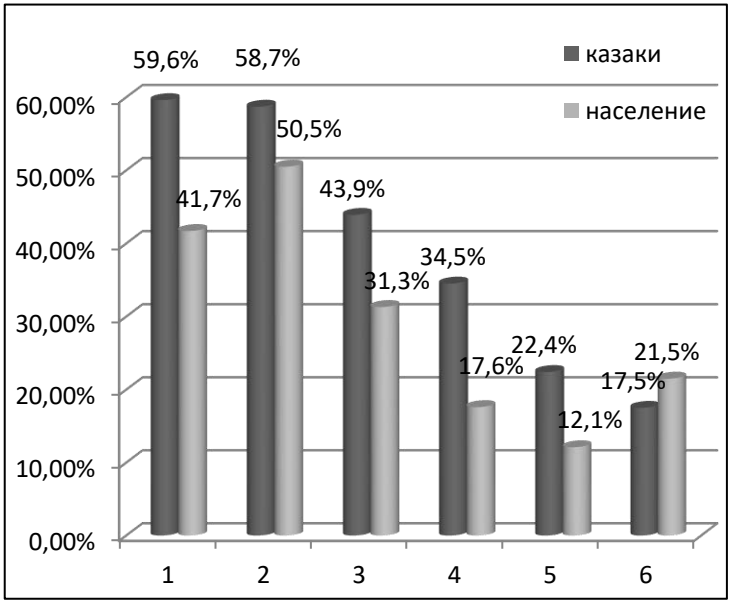


***Рисунок 1** – Ассоциации, возникающие при словах «казак», «казачество».* Условные обозначения: 1 – Духовная традиция и образ жизни; 2 – Военные традиции и воспитание боевого духа; 3 – Ценности служения Родине; 4 – Идеалы воспитания молодежи; 5 – Особые способы ведения хозяйства, особая экономическая модель; 6 – Исторический феномен России

Основой для оценки культурного потенциала казачества является изучение мотивов их участия в казачьих организациях. Можно отметить, что в ответах казаков выделены когнитивные признаки групповой (казачьей) идентичности. Так, 44,9% респондентов отметили такой вариант ответа как «Вера в жизненность казачьего движения», 40,7% – «Семейные традиции, кровное происхождение», 34,6% – «Духовное влияние казачества; связь с православием», 26,6% – «Необходимость защиты России от внешней опасности», 23,8% – «Вера в ценность и эффективность казачьей службы», 22,4% – «Приобщение к старым традициям».

В числе важнейших условий, допускающих переход русского человека на социальное положение казака, указывались и этнические, и социальные факторы. В их числе, по оценке казаков, были названы такие, как: «нужно смотреть его качества», «быть православным», «надо родиться в казачьем крае, быть крещеным, жить среди казаков», «зависит от веры в казачье движение и личных качеств», «принимаем по идеологии», «порядочные русские люди», «нужен зов души».

В казачьих обществах стараются сохранить традиции, прежде всего это относится к формальным взаимоотношениям в организации. В обществах существует совет стариков. Чаще всего у казаков проходят собрания. Некоторые казачьи организации проводят их в помещении при храме или в штабе.

Казачий круг собирается не реже двух раз в год. Это главное собрание в казачьей организации. На кругу обязательно должен присутствовать священник. Начало и окончание собрание связаны с молитвой, которые казаки читают стоя. Председатель совета стариков организации занимает почетное место. Если во время круга жаркие споры превышают допустимую черту, то провинившихся казаков могут удалить с собрания. В случае если на круге у казаков нет порядка, священник может покинуть мероприятие и тогда казаки должны разойтись. Большой круг проходит на самый главный казачий праздник сибирский казаков Николу зимнего.

Важнейшей социальной ценностью и нормой для казаков в России является их приверженность православию, благочестие перед Русской Православной Церковью. Социологический опрос позволил получить данные о современных духовных установках алтайских казаков. Ответы казаков и населения представлены на Рисунке 2.

Абсолютное большинство ответов казаков, более 90%, свидетельствует о доминирующем мнении обязательности православного вероисповедания. Этот принцип верности Законам Божиим содержится и в тексте казачьей присяги. Казаки считают исключительно важным соблюдать церковные традиции и обряды. На приветствие: «Здорово дневали, братья казаки!», следует ответ: «Слава Богу!». Из распределения вариантов ответов населения следует, что они к проблеме верования казаков относятся довольно либерально. С обязательностью веры в Бога по двум шкальным позициям согласны 72,5% опрошенных граждан, что, в общем-то, также является убедительным показателем.

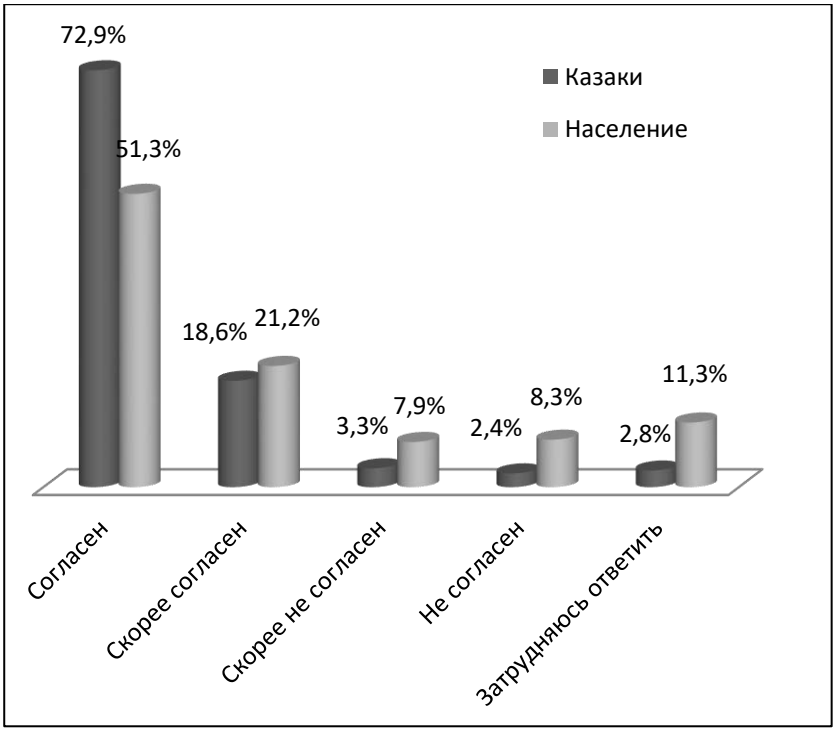


Рисунок 2 *– Значимость вероисповедания для казаков. Ответ на вопрос: Казак – это человек, верующий в бога?*

Большинство населения идентифицирует казачество, опираясь на казачий фольклор. Своеобразие казачьего фольклора определяют военные и походные песни, выражающие специфику идеологии казачества как обособленной сословной группы. В них выражены патриотизм, удаль, смелость, готовность жертвовать собой ради общего дела. В песнях воспеты лучшие качества казака-воина, которыми наделяли, прежде всего, своих атаманов, командиров, тех, кто сыграл важную историческую роль для России на полях брани. Другая особенность казачьего фольклора – преобладание лирического жанра даже в песнях с исторической тематикой.

В большинстве исследуемых нами населенных пунктах с традиционным проживанием казаков имеются казачьи фольклорные коллективы. Некоторые из них являются основой организации туристских программ.

Например, в селе Новопокровское именно казачий фольклорный коллектив занимается приемом и обслуживанием туристов, которых знакомят с казачьими традициями и историческими местами.

Один из наиболее известных творческих казачьих коллективов находится в Чарышском районе. Здесь в 1987 г. создан Чарышский казачий хор. Хор пополняется молодыми участниками из детского казачьего ансамбля «Любо», основателем и руководителем которого является Н. Д. Карпов [5].

Ярким движением духовной культуры казачества на Алтае являются праздники. Наряду с общехристианскими, отмечаемыми всей Православной Церковью, на Алтае с XIX в. отмечают День Сибирского казачества (19 декабря). Более двухсот лет казаки праздновали День казачки, или День матери, совпадающий с праздником Введения Богородицы во Храм (4 декабря) [1].

Ранее проведенные социологические исследования В. А. Дорофеевым в 1990-е гг. выявили высокую значимость преемственности казачьих традиций по родословной. Самосознание продолжительной принадлежности к потомкам казаков является существенным фактором собственной самооценки, статуса в обществе и казачьей организации [2]. Полевые исследования 2015 г. показали, что с утверждением «Казак-это потомок казачьего рода» согласились 53,8% казаков и 57,6% населения, что свидетельствует о том, что для населения более важна принадлежность к казачьему роду, нежели для самих казаков.

Несмотря на то, что доля казаков, которые считают, что «достаточно знакомы» с казачьими традициями составила более половины опрошенных, мы считаем, что сохранение культуры, традиций казачества является основой для его воспроизводства, вследствие чего данное распределение можно считать положительным проявлением признака лишь условно и может считаться косвенным признаком кризиса идентичности. При этом необходимо отметить тот объективный факт, что потомственные казаки имеют гораздо большее расширенное представление о традициях, в отличие от казаков, не относящих себя по родословной к потомкам казаков.

При выявлении общего мнения по поводу успешности развития казачьей культуры в Алтайском крае со стороны казаков и населения были установлены следующие мнения (результаты представлены в Таблице 1). Превалирующим оказалось мнение о том, что хотя и медленно, но казачья культура развивается: 47,9% – казаки и 35,7% – население. В среде казаков близки противоположные оценки: казачья культура – это

просто история без развития в настоящее время – 18,2% и в целом казачья культура развивается – 18,6%. Мнения об утрате казачьей культуры высказали 11,6% казаков и 17,4% населения.

Таблица 1 – Результаты ответов на вопрос: «Оцените развитие казачьей культуры на Алтае»

Варианты ответа	**казаки**	**население**
1. Казачья культура – это просто история без развития в настоящее время	18,2%	14,4%
2. В целом казачья культура утрачивается	11,6%	17,4%
3. Казачья культура развивается, хотя и медленно	47,9%	35,7%
4. В целом казачья культура развивается	18,6%	13,8%
5. Затрудняюсь ответить	3,7%	18,7%

Интересны явно выделяющиеся точки зрения населения и казаков по поводу препятствий в развитии казачьей культуры. Казаки указывают на слабое практическое участие властных органов в поддержке казачества – 39,1% ответов и необходимость финансовой помощи – 34,9%, а население со стороны считает, что в развитии казачьей культуры заинтересован узкий круг лиц – 33,4% ответов и на втором месте у них то, что казаки считают первостепенным (29,5%). Пассивность членов казачьих организаций отметили 17,7% казаков и 14,4% населения. Кроме того, граждане указали на отсутствие современных идей и инициатив со стороны самого казачества – 12,8%. Обращают на себя внимание и такие оценки казаков как, ничто не препятствует – 14,9% и участие в развитии культуры не приносит дохода участникам – 11,2%.

Многие казаки мечтают о создании музея. Например, Ю.А. Белозерцев на протяжении многих лет пишет картины о знаменитых казаках Алтая и важных исторических событиях. У него есть проект войскового музея истории и культуры. Небольшой музей казачества начали создавать в воскресной школе Никольского храма в Барнауле.

Большую работу по изучению и популяризации казачьих песен ведет народный фольклорный ансамбль «Вечерки», являющийся коллективом Государственной филармонии Алтайского края. Ансамбль русской песни «Вечерки» был создан по инициативе Натальи Бондаревой. Значительную часть репертуара ансамбля составляют песни, записанные его участниками в фольклорных экспедициях в разных районах Алтайского края.

В репертуаре ансамбля немало ярких, театрализованных концертных программ, среди которых сцены из жизни казаков «В казачьей станице» и «Любо, братцы!» [1].

Большое значение для развития культуры имеют казачьи праздники. Традиционным стал международный казачий фестиваль в Белокурихе. Проходят праздники казачьей культуры в Антоньевке, Чарышском, Змеиногорске. Один из важных праздников – это «Потомки Ермака». В Змеиногорске установлен памятник Ермаку. В рамках праздника проходит крестный ход от Преображенской церкви к памятнику. Зрители могут увидеть обряд верстания в казаки, традиционные состязания казаков в силе и ловкости, как то: перетягивание каната, джигитовка, стрельба из пневмовинтовки. В заключительной части праздника проводится концерт творческих коллективов.

Устраивают казачьи организации военно-патриотические сборы для молодежи. Это очень важны для популяризации казачьей культуры. Например, в Рубцовском районе известно мероприятие для детей: «Хорошо, что я казак».

Таким образом, начавшийся процесс возрождения казачества в Алтайском крае с начала 1990-х гг. и до настоящего времени проходит с многочисленными сложностями и противоречиями. В значительной мере в последние годы произошло очищение казачьих организаций от большого числа людей желающих получить личную выгоду благодаря своему членству в казачестве.

Богатое историко-культурное наследие казачества в настоящее время не в полной мере востребовано местным населением по причине длительного забвения в советский период истории. 30% респондентов отметили роль казачества в культурно-историческом развитии собственного поселения как «незначительную». В настоящее время казачество пытается сохранить традиции и порядок в своих рядах.

Для сохранения этнокультурной идентичности казаков Алтайского края на данном этапе необходима как поддержка со стороны государственных органов власти (признание казаков в качестве группы русских первопоселенцев Алтая и хранителей уникальной культуры), так и активная деятельность самого казачества в поддержании традиций, воспроизводстве культурных ценностей, групповой идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева, Н. И. Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции Чарышского казачества / Н. И. Бондарева. – Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2006. – 163 с.
2. Дорофеев, В. А. Основные закономерности и тенденции социального воспроизводства казачества в контексте эволюции российской государственности (опыт концептуального историко-социологического анализа). Дис. доктора соц. наук. – Барнаул, 2001. – 393 с.
3. Исаев, В. В. Традиционная культура сибирского казачества в историко-культурном наследии Алтайского края и перспективы ее использования в туризме / В. В. Исаев, А. Н. Дунец // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47). – С. 322–324
4. Карпов, Н. Д. История станицы Чарышской: сб. ст. и док. / Н. Д. Карпов. – Барнаул : Алт. дом печати, 2012. – 318 с.
5. Куква, Е. С. Этнокультурная идентичность казачества России // Вопросы казачьей истории и культуры: Выпуск 5 / ред.-сост.: М. Е. Галецкий, Н. Н. Денисова, А. Ю. Муляр. – Майкоп : ООО «Качество», 2010. – С. 28–33
6. Лырчикова, С. Казачий полковник Белозерцев о будущем алтайского казачества // Аргументы и Факты. № 31. – 03.08.2011
7. Профессия – Родину защищать // Епархиальный вестник «Алтайская миссия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://altai.eparhia.ru/eparhia/news/?ID=6767

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОТМИРАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Ю. М. Ермаков

У лингвистов существует выражение, что наиболее прогрессивные слова – это долгоживущие. Скажем, орудия труда: лопата, молот, серп известны в русском языке с X– XI вв. и не собираются выходить из употребления. Другие архаизмы: аркбаллиста – мощный лук с лебёдкой для натягивания тетивы, аркебуза, пищаль, камнемёт канули в историю. Но древнегреческая катапульта (греч. catapetles) закрепилась в современной терминологии как установка для запуска самолётов с авианосца и как устройство для экстренного отделения объекта от летательного аппарата.

Термины появляются с новыми знаниями и тем интенсивнее, чем шире новая область. Наглядным примером служит информационно – компьютерная терминология, рождённая наукой о кибернетике с 1948 г. и развитием электроники за последние полвека.

Технические термины консервативны, как и сама наука механика, насчитывающая со времён Архимеда 2300 лет [1]. Новые термины связаны с изобретениями деталей машин и механизмов. Деталей за последние двести лет придумано немного: реактивная турбина и пропеллер в X1X веке; гибкий вал, гибкое зубчатое колесо и упругий угловой элемент в XX веке; резьбовой тор и синусоидальный винт в XX1 веке. Новых механизмов из комбинаций деталей машин на полтора порядка больше: волновая зубчатая передача, круговинтовая передача с жёстким или упругим винтом в форме тора (рис.1), свыше десятка упругодеформируемых механизмов (рис.2).

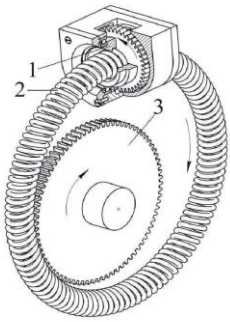


Рисунок 1 – *Круговинтовая передача.* 1 – гайка, 2 – круговой винт-пружина, 3 – ведомое колесо

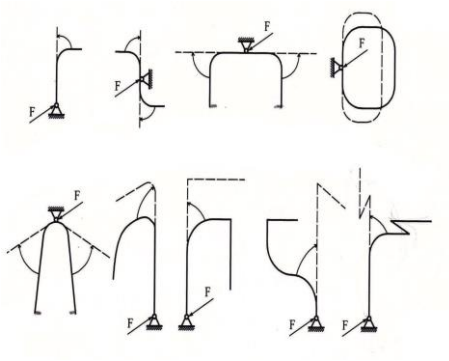


Рисунок 2 *– Схемы упругодеформируемых механизмов*

Особую группу составляют транспортные и бытовые технические термины, получившие распространение в первой половине XX в.: автомобиль, самолёт, грузовик, термос и сотни других понятий вплоть до холодильника, шофёра и элеватора. Во второй половине XX в. к информационному взрыву терминов добавляются производные понятия: мехатроника – механика и электроника; машино- и механостаз – состояние машин и механизмов; герономехалогия (греч. heron – старец) – наука о старении механизмов; жизненный цикл (изделия); синергетика (греч. syn – вместе, ergos – работа) – самоорганизация систем с наилучшим результатом [2].

Отмирание старых технических терминов происходит при их замене новыми словами того же значения: *живая* сила – динамическая сила, *мятый* пар – отработанный пар, *люфт* – зазор. Некоторые термины отмирают в связи с упрощением техники, особенно механизмов управления. Среди них командоаппарат, коробка Нортона, передача меандр, гитара сменных колёс, перебор, накидная шестерня, трензель. Информационная революция устраняет такие «тяжеловесы» как копировальная бумага (копирка), пишущая машина (печатающая), лента красящая для пишущих машин, диапозитив – слайд, эпидиапроектор – эпидиаскоп и другие.

Для сравнения, образец технической лексики первой половины XIX в. «Верхний лежачий вал в описываемых мною мельницах, – сообщает новатор Ф. Владимиров-Смородинов, – обыкновенно вращался на шее, по окружности коей вбиты были стальные или чугунные поддоски, которые и обращались на чугунном, стальном или каменном подголовье (рис.3). Неудобства от сего происходили следующие: во-первых, от тяжести вала, кулачкового колеса и крыльев, насаженных на

ополь, происходило в шее валовой величайшее трение, препятствующее весьма много скорому и легкому ходу всей машины. Во-вторых, никогда мазь на подголовье не могла хорошо держаться, а от трения стекала по стене мельничного амбара. В-третьих, подоски разгорячались, вал в шее перегорал и ломался».

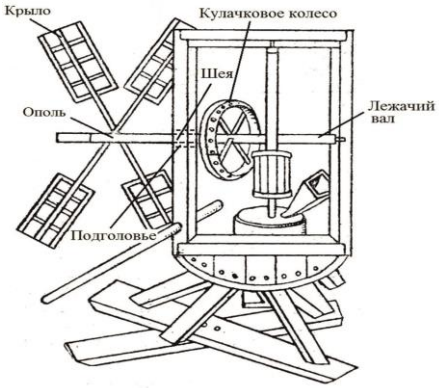


Рисунок 3 *– Механизм ветряной мельницы, XVII в.*

Остановимся на этом отрывке из сочинения упомянутого автора «Об усовершенствовании ветряных мельниц, касательно легчайшего их хода», СПб., 1824 [4]. Выберем из него несколько старинных технических терминов. В порядке упоминания: лежачий вал, шея, вбиты, стальные или чугунные поддоски, подголовье, ополь. Сравним их с современными: горизонтальный вал, шейка, запрессованы, вкладыши, подшипник скольжения, консоль. А как забавны технологические признаки в выражениях: «происходило в шее валовой величайшее трени, поддоски разгорячались, вал в шее перегорал и ломался». Живой разговорный язык в технике!

Бытовые слова, применявшиеся для обозначения технологических и технических понятий, заменяются специальными терминами. Дрязга становится металлической стружкой (XVIII в.), щепа – стружкой большого сечения (начало XIX в.). Тогда же подушка стала называться подшипником, а зубчатая полоса – зубчатой рейкой [3]. Ещё в первой четверти XX века токарный станок называли самоточкой, ручную подачу резца – питанием, механическую подачу – самопитанием. Питание осталось как процесс поступления жидкого металла в отливку; питатель – как элемент литейной системы и как загрузочное устройство технологического оборудования. Остаются наждак и камень. Камень как круг

(!) наждачный – тот же наждак, ещё – ползун кулисы, и камень как подшипник скольжения оси колёсика, триба в часовом механизме.

Долгоживущая доска, помимо своего прямого назначения, служит основанием навесного орудия, например, многолемешного плуга; держателем инструмента: волоки – волочильная доска, строгального резца – откидная доска; местом расположения приборов – приборная доска. Есть и трубная доска – диск с отверстиями для крепления труб водогрейных котлов. Особое место отведём резонансовой доске для музыкальных инструментов из так называемой резонансовой ели.

Вышли из употребления винтовальная доска – закалённая пластина с несколькими резьбовыми отверстиями для нарезания различных резьб, стиральная доска для ручной стирки. Уходят в запас чертёжная доска (кульман) и классная доска. Через полтора века вернулся термин подушка в значении опора с определением *воздушная* для транспортных средств, *аэростатическая* для направляющих и шпинделей, *электромагнитная* для линейных двигателей.

Редактор компьютера подчёркивает специальные, по его мнению, сомнительные слова: установ (за один установ); фасочный и канавочный (резцы), проворот (проворот режущей вставки), но не имеет претензий к хомуту (соединение вставки хомутом с державкой). Выходит, хомут – прогрессивное слово. Специальные слова ждут своего часа в разговорной речи, например, канавочный рельеф, резьбовой профиль, фасочный край.

Техническая терминология служит надёжной опорой разговорного языка [5]. Многие технические термины вошли в бытовое употребление. Среди них – аппарат, звено, машина, механизм, опора, потенциал, рычаг и другие слова в выражениях: исполнительный аппарат, опорно-двигательный аппарат, передаточное звено, машина голосования, механизм реализации, творческий потенциал, рычаг воздействия, технология творчества. Многообразие языка отражает глубину культуры, науки, истории народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголюбов, А. Н. Творения рук человеческих: Естественная история машин / А. Н. Боголюбов. – М. : Знание, 1988. – 176 с.
2. Ермаков, Ю. М. Технические термины бытового происхождения: Словарь / Ю. М. Ермаков. – М. : Изд. дом «Техника – молодёжи», 2008. – 184 с.

3. Загорский, Ф. Н. Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX века / Ф. Н. Загорский. – М.; Л. : АН СССР, 1960. – 282 с.
4. Крагельский, И. В. Роль отечественных учёных в развитии теории сухого трения /Сб.: Труды по истории техники. Вып. VII. – М. : АН СССР, 1954.– 126 с.
5. Машиностроение: Терминологический словарь / Под общ. ред. М. К. Ускова, Э. Ф. Богданова. – М. : Машиностроение, 1995. – 592 с.

ОПЫТ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АЛТАЯ И МОНГОЛИИ: АСПЕКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ[1]

Л. Н. Лихацкая, Н. С. Царева

Культурное сотрудничество Алтая и Монголии в области изобразительного искусства – явление уникальное, замечательное и долговременное, которое продолжается не одно десятилетие.

Вехи этого сотрудничества запечатлены и в архиве Государственного художественного музея Алтайского края (ГХМАК), и в творчестве алтайских и монгольских художников, и в публикациях исследователей. Проведено множество совместных выставок работ алтайских и монгольских художников, которые были показаны и на Алтае, и в Монголии. Первые выставки – в 1976, 1982, 1983 гг. с участием Ф. С. Торхова, М. Я Будкеева, И. И. Ортонулова, М. Д. Ковешниковой, В. Егошина, С. Н. Осиночкина, В. Б. Терещенко, Г. Ф. Буркова, Г. А. Удаловой, П. А. Щетинина В. П. Туманова, П. Л. Миронова и др. В настоящее время проводятся исследования в области изобразительного искусства, культуры и истории культуры, работают исследовательские гранты и экспонируются выставки из художественных собраний, проводятся международные конференции.

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-24-03004 «Изобразительное искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI веков: кросс-культурное взаимодействие и влияние художественных традиций»

Культурные связи России и Монголии имеют давнюю историю. Начало культурного сотрудничества алтайских и монгольских художников в первую очередь связано с деятельностью Заслуженного художника России, алтайского живописца Федора Семеновича Торхова, который начинает работать в монгольской тематике с 1974 г., совершая творческие поездки в Монголию. На персональных выставках экспонировались пейзажные и портретные работы о Монголии: («По монгольскому Алтаю» (1974, Барнаул, Рубцовск; 1975, Москва); «На просторах Монголии (1979, Ульгий, МНР; 1994, Москва, Улан-Батор, МНР); «Алтай-Монголия» (Барнаул, Рубцовск, Улан-Батор, МНР); «Монголия в образах и лицах» (Алейск, Улан-Батор, МНР) и др.). В 1979–1991 гг. Ф. С. Торхов становится председателем Алтайского отделения Общества советско-монгольской дружбы, затем ведет большую работу в Центральном правлении Общества друзей Монголии. Один из аспектов его работы – организация международных и зарубежных выставок и пленэров. Так в 1977 г. в Улан-Баторе (МНР) экспонировалась выставка произведений алтайских художников «Земля алтайская». В 1982–1984 гг. работала творческая группа «Алтай-Бага-нур-Гоби», а в 1986–1988 гг. «Алтай – горы дружбы». Эта культурная деятельность имела не только творческий успех, обмен опытом, но и большой общественный резонанс как в России, так и в Монголии. В 1984 г. в Москве, Улан-Баторе и Барнауле состоялась выставка «Алтай-Бага-нур-Гоби», а в 1988 г. в Ульгии, Ховдо (МНР), Горно-Алтайске и Барнауле (Россия) [9]. Выставки сопровождались информацией в прессе, на радио и телевидении, издавались буклеты и каталоги [3, 5, 10].

В 2000 г. Ф. С. Торхов открыл персональную картинную галерею в краеведческом музее г. Ульгия (МНР). Он передал в дар Монгольскому государству 120 своих произведений. За плодотворную деятельность в области культурного сотрудничества Федор Семенович Торхов удостоен звания «Почетный гражданин Баян-Ульгийского аймака Монголии» и «Почетный гражданин г. Ульгия», награжден высшей правительственной наградой Монголии – орденом «Полярная звезда» и почетным знаком «Звезда дружбы», медалью «Найрамдал» (Дружба), Почетной грамотой Совета министров МНР и др.

Активную позицию в поддержке культурных связей Алтая и Монголии занял Государственный художественный музей Алтайского края, начавший собирать произведения художников Монголии XX в. и предоставивший свои экспозиционные залы для выставок.

В 1983 г. в ГХМАК – открылась выставка «Монголия в творчестве алтайских художников», посвященная 62-й годовщине провозглашения

Народной Монгольской республики. В 1984 г. – выставка в Москве в Центральном выставочном зале совместной выставки работ алтайских и монгольских художников. Основой для нее послужат произведения, выполненные в Монголии и на Алтае. Осенью этого года гостями нашего края станут монгольские художники. Они совместно с алтайскими совершат поездку по краю с целью его изучения и воплощения в искусстве. «Художественное открытие древней и юной страны состоялось. Оно обогатило не только содержание, но и эмоциональный выразительный язык алтайского искусства», – из аннотации к выставке «Монголия в творчестве алтайских художников» [2].

Самыми первыми работами, положившими начало собрания произведений монгольских художников в музее, были произведения Ням-Осорына Цултэма (1923–2001), народного художника МНР (1974), председателя Союза художников Монголии (1955–1990), Лауреата Государственной премии МНР, искусствоведа, автора множества статей и книг. Две его монографии: «Искусство Монголии с древнейших времён до наших дней» и «Выдающийся монгольский скульптор XVII века Г. Дзанабазар» были опубликованы в Москве на русском языке еще в 1982 г.

В 1983 г. с персональной выставки Цултэма, которая с успехом прошла в Барнауле, в музей поступили четыре работы художника, три графических и одна живописная. Это удивительно красивые акварели мастера конца 1970-х - начала 1980-х годов: «Баян-Хор-Гора» (1981), «Гора Сонгино» (1978), «Река Тамир» (1981) и живописный портрет «Женщина в национальном головном уборе» (1978).

Ням-Осорын Цултэм – признанный классик монгольского искусства XX века – яркий самобытный мастер. Показательна, в этой связи, и его творческая биография. Родился будущий художник в Архангайском аймаке. В 1930 году он был отдан в один из уланбаторских монастырей для обучения иконописи. С 1940 г. работал в Государственном театре помощником художника, одновременно занимался в вечерней изостудии, где в то время преподавали советские художники С. А. Бушнёв, Н. Н. Бельский и наш сибирский талантливый мастер К. И. Померанцев. Они обучали творчески одаренную монгольскую молодежь основам европейского изобразительного искусства, русской и советской реалистической школе живописи. В 1944 г. Цултэма назначают на должность первого художника студии «Монголкино». Он принимает участие в создании исторического художественного фильма «Цогту тайж» («Степные витязи»). В 1945 г. получает направление в Москву на

учебу в Государственный художественный институт им. В. И. Сурикова, где учится в мастерской С. В. Герасимова. В 1951 г. после окончания института возвращается на родину. Ням-Осорын Цултэм – глубоко национальный художник. Основу содержания большинства его произведений составляют монгольские национальные мотивы. Как утверждали искусствоведы, его творчество зиждется на фундаменте советской реалистической живописной школы и глубоком знании традиционной старинной живописи «монгол-зураг». Каждая работа Цултэма – это всегда открытие нового, даже в привычных и повседневных явлениях, в их изображении и трактовке всегда читается активное эмоциональное отношение художника, собственное видение мира.

Так видеть мир мог только настоящий поэт, о чем свидетельствуют и две другие работы художника, красивейшие живописные полотна «Озеро Даян» (1987) и «Цамбагарав» (1988), посвященные удивительной природе Монголии: высокогорному пресноводному озеру и величественнейшему горному массиву. Картины поступили в коллекцию музея с выставки «Алтай – горы дружбы» в 1988 г. Выставка проходила в Барнауле, и, так же, как и первая, 1984 г.– «Алтай – Бага-нур-Гоби», запомнилась и полюбилась алтайскому зрителю.

Во вступительных статьях каталогов к выставкам «Алтай – Бага-нур-Гоби» и «Алтай – горы дружбы» художник Федор Семенович Торхов подробно рассказал об истории создания обоих экспозиций и о художниках – участниках выставок. Всем без исключения монгольским художникам в своих произведениях удалось создать правдивый и проникновенный образ Алтая, его природы и жителей, передать свойственную времени романтику производственных будней, будь-то строительство Коксохимического комбината в Заринске или работу на алтайских колхозных полях.

Один из самых лиричных монгольских художников, участник обеих выставок – Баргудай Хайнзангийн Содномцэрэн (р. 1947) – художник и педагог, с 2009 г. заслуженный профессор. Он родился в 1947 г. в сомоне Сонгино аймака Завхан. В 1975 г. Содномцэрэн заканчивает живописное отделение Государственного педагогического института в Улан-Баторе и с 1978 г. становится постоянным участником многочисленных республиканских и зарубежных выставок. Он дипломант ряда международных конкурсов, и лауреат премии Союза монгольских художников. В музейном собрании художник представлен портретами: «Хореограф Г. А. Прилукова» (1983), «Алтайский сказитель Калкин» (1988), «Чабан Екатерина Топчина» (1987), «Галя» (1987)

и взволнованными лирическими композициями: «Три девушки» (1988), «Алтайская мелодия» (1983).

Художник Очирын Мягмар (р. 1930) с 1961 г. до выхода на пенсию работал на студии «Монголкино», был главным художником киностудии, участвовал в создании более 30 фильмов, в том числе популярной и в наши дни кинокартине о Великой Отечественной войне «Через Гоби и Хинган» (1981). Профессиональное образование он получил в художественном училище в Улан-Баторе и в Москве на художественном факультете Всесоюзного государственного института кинематографии. Всю жизнь художник постоянно участвовал на выставках как живописец. Он мастер исторического жанра, портрета, пейзажа. В Барнауле для пополнения музейной коллекции у него было приобретено четыре работы «Побережье озера Даян» (1987), «Горы Сергаль Хайрхан», (1987), «На полях колхоза им. Шумакова» (1984) и «Портрет алтайки» (1984).

Монгольский живописец Ристан Омирзак (р. 1950) свое художественное образование получил в Германии. В 1980 г. он окончил Высшую художественно-промышленную школу (ныне Высшая школа искусств и дизайна) в старинном немецком городе Галле, директором которой в 1975–1987 гг. был известный немецкий художник Вилли Зитте. Он и стал одним из непосредственных учителей Ристана Омирзака. Другим его учителем был Иоганнес Вагнер. Успешно окончив институт, Омирзак возвращается на Родину, где возглавляет Баян-Ульгийское отделение Союза монгольских художников. Его первая картина «Беркуты» приобретается Республиканским музеем изобразительных искусств. Главные герои его полотен – Западная Монголия, ее природа и люди. В художественный музей Барнаула с двух выставок поступило шесть работ: «Озеро Харус» (1988), «Гора Актру» (1988), «Телецкое озеро после дождя» (1984), «Портрет бригадира из колхоза XXI партсъезда в Горном Алтае» (1983), «Полив в колхозе им. Шумакова» (1984) и самая запоминающаяся работа мастера «Хлеб» (триптих, 1988).

Разнообразием, мастерством и техничностью исполнения отличаются работы монгольских графиков из собрания музея. Линогравюры, офорты, мягкий лак, рисунок карандашом, акварелью или гуашью в исполнении монгольских художников привлекают внимание зрителей и специалистов.

Нанжаа Содном (р. 1946) работает в жанре книжной и станковой графики. Образование художник получил в Улан-Баторе, в Государственном педагогическом институте. С 1977 г. Содном активно участвует в республиканских и международных выставочных проектах,

оформляет книги монгольских писателей. Так, за оформление книги Л. Тогмида «Арсландай – мэргэн батор» в 1982 г. Содном получил Почетный диплом на международной выставке в Чехословакии «БИБ – 82». Десять работ художника находятся в нашем музее, из них две гуаши: «Бирюзовый Алтай» и «Художественная самодеятельность. Мелодия» (1988); два офорта «Красавица Алтая» (1988) и «Горы Сумбэр» (1988); две работы, выполненные в технике – мягкий лак «Гуси» (1988) и «Золотое озеро» (1988); три линогравюры «Ритмы золотой осени Алтая» (1983), «Поселок Балыктуюль» (1983), «Центр аймака – город Ульгий» (1983) и один карандашный рисунок «Алтайская мелодия».

Доржийн Мишиг (1940–1994) мастер акварели и главный жанр, в котором безупречно работал признанный акварелист, – жанр портрета. С 1960 г. художник участвовал в выставках разного уровня как в Монголии, так и за ее пределами. В Барнауле на выставке «Алтай – горы дружбы» (1988) мастер показал пятнадцать своих работ, четыре, выше упомянутые акварели, остались в нашем Художественном музее: акварели «Ударник труда доярка С. Цедег» (1988), «Гора Баян Ул» (1988), «Студентка из Кобды» (1988), «Машинист ДЭС В. Шлынас» (1988). Хочется заметить, что работы Доржийна Мишига еще раз демонстрировались на выставке в Барнауле. Это случилось в июле 1999 года, когда в рамках международной конференции «Алтай. Космос. Микрокосм» в Художественном музее открылась выставка «Алтай: от России до Монголии», подготовленная с российской стороны – рериховским центром «Корона Сердца», с монгольской стороны – обществом «Алтай XXI век». На этой выставке рядом с работами, к сожалению, рано ушедшего из жизни, классика монгольского акварельного портрета Доржийна Мишига экспонировались работы еще двух живописцев – Максара Дамдинсурена (р. 1945) и Хавдолая Болдбаатора (р. 1969). Главная тема их пейзажной живописи Монгольский Алтай.

Яркие чистые краски в палитре художника Хавдолая Болдбаатора передают необычайную для европейского взгляда экзотику его родных мест: поднимается и тает в облаках, словно сказочный мираж, голубая вершина, у подножья которой застыла бирюзовая гладь озера, лишь трава дрожит на ветру, и только белые чудо-птицы шумом своих крыльев нарушают этот идиллический покой «Озеро Харус» (1999). Но вот изумрудная зелень степи постепенно уступает место высушенным солончакам и жестким кустарникам верблюжьей колючки, переходя в ровную, как стол, каменную пустыню Гоби – картина Максара Дамдинсурена «Пустыня» (1999). Полотно художника удивительным образом перекликается со строками монгольского поэта Денгетийна Цоодола:

«… Как остро свободная пахнет пустыня!
Чем дальше от юрты, тем кажется выше верблюд.
Миражи как сети, безмолвная Гоби раскинет –
Верблюды колоннами в мареве знойном плывут.

Природа внимательно взор на тебя устремила,
Чтоб каждой песчинкой запомнить творенье свое.
Ты движешься медленно, странно, печально и лило.
Бессмертное небо застыло в молчанье своем» [12].

С выставки «Алтай: от России до Монголии» музейное собрание пополнилось на две работы, которые художники преподнесли музею в дар.

Новая встреча алтайских зрителей с монгольским искусством состоялась в 2006 г. на выставке «Хах тэнгэр – Голубое небо». Она была организована администрацией Алтайского края, администрацией города Барнаула, представительством Алтайского края в Монголии, Союзами художников Монголии и России. Выставка была посвящена 800-летию образования Великой Монгольской империи и экспонировалась в выставочном зале Союза художников, где было представлено 100 работ живописи, графики, декоративно-прикладного искусства современной Монголии. К сожалению, с той выставки музей не смог приобрети новые работы, но коллекция музея пополнилась позже. В юбилейный для музея год, на праздновании 55-летия музея искусствовед Михаил Юрьевич Шишин передал в дар музею графический триптих монгольской художницы Байгаль Пурэвсух, и мы надеемся, что и впредь собрание нашего музея будет прирастать новыми произведениями, так как культурные связи России и Монголии продолжают развиваться. Молодые монгольские дизайнеры и архитекторы обучаются в нашем Алтайском государственном техническом университете им. И. И. Ползунова. Они не только получают здесь профессии, востребованные на родине, но и заводят друзей. Продолжается творческая работа в монгольской тематике художников-участников творческих поездок 1980-х гг. [7, 6]. Собственно, творческие поездки в Монголию – явление постоянное. Активным деятелем этого сотрудничества является Анатолий Прокопьевич Щетинин – один из участников первой и всех последующих российско-монгольских творческих групп. Он продолжает разрабатывать в своем творчестве монгольскую тему и продолжает работать в области

культурного международного сотрудничества. Галеристы А. П. Щетинин и И. В. Щетинина организуют в собственной Арт-галерее Щетининых (Барнаул) своеобразные выставки-отчеты о творческих и исследовательских поездках в Монголию. А. П. Щетинин – член Союза художников России, художник-живописец, пейзажист и портретист. Он постоянный участник всероссийских зарубежных и международных выставок, а также около 20-ти персональных [8].

Успешны другие участники исторических пленэров – наши известные художники. Это Михаил Яковлевич Будкеев, живописец, пейзажист, народный художник России, друг и соратник Ф. С. Торхова. Это живописец Владимир Петрович Чукуев, член Союза художников России, заслуженный художник Российской федерации, Народный художник Республики Алтай. Это и старейший горно-алтайский художник, живописец и график, Игнатий Иванович Ортонулов, заслуженный художник России.

Совсем недавно в одной из галерей города Барнаула закончила свою работу выставка «Искусство Монголии: архаика и современность» из коллекции искусствоведа, доктора философских наук М. Ю. Шишина. Таким образом, международное сотрудничество успешно продолжается уже в ином, исследовательском ракурсе [1].

В 1990-е гг. начинается планомерная исследовательская деятельность в монгольской тематике. Среди исследователей нужно назвать в первую очередь по значимости вклада имя Михаила Юрьевича Шишина, доктора философских наук, профессора, заместителя директора Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, члена Союза художников России, искусствоведа, эксперта международного координационного совета «Наш общий дом Алтай», руководителя краевого фонда «Алтай – XXI век», лауреата международной премии за экологическую деятельность «Конде Наст Тревелл», члена-корреспондента Российской Академии художеств. С 1997 г. Он является организатором постоянно действующих проектов и экспедиций в Монголию.

Михаил Юрьевич занимается теоретическими проблемами культуры и искусства России и Монголии и их взаимодействия в философском, культурологическом, искусствоведческом аспектах. Это темы о культурологических особенностях трансграничной области на Алтае, историко-культурный аспекты исследования культуры России и Монголии [4, 11].

Если есть дружба между людьми, значит, будут и дружеские отношения между странами, значит, нас ждут новые художественные выставки, научные открытия и пополнение музейных коллекций.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алтай. Пространство. Время. Международная выставка. Живопись, графика, художественная фотография, копии наскальных рисунков, инсталляция: Альбом-каталог / Институт архитектуры и дизайна, Арт-галерея Щетининых, творческая группа Ethno studio. – Барнаул, 2008. – 28 с.
2. Архив ГХМАК. Дело № 29. Раздел 2.
3. Галкина, И. К. Земля древняя и юная / Алтайская правда. – 1983. –21 июля.
4. Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории / Под общей редакцией М. Ю. Шишина, Е. В. Макаровой. – Барнаул : ОАО Алтайский дом печати, 2010. – 313 с.
5. Лихацкая, Л. Н. «Алтай – горы дружбы» / Алтайская правда. – 1986. – 5 октября.
6. Монголия в произведениях алтайских художников. К 90-летию дипломатических отношений России и Монголии. Живопись, графика, микалент, текстиль: Каталог. / Вст. тексты Ф. С. Торхов, А. П. Щетинин, сост. И. В. Щетинина. – Барнаул : Графикс, 2011. – 36 с.
7. Народные художники Сибири: Альбом-каталог. Барнаул, Иркутстк, Кемерово, Красноярск, Новосибирск, Омск, Томск, Улан-Уде, Якутск. – Иркутск : Репроцентр А, 2013. – 164 с.
8. Нас подружил Алтай. Федор Торхов, Владимир Чукуев, Анатолий Щетинин: Альбом. / Вст. ст. М. Ю. Шишина, сост. И. В. Щетинина, А. П. Щетинин. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2015. – 36 с.
9. Торхов, Ф. С. Художники алтайского края: библиогр. Словарь: в 2 т. Т.2 М-Я / Алт. краев. Универс. Науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, Алт. орг. ВТОО «Союз художников России», Гос. Худож. музей Алт. края; отв. ред. В. С. Олейник, науч. ред. Т. М. Степанская, сост. Н. А. Бордюкова и др. – Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2006. – С. 336–337.
10. Торхов, Ф. С. Песня об Алтае и Монголии / Алтайская правда. 1985. – 2 февраля.

11. Учение арга билиг как ось монгольской культуры: монография / под общ. ред. М. Ю. Шишина. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2013. – 181 с.
12. Цоодол, Д. …Как остро свободная пахнет пустыня / Д. Цоодол // Монголия. – 1982. – №2, 4-я стр. обложки.

ПРОЕКТ «ВОЗДУШНЫЙ ШАР – ГАЛЕРЕЯ С ОРЛИННОГО ПОЛЕТА» КАК АКЦИЯ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА, НАУКИ И ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВИЗАЦИИ

М. Островский

Каждая эпоха имеет собственные общественно-цивилизационные вызовы, определенные через совокупность знаний, способность аналитического и перспективного мышления. В значительной степени, даже когда касается, казалось бы, независимых факторов, она обусловлена общественными политическими и хозяйственными факторами. Масштаб этих вызовов не только направленно дифференцирован и принадлежит к категории качественных анализов, но также выражается силой и детерминацией их внедрения. (количественный элемент). Проект миссии «Воздушный шар» BALLOON ART GALERY (ГАЛЕРЕЯ С ОРЛИНОГО ПОЛЁТА), создателем которого является автор данного текста, – научно-артистическо-общественный проект. В его торжественном открытии принимали участие факультет биологии и Центр современных технологий Варшавского университета, Главная Торговая школа, Академия художественного искусства в Варшаве, бюро образования столичного города Варшавы, а также совет города Ковентри (Великобритания). Проект создавался с 1995 г., и в его содержание входят следующие составляющие: панорама Варшавы перелома веков и тысячелетий как прототип образной базы данных (это самая большая в мире цифровая панорама города), проект образной базы данных Varsovia.pl, учёбы и Varsavianistyczne: цикл лекций, в которых участвует ежегодно 600-800 студентов варшавских вузов, занятия Человек-Город-Среда в Варшавском Университете, ряд альбомов, посвящённых научным аэросъёмкам (в т. ч. Варшавский Триптих), а также образовательные программы (образовательный Варшавский триптих).

Миссия BALLOON ART GALLERY – ГАЛЕРЕЯ С ОРЛИНОГО ПЛЁТА

Научно-артистическо-социальный проект

В сентябре 2016 г. в связи с 20-летием научно-гражданского проекта Варшава, 10-летием Академии Знаний о Городе (AWoM), 10-летием Varsavianistyki (знания о Варшаве), 200-летием Варшавского Университета и 110-летием Главной Торговой школы планируется осуществить специальный одноразовый перелет двух воздушных шаров над агломерацией Варшавы с непосредственной трансляцией через интернет и радиосеть избранным получателям по всему миру: научным представительствам, артистическим галереям, дипломатическим представительствам, частным лицам. Получателями либо наблюдателями трансляции могут быть даже несколько десятков тысяч людей на всех континентах. Захватывающая непредсказуемость научных экспериментов и исследовательских гипотез является одной из признаков науки и искусства. В этом случае элемент неожиданности сознательно введен в программу проекта. Невозможно точно определить путь, по которому будет лететь воздушный шар, неизвестно что нового удастся открыть и показать. Это будет аутентичное приключение, а участники смогут наблюдать за ним и оценивать результаты. Непредсказуемость событий, за которыми нужно будет следить и факт того, что съемки будут доступны в сети очень короткое время – только во время полета и час по приземлению – свидетельствуют о чрезвычайности, увлекательности события и говорит о престижности участия в мероприятии. Перелет над городом и выполнение серии уникальных съемок запланированы с целью:

– представления роли образной информации как природного явления, предопределяющего биологическую эволюцию, ее участие в узнавании и интерпретации среды

– указания на значение эмоционального приключения в инспирировании творческих идей как существенного механизма познания

– продвижения интеграции науки и искусства, как связанных и сотрудничающих друг с другом уровней интеллигентности: эмоциональной (что определяет искусство) и рациональной (связанной со знаниями и наукой)

– символической демонстрации истории: подчинения атмосферы и Космоса перспективе познания Земли, с другой стороны – дороги в узнавании Вселенной и их значения в биологической эволюции человека

– построения новаторской и современной формулы марки Варшавы как пространства креативных граждан и идеи Академии Знаний о Городе

– обозначение потенциала авторского проекта Варшавского образовательного триптиха: возможности скрепления школьных и академических знаний без разделения на предметы в противовес узкопредметному освещению вопросов, которое повсеместно присутствует в современном образовании.

– популяризации знаний, презентации физического, географического, культурного и общественного пространства с перспективы многих областей науки и искусства (например, Варшавы и других пространств, предложенные соучастниками события).

– вдохновление международных общественных организаций на совместное участие в проекте и развитие его на примере местных городов, микрорайонов и локальных мест пребывания во всем мире

После полета состоится ряд семинаров и конференций, посвященных вышеупомянутым темам и сделанным картинам города, посвящаемых студентам, ученикам, участникам занятий Варшавского университета «Человек – город – среда» и жителям Варшавы. Семинары и конференции будут проводится, в традиционном месте, где проходят занятия Varsavianistiki – в современном актовом зале факультета биологии Варшавского университета и в лекционных залах вузов, которые будут участвовать в проекте.

Начал старта воздушного шара произойдет в академическом районе новых технологий на территории Мокотовского поля в Варшаве. Место старта символично связано с традицией мировых успехов польских перелетов воздушным шаром и авиацией, которое мы хотели бы припомнить, а также космических полетов, поскольку Варшавский политехнический университет – вуз, на научной базе которого был создан первый польский спутник. Полет в северном направлении над целым городом позволит показать много интересных и символических мест в столице, неизвестных даже жителям Варшавы. Ведущей осью события будет выполнение автором проекта во время полета над городом нескольких десятков фотографий, документирующих самые ценные естественные, исторические и культурные пейзажи Варшавы. Фотографии, подобно данным, измеряющим прогноз погоды, будут посылаться на землю через антенны, которые предварительно будут построены и размещены на крышах высоких зданий членами проекта для получения радиосети. Картины, сделанные во время полета, сразу же будут высылаться специально образованному с этой целью операционному

центру на факультете биологии Варшавского университета, и в тот же момент загружаться в интернет. Это означает, что фотографии будут доступны онлайн одномоментно для всех желающих во всем мире. Идея автора заключается в том, чтобы зрители не только отбирали фотографии, но и, как можно скорее, распечатывали и последовательно вывешивали их в лучших мировых артистических галереях, исследовательских лабораториях, в вузах, дипломатических представительствах, в школах, в частных домах, в крупных городах и поселениях за полярным кругом, отдаленных от цивилизации научных станциях, на природе и в публичных местах на всех континентах (вдоль сельских дорог, внутри шахт, на судах и океанских парусниках и т.д.), создавая возникающую в один момент общую экспозицию, объединяющую всех участвующих в этой акции эмоцией открытия. Композиции (сотни местных выставок) возникли бы одномоментно во всём мире, создавая уникальную форму события. Невзирая на то, что съемка будет единой, каждая выставка могла бы стать индивидуальной – с учетом авторской экспозиции и места. Тот факт, что в событии будут участвовать получатели, представляющие разные культуры и сообщества, а и их комментарии будут создавать в соавторстве проект, это придаст планируемому событию особенную универсальную экспрессию и даст возможность генерировать научную, артистическую, гуманистическую и общественную рефлексию. Создаваемая глобальная выставка онлайн в процессе полета будет сопровождаться в последующие месяцы после полета семинарами и конференциями, конкурсом на авторские комиксы по мотивам выполненных съемок, плюс возможностью повторения похожих полетов в других местах по отработанной схеме, проектами школьных уроков и т.д. Во время полета над Варшавой планируется выполнение нескольких десятков измерений качества воздуха (концентрации и состава аэрозолей, включая присутствие микроорганизмов, расписание спектрального света, распространение акустических волн), а также выполнение гиперспектральных и термальных картин для выбранных объектов. На воздушном шаре будут установлены одно или два польских технических устройств изготовленных в Центре Космических Исследований Польской Академии Наук, которые подготовлены для космических миссий. В проектировании воздушного шара найдется место PACKMOON – уникальному устройству, спроектированному для миссии Phobos Sample Return к спутнику Марса – Fobosa, предназначенное для получения образцов в условиях нулевой гравитации. Отчет измерений почвы через космический прибор сбора образцов, начнется в процессе полета воздушного шара и, после приземления, будет

транслироваться в сеть Интернет. Первый польский спутник PW-SAT будет эмитировать специальный сигнал проекта, перемещаемый в пространстве и доступный для радиолюбителей по всему миру. Также во время полета будет перевозиться почта воздушного шара, которая предназначена наиболее активным получателям трансляции по всему миру. Проект имеет научно-гражданский характер без какого-либо дофинансирования. Он заключается в общественном взаимодействии организатора проекта, соорганизаторов полета, а также получателей информации, которые сами хотят активно включиться в развитие проекта. В то же время, зарегистрированных получателей попросят не только о размещении на общей витрине документации интернета созданных у себя выставок фотографий проекта, но и добавления своих собственных фотографий. Последние должны показать то, что происходит в месте получения фотографий из Варшавы, как выглядит окружение (лаборатория, дом со всех сторон, вид из окна), чем хотели бы похвастаться или просто заявить о себе. Таким образом, в онлайн-времени возникала бы другая – альтернативная галерея, составленная из съемок со всего мира выполненных в один момент.

Полет планируется в сентябре в предвечерние часы, в день, когда будут соответствующие погодные условия, когда ветер будет дуть с южной стороны. Информацию о планируемом полете, ранее зарегистрированные участники получат за день до полета. За проект и его реализацию отвечает автор проекта – Марек Островский, у которого большой опыт в каждой из сфер деятельности, включенных в проект. С 40 лет он занимается аэрофотографированием, выполнил самый большой гражданский сбор авиасъемок Варшавы и Польши. Является автором, награжденным за альбомные разработки на базе авиасъемок из серии «Польша с орлиного полета», Варшавский Триптих (*Spojrzenie Warsa, Oblicze Sawy* ***i*** *Pokolenie Varsovia.pl*). Является автором огромных уличных выставок крупноформатных авиасъемок, демонстрируемых в стране и за ее пределами в лучших галереях. Он был инициатором, организатором и участником старта воздушного шара с одного из зданий Варшавского Университета в 2003 г., инициатором экспедиции на воздушном шаре через горы Татры в 2007 г. Марек Островский – академический преподаватель, ведет один из самых популярных лекториев в варшавском вузе – образованном лично им Varsavianistykę, который посещает ежегодно 600–800 студентов со всех факультетов. Является одним из организаторов научно-гражданского проекта Академии Знаний о Городе. В торжественном открытии этого проекта принимали участие: факультет биологии и Центр современных

технологий Варшавского университета, Главная Торговая Школа, Академия художественных искусств в Варшаве, а также города Ковентри (Великобритания). Кавалер Креста Офицерского Ордена Возрождения Польши за научно-дидактичную деятельность, за создание и содействие современных опытных методов.

Наука и культура, чтобы справиться с современными вызовами и ожиданиями, должна учитывать не только сущностные или формальные проблемы своих отраслей, но и технологические, и ментальные возможности современной цивилизации. Поэтому конечная цель представленного выше проекта – поиск новых дорог развития мысли на пути синтеза гуманитарного знания с аналитическими науками о макрокосмосе и квантовом микрокосмосе. Хорошо, если в проекте будут участвовать культурные центры из разных регионов мира, т. к. только сообща можно создать новые познавательные возможности для современной цивилизации.

Данное приглашение к участию в проекте обращено ко всем заинтересованным лицам, работающим в Алтайском государственном техническом университете им. И. И. Ползунова. Это участие можно рассматривать не только как событийную акцию, пропагандирующую научное знание и культуру, но и как элемент построения единого современного сообщества, консолидирующегося вокруг переживания опытов науки и культуры.

МОДЕЛЬ ОБРАЗНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ VARSOVIA.PL КАК ПЛАТФОРМА СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ АНАЛИЗОВ В ПРОСТАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

М. Островский

Отношения истории и культуры в современном обществе касаются столь многих аспектов, что следует выделить категории взаимных отношений их друг к другу и к условиям внешней среды: натуральным, хозяйственным, политическим, общественным. Среда, в которой совершаются явления, создающие историю и культуру, представляют внешнюю основу, которая в значительной степени предопределяет, и в основном определяет, развитие цивилизации во всех ее измерениях. Это развитие подчиняется тем же законам, что и законы биологической эволюции. Оно направленно верифицируется натуральным подбором (хозяйственный, политический, экономический, общественный), его направление – случайное, верифицируется с точки зрения конкурентоспособности, в заселении новых ниш в упомянутых ранее пространствах. Независимо от определения категории, с позиции которых совершаются научные анализы, статистические или общественные (характеризируются разными точками зрения, потому что от них, как начальных условий, зависят также результаты и предложения) стоит обратить внимание не на непосредственный анализ исторических или культурных явлений, а на два дополнительные элемента:

– распознавание механизмов избранных систем **трех отношений**: между наукой и культурой а также, дополнительно, сознательно выбранным, одним из внешних пунктов отнесений и относительной анализы (что не находится в пространстве культуры и истории) например географической или общественной средой

– формулировка вызовов, стоящих перед этими дисциплинами, поэтому принятие формулы не только описания и прогнозирования, но также сознательного и ответственного управления явлениями, которые могут появиться в ближайшее время. При этом сознательные лица не трактуют таких вызовов исключительно как способа формирования реальности, но как верификацию сделанных ранее оснований.

Один из примеров, который предоставляет данные к таким анализам, есть допущение авторского проекта Образной Базы Данных

(ОБД)[1]. Само словосочетание «база данных» для нас понятно, но значимо здесь есть определение «образная». Структура самой базы данных ссылается во многих случаях на функционирование образных структур как сложного явления естественной (натуральной) кодировки, переработки и формирования новых фигур информации высшего ряда, взывающее своими формами и структурами к функционированию нашего разума. Одной из более простых форм является применение в анализе исследуемых отчетов и формулировки предложений разных форм алгоритмов нейронных сетей, представляющих основание структуры искусственного интеллекта. Описание ОБД было продемонстрировано во время международной конференции «Реклама и коммуникации: история и современность» в упрощенной форме на примере поселка Варшава в Алтайском крае[2].

Образная База Данных как модель реальности и платформа анализа

База в своей исходной форме создаётся на примере пространства агломерации Варшавы – столицы Польши, но имеет универсальное применение как в естественных[3], так и гуманитарных науках[4].

Проект Образной Базы Данных – научно-гражданский проект, в своей основной структуре представляет собой построение базы данных в связи с географическим пространством, которое является одним из наиболее универсальных, известных и в меру стабильных структур. Географическая раздельность определена запросами для определенного вида информации и, как правило, ограничена до величин, которые представляются пикселями спутниковых изображений (около 40 см. единицы масштаба), но на практике достаточно точности до 1 м. Масштабирование касается также третьего измерения (высоты), что позволяет разместить данную информацию не только на поверхности,

---

[1] Островский, М. Идея Образной Базы Данных // Поколения Varsovia.pl, изд. Sci-Art. – 2007.

[2] Островский, М. Поселок Варшава. // Реклама и коммуникации**:** история и современность**:** Материалы II междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул 2015.

[3] Островский М., 2008. Базы данных Изображения как естественная Модель для представления Естественной и Антропогенной Окружающей Среды. // Польский Журнал Экологических Исследований. Vol 17 номер 1с.

[4] Островский, М. Перспектива как квантификатор научного открытия (анализ пространства из перспективы Варша и Савы): Конференция: «Гуманистическая рефлексия в пространственном планировании». Институт Литературных Исследований, Польская Академия Наук, 2015.

но также на высоте (например, в здании на втором этаже, в комнате 223, в шкафу, в третьем ящике стола).

Независимо из трех перечисленных измерений, упомянутая база данных декларирует также временную раздельность. Временная раздельность может быть выражена в градиентном масштабе. События в настоящем времени могут быть зарегистрированы с точностью до секунды, минуты, часов или дней; информация «с позавчера» с точностью до часов и дней. Такая организация позволяет растянуть временную шкалу пропорционально и регистрировать информацию с точностью до года, вплоть до начала истории (записей), например, в Европе – до периода средневековья. В описании фактов из еще более отдаленного прошлого, масштаб представляется в другом раскладе временных координат: с точностью до культурной эпохи доисторического периода (эпохи каменного века), а также с точностью до эры, периодов в случае хронологии геологических событий и не должны представляться в этом самом арифметическом масштабе.

ОБД, следовательно, можно представить себе как прямоугольный параллелепипед, в котором горизонтальный слой (горизонтальная) представляет нулевой временный слой (нулевой слой отнесения), символизирующий настоящее время. Ее границы в горизонтальном положении определены диапазоном спутникового/авиационного изображения. Он представляет избранный фрагмент трехмерного географического пространства согласно размещению XYZ. Наивысший слой представляет начало вертикального расположения отрезков вектора времени (четвертое измерение). Следующие слои структурируются вниз (с упомянутой подробностью минут, часов, дней, лет, эпох и периодов) и переносят нас в прошлое, то есть в историю пространства, которую определяет диапазон спутникового изображения. Организация такой базы данных напоминает структурную, геологическую стратиграфию.

Любая информация, вписанная в ОБД, определяется географическими координатами и временным моментом.

Представленная структура базы данных может быть как моделью (образом) реальности, так и архивом, и временно пространственным распределением информации. Она является также, что достаточно существенно, платформой операционного пространства, в котором можно исследовать ряд взаимосвязей в сочетании со временем и простран-

ством. Это новый подход в социо-культурных и гуманитарных исследованиях, потому что временное пространство очень редко поддается гуманитарному анализу[1].

Создание упомянутой базы не является статичным проектом, который может возникнуть в финальной форме в результате научной программы, но – взаимодействующей формой, развивающейся вместе с технологиями, например, информатикой, формулировкой новых познавательных возможностей в гуманитарных науках, новыми алгоритмами моделирования в точных науках, а также прогрессом знаний о функционировании нашего мозга в естественных науках.

Структуру Образной Базы Данных (ОБД) можно описать на нескольких примерах. Самым простым из них будет вписывание в ОБД простых отчетов: информации в связи с местом и временем. Например – подписание акта Конституции 3 Мая в Королевском Замке в Варшаве. Событие по масштабу мировое, но одноразовое (подписание акта). Не вникая в его содержание и значение, мы регистрируем дату и место.

К сведению, в 1900 году в Барнауле было зарегистрировано наивысшее давление – 1088 нПа, что не относится к пункту измерения, а к большей неопределенной поверхности, следовательно, это должно быть признано слоем, объемлющим целый Барнаул и окрестности. Подобно самому факту предоставления городских прав Барнаулу в 1771 г. (только если будет указано конкретное место события).

Другим примером может быть вписывание в ОБД, например, местопребывание редакции Варшавского Курьера, а в Казимирском дворце – королевской резиденции, а в актуальном времени – местопребывание властей Варшавского Университета, или литейной фирмы Братьев Лопенских, одной из старших семейных фирм в Варшаве, которая существует уже полтора века. Существование редакции или фирмы не является одноразовым, ограниченным событием до часа или дня, но событием, непрерывным через многие временные слои ОБД, в котором произошло много последующих событий. Существование объекта делится автоматически на временные единицы постоянной локализации, в случае необходимости переменной, умноженной появлением филиала. Это дает возможность по мере детализации информации модифицировать объект в отдельных его периодах существования. Временная

---

[1] Островский, М. GIS и информационное общество. Образная База Данных Varsovia.PL. // Управление пространством, региональное развитие и общественное участие: XIV Конф. GIS на практике. 29.XI.2007. Варшава ESRI, Польша.

диверсификация позволяет произвести анализ, связанный не только с продолжительностью (без изменений и в дополнение, в одном месте) но и с развитием (например – развитием фирмы и появлением новых зависимых адресов в других местах, изменениями адресов, названий, архитектурной перестройкой и так далее).

Другим примером, который можно отнести к ОБД, является архивирование данных, например, о найденных археологических объектах. Кувшин из бронзы римского времени (этот период есть во временной шкале ОБД, но локализация – бассейн Средиземного моря – уже находится вне географического пространства Варшавы) найден был в конкретном археологическом пласте, в иле поречья Вислы. После того как его изъяли, артефакт прошел долгую процедуру через разные диагностические лаборатории и теперь хранится на складе, например, Археологического Музея под номером 223, на третьей полке (локализация не только согласно данным географическим, но и местным). Таким образом, объект, перемещаемый динамически во времени и пространстве через многие места, был отмечен в ОБД в виде векторов, которые точно описывают его историю.

База данных позволяет построить связи как одно- и многофакторные, так и канатные, описанные путем перемещений. Такая основная структура является вступительным архиватором информации.

Тематические слои

В структурном плане Образная База Данных является местом архивирования информации, но функционально значительно выходит за эти рамки, что позволяет выполнить различные анализы в т. ч. возможность построения связей между информацией, приписанной к одной категории. Это требует, очевидно, вступительного выделения категории и селекции с ОБД объектов на основании приписанных им свойств, определить принадлежность объектов и событий, к одной категории, создать тематические слои[1]. Таких слоев, то есть групп объектов, связанных тематически, можно выделить тысячи, а в каждой категории – десятки подклассов, в зависимости от потребностей и заинтересованности исследователя. Как пример слоёв в общем, тематическом знаменателе можно перечислить: Варшавские парки, школы, археологические объекты, юношеские годы известного композитора XIX в. – Шопена (места, музыкальные композиции, любовь, приятели, салоны, все, что было с ним связано), или голландского архитектора эпохи барокко Тильмана

[1] Островский, М. Авторский проект «Тематические Панорамы Варшавы». // Хроника Варшавы. – 2015. – № 1 (124).

ван Гамерена и его произведения, памятники, дворовую часовню, кондитерские вместе с их меню, картины акустических явлений – звуки города, распространение радиоволн в городском пространстве, эмоциональные взаимоотношения жителей, связанные с местожительством и районом, фауну и флору (в этой последней категории выделено около 2 тысяч подклассов, связанных с сортом или физиологичной группой, например, светолюбивые растения), криминальные события, историю отдельных промышленных объектов и изобретений и еще многое другое. Интересным примером отдельной категории (тематическим слоем) являются не только введенные в ОБД давние планы, классические картины (пейзажи, панорамы), но и попытки соединения содержания исследуемых исторических картин с существующим в настоящее время конкретным физическим и географическим пространством. Следовательно, объект – не сама картина, но историческое содержание картины: здания, закоулки, дворцы, сады и даже в какой-то степени символические послания.

Отдельные классы и создаваемая информация принадлежит к несоизмеримым элементам пространства, поэтому требует введения особенных опытных методов, форм описания и анализа, отличающихся способов записи информации, разных форм распространения, возможностей распространения, анализа влияния на широкую среду (физическую, общественную, культурную, экономическую и т.д.). Такое большое дифференцирование форм информации было необходимо для верификации применения разных, часто индивидуальных, научных подходов для конкретного слоя общества.

Описание двадцати категорий пространства и культурно-исторических явлений, которые его создают, представлено публично в 2003 г., а также – в 20 научных статьях и докладах на конференциях[1].

Имея такую многомерную модель пространства, можно попробовать использовать ее не только для простого архивирования информации, но и для проведения многих масштабных исследований. Интеллектуальная и информативная конструкция ОБД делает возможным исследование многих известных нам явлений. Сама модель ОБД и ее непрерывное интерактивное развитие становятся в настоящее время инструментом современно понимаемого анализа, как в планировочном, так и широко понимаемом гуманитарном направлении. Модель ОБД отражает одновременно и современные вызовы, потому что, имея такой объем информации, предоставляет возможность исследования более

[1] http://panorama.varsovia.pl/varsovia/

сложных отчетов, следствием которых могут быть не только статистические данные, но также нематематические рефлексии, выражаемые гуманитарным языком. ОБД позволяет также осуществить генерирование многих, более сложных оценок и предвидение явлений, которые могут появиться в реальном обществе.

При анализе взаимоотношений можно использовать множество уже существующих моделей, применяемых, например, в социологии или даже в области международных взаимоотношений. Глобальную паутинную модель можно рассматривать и как одну из опор неолиберализма, действие которой заключается в анализе общественных связей на высшем уровне – транснациональном, что ведет к усилению и совершенствованию мировых взаимоотношений и к возникновению сообщества безопасности[1].

Поэтому в анализе данных с такой дифференцированной характеристикой можно применять различные методы, хотя бы случайные, исследующие закономерности, выступающие в жизненных ситуациях, или графические модели сети убеждения, либо причинно-следственные сети. Интересует нас, как информация ведет себя в своей среде, как влияет на окружение и как переходит между категориями и временными слоями. Это позволяет нам анализировать события, воздействия исторической памяти (то есть события из прошлого) на современность. Графически это выглядит как карта связи, проектируемая на поверхность настоящего времени. Это не только один из наиболее интересных вызовов современности, но также и демонстрация неопровержимой ценности рефлексий, возникающих в ходе историко-культурных анализов в связи с широко понимаемой средой. Действия этого типа мы можем рассматривать, несомненно, как вызовы для современных информационных технологий и новый импульс в развитии гуманитарных наук. Пространство ОБД является не только прямой репрезентацией пространственно-временной реальности, но, прежде всего – методом поиска новых связей между прошлым и настоящим с проекцией последствий на слой актуального времени, а также – методом построения тождественности физического пространства. Данный результат –

[1] Вижентас, Я. Публикация, выполненная в рамках лекций по Varsavianistykie (знания о Варшаве) в Варшавском Университете, 2016.

одно из более важных посланий и эффектов, которые выражает Образная База Данных Varsovia.pl.[1]

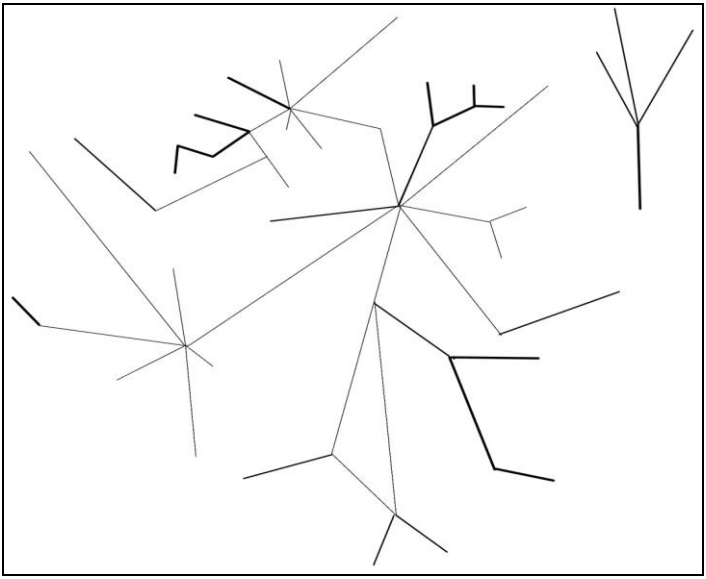


Рисунок 1 *– График сети связей*

В данном рисунке представлены простые пространственные связи между отдельными временными слоями (послойными, дифференцированными толщиной линии). Можно себе представить график и с более сложной связью, не только структурной, пространственно-временной, а выражающей также силу связей между чертами (их вес как степень существенности или правдоподобности), а это уже более продвинутые способы гуманитарного анализа.

[1] Островский, М. Идентичность города во внешней перспективе – дилемма восприятия между реальным пространством и его отражением. // Восприятие современного городского пространства. Работа сбора / под ред. М. Мадуровича. – Варшавский университет, ф-т. Географии и региональной учебы, Варшава, 2007.

Информация, вписанная в ОБД, без каких-либо контактов с другими данными, реально перестает существовать (т.е. в исторической памяти имеет нулевую ценность) и не является коллективной памятью. Можно представить себе, что существуют такие факты, о которых никто не знает, и о которые не имеют влияния на другую информацию (события).

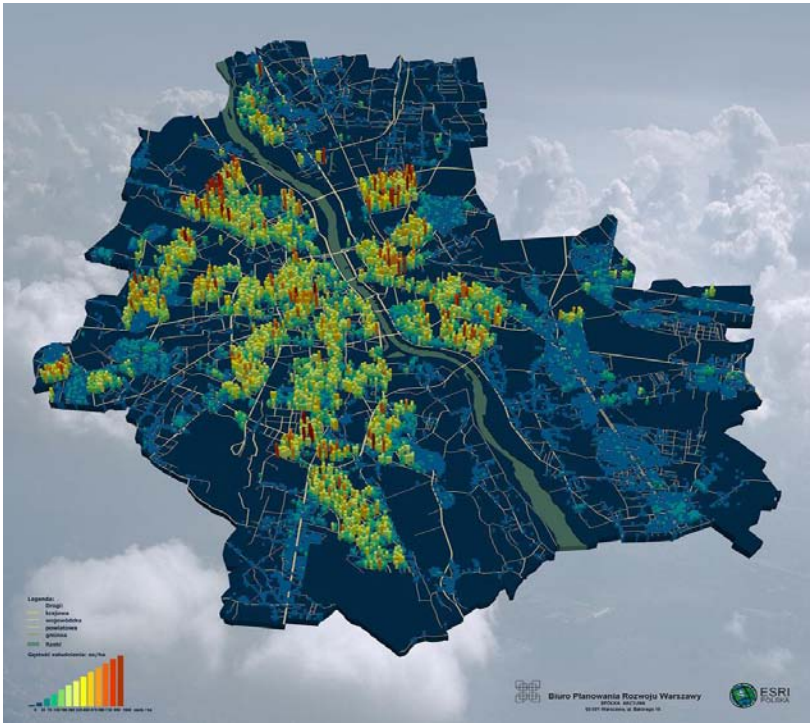


Рисунок 2 *– Гибридная карта*

Существенным преимуществом векторных картин, которые в ОБД могут создавать отдельные слои, является их открытость к всесторонним пространственным анализам, в связи со статистическими факторами и многими признаками из категории математических, статистических, а также ментальных показателей, выражаемых в виде карт пространственных расписаний. Такие возможности позволяют

приписать качественные и количественные атрибуты, характеризующие конкретный объект или событие и характеристики многих взаимных отчетов между собой. В зависимости от потребностей эти самые векторные данные могут быть использованы для создания разнообразных картин, при этом эти фотографии могут демонстрировать разные черты или те же самые черты разными способами (в других сценах).

Наложением векторной картины на растровую спутниковую или авиационную карту мы получаем гибридную карту. Она соединяет в себе преимущества спутниковой карты (демонстрируя актуальность и дословность представления территории) с преимуществами синтетической векторной карты. На картинке представлена плотность населения, выражаемая отношением данных лиц к единице поверхности.

Текст представлен в переводе автора

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ

Н. Г. Павлова

Прошедшие в этом году выборы в законодательные органы государственной власти вновь продемонстрировали гражданскую пассивность в политической жизни России того слоя людей, который принято называть интеллигенцией. Под термином «интеллигенция» в России традиционно имеют в виду не просто интеллектуалов, а критически-мыслящую творческую элиту, для которой озабоченность судьбами страны и народа является величайшей нравственной необходимостью. Нельзя сказать, что это исключительно российский феномен. Совмещение функций духовного производства и производства политических идей характерно для всех стран позднего развития капитализма. Это убедительно доказал В. Г. Хорос в ряде своих работ на данную тему [20]. Однако впервые явление интеллигенции как своего рода феномен теоретически осмысляется именно в России XIX в. в рефлексиях идеологов т.н. «народнической» интеллигенции – П. Лаврова, Н. Михайловского, И. Каблиц-Юзова и др. [8, 9, 13]. Отсюда – устойчивая традиция, сложившаяся в исследовательской литературе, рассматривать «интеллигенцию» не как универсальное явление, а как феномен исключительно российской политической истории.

Нынешняя гражданская пассивность отечественной интеллигенции особенно заметна в сравнении с ситуацией 1980-х гг. XX в. Тогда фактически именно этот слой общества инициировал «перестройку» всей социально-политической жизни страны. Сегодня российская интеллигенция постепенно, шаг за шагом, сдает позиции, завоеванные в бурные 1980-90-е: ее голос практически не слышен, не видно инициированных ею общественно-значимых дискуссий.

Политологи и социологи – из тех, кто занимается этой ныне непопулярной темой, пытаются найти объективные причины, объясняющие апатию российской интеллектуальной элиты. Называют среди них: сращенность вчерашней либеральной интеллигенции с государственно-бюрократической машиной, отсутствие в обществе альтернативных программ развития, удовлетворенность в целом курсом власти на европейский путь развития, при котором все остальные негативные моменты воспринимаются как издержки роста, страх коммунистического реванша и потрясений революции и т.д.

Среди многих причин есть, на наш взгляд, и такие, которые являются для России «домашними», воспроизводящимися с удивительным постоянством. Это – проблема коммуникации, изоляции интеллигенции от народа и от властных структур, которую отмечали еще русские «народники» в XIX в., и русские марксисты – в XX в. В настоящее время эта тенденция проявляет себя в изоляции, прежде всего, московской политической элиты от гражданского населения в регионах. Политическая активность, которую наблюдали в Москве в течение всего 2012 г. (в лице т.н. «рассерженных горожан»), не вышла за ее пределы, хотя участвовали в этом движении уважаемые в стране писатели, тележурналисты, политические лидеры 80-х гг. Интеллигенция в этот раз не смогла заразить критическим настроением массы народа, как это бывало в прошлом в кризисные периоды развития страны. Политическую выборную кампанию 2016 г. население двух столиц проигнорировало, а лидеры либерально-демократической интеллигенции потерпели сокрушительное фиаско. Таким образом, коммуникация вновь не состоялась.

Еще одна серьезная «домашняя» проблема – тенденция негативного отношения к интеллигенции в массовом общественном сознании. Эта тенденция имеет форму достаточно устойчивого стереотипа. Она проявляется в равной степени, как со стороны большей части народа (представляющего типичного российского субъекта), так и со стороны той части интеллектуалов, которая оказалась сращенной с бюрократическим аппаратом. Склонность к бюрократизму как яркую характеристику русской интеллигенции описали еще либерал А. С. Изгоев в одной из лучших своих работ на эту тему [7] и марксист А. Н. Потресов, описывая практику партийного строительства накануне революции 1905 г. [17]. Современная «либерально-бюрократическая» элита интеллигенции прилагает значительные усилия к тому, чтобы дискредитировать свою критически настроенную часть (ту, которая, если можно так сказать – «бодается» с властью), демонстрируя в очередной раз как оторванность от настроений гражданского общества, так и вечный раскол внутри себя. Недовольство властью и недовольство «народом» – удивительно повторяющаяся черта коллективного портрета отечественной интеллигенции.

Парадоксально, но негативное отношение к интеллигенции сформировала сама интеллигенция – еще в «пореформенную» эпоху конца XIX в. Вначале теоретики «народничества» утверждали в общественном сознании мысль о том, что «интеллигенция ест хлеб народа», «интеллигенция – дармоед и бездельник на шее рабочего класса»,

«интеллигенция должна выполнить свой долг перед народом» – для обоснования идеи «служения народу». Если бросить ретроспективный взгляд на «внутринароднические» дискуссии интеллигенции пореформенной эпохи, то можно констатировать, что мысль о том, что «интеллигенция ест хлеб народа» ведет свое начало от «Исторических писем» П. Лаврова, далее получила теоретическое обоснование в дискуссиях «народников-почвенников», прежде всего – Каблиц-Юзова [2, 6, 8], перекочевала в труды марксистов в ходе борьбы с «народниками» [4, 10, 12, 17, 18, 19] и достигает абсурда в антиинтеллигентских теориях «экономистов» Махайского-Вольского, Лозинского, Надеждина [3, 11]. Безусловно, корни этого стереотипа – в «культурном бессознательном» самого российского общества, в котором всегда присутствовало понимание физического труда как труда значимого, а умственного труда – как варианта «ничегонеделания». Теоретики народничества не только воспроизводили данный российский стереотип, но и осмысляли его как определенную культурную проблему – проблему несостоявшейся коммуникации триады «интеллигенция-власть-народ».

В периодической печати 1880-х гг. отражены многочисленные дискуссии на тему «Ум или чувства являются фактором прогресса?» Они достаточно хорошо проанализированы в современной историко-философской литературе [14, 15, 20, 21 и др.]. Их изучение позволяет понять изнутри логику мышления типичного российского субъекта в отношении интеллигенции, которая предопределяет враждебное к ней отношение.

В структуре народнической социологии антиномия «ум – чувство» как фактор прогресса рассматривается в гносеологическом, социологическом и культурологическом аспектах. В гносеологическом аспекте, «ум» – парафраза рационалистической, технизированной сферы культуры, носителем которой является интеллигенция. Понятие «чувство» ассоциировалось с целостностью интуитивно-чувственного мировосприятия, которое формируется, главным образом, в народных массах. Если принять во внимание, что представления о «целостности» в русской культуре традиционно связывались с представлением о единстве «красоты, истины и правды», то становится понятно, что для народника «чувство» – больше, чем гносеологический идеал. Это еще и ценностно-духовные основы общества, целостная социальная культура, отношения социальной гармонии, солидарности, моральных традиций, скрепляющие общество. Дальнейшая разработка антиномии «ум-чувство» в культурологическом плане приводит к резкому противопоставлению интеллигенции и народа [20]. Основной ценностной категорией анализа

здесь является понятие традиции. По мнению «народников», «традиция» – это духовный и институционный фактор, объединяющий общество, способствующий социальной и национальной интеграции. Во-вторых, традиция – культурный потенциал прошлого, содержащий в себе элементы коллективизма, духовности, нравственности. В-третьих, – некая идейная конструкция, соответствующая социальной психологии обширной массы населения аграрной страны, то есть адекватная реальному положению вещей. Уничтожение традиции, на что покушается радикально-настроенная интеллигенция, по мнению народников-почвенников (Воронцова, Южакова, Каблиц-Юзова), привело бы Россию к социальной катастрофе, превратило бы гражданское общество в разрозненное скопление индивидов («как на Западе»). Политическую несостоятельность российской интеллигенции историки интеллигенции обосновывали развитием ее внутренних потенций, проявлением т.н. родовых качеств. К ним относили: индивидуализм, парализующую волю рефлективность, изолированность от народной культуры, неспособность к коммуникации. Уже в силу этих качеств знания и идеи, создаваемые интеллигенцией, ценятся ниже «чувств и сознания народа». Поэтому интеллигенция не может быть учителем народа. Интеллигенция должна «не учить народ, а учиться у него». Интересно, что эта формула почти буквально воспроизводится в дальнейшем и русскими марксистами в 1896-1899-е гг. Так марксист П. Надеждин, например, в популярной брошюре «Рабочие и интеллигенция» советует рабочим взять на себя роль воспитателей интеллигенции, так как она «в своей массе мало сознательна».

Противопоставление интеллигенции и народа, характерное для первых теоретиков народничества, порою доходит до полного отрицания значимости деятельности культурной элиты. Культура создается исключительно народом. Поэты, композиторы, художники не являются творцами культуры, они лишь различным образом интерпретируют то, что уже было создано народом и сохранено в фольклоре. Такие выводы в отношении интеллигенции сделала сама интеллигенция – благодаря общественным дискуссиям, научной рефлексии своих идеологов и художественным прозрениям «народнических» писателей.

К концу XIX в. относят и первые общественные дискуссии на тему роли интеллигенции в общественно-политической жизни России. Различные отряды «народнической» интеллигенции (либерально-консервативные, радикальные) не щадили друг друга в пылу полемики, доказывая одни – преимущество интеллигенции в политической борьбе, другие – преимущество народных масс.

Следующим этапом формирования негативного отношения к интеллигенции (1890–1900 гг.) стало появление концепции интеллигенции в теориях русского марксизма. Теоретики марксизма в России (Г. Плеханов, А. Потресов, В. Засулич, П. Струве, М. Туган-Барановский, В. Шулятиков, В. Ленин, М. Горький) делали ставку в политической борьбе на рабочий класс. Они позаимствовали аргументы внутринароднической «анти-интеллигентской» полемики для борьбы против самих народников и дискредитации их как политических оппонентов. Многочисленные дискуссии в марксистской печати 1890–1900 гг. закрепили стереотип негативного отношения к интеллигенции. Так дискуссии 1904–1905 гг. посвящены вопросу уточнения понятия «интеллигенция» и определению ее места в социально-политической структуре общества [4, 19]. Итогом ее стал вывод о несамостоятельности интеллигенции, о ее служебной роли в политической жизни. В 1909 г. – критика интеллигенции авторами сборника «Вехи» [1], в 1909–1910 гг. – дискуссия между народником Р. Ивановым-Разумником и марксистами Г. Плехановым, А. Луначарским, М. Горьким на тему «Индивидуализм или коллективизм?» [5, 6, 10, 12, 18]. Итогом этой дискуссии стал тезис о принципиальной некоммуникативности интеллигенции, ущербности ее сознания. И, наконец, внутрипартийная жесткая полемика на эту тему между В. Лениным и А. Потресовым накануне революции 1917 г. [17].

Таким образом, в марксистской теории интеллигенции «народническая» формула «интеллигенция ест хлеб народа» дополняется рядом новых стереотипов, осуществляется подмена понятий интеллектуального неравенства и материального неравенства. В результате их отождествления рождается новая формула – «кто не работает, тот не ест». Поскольку только физический труд признается трудом вообще, понятно какие драматические последствия для интеллигенции имела подобная формула после революции 1917 г.

Так или иначе, в дискуссиях 1890–1900 гг. были заложены основы будущей партийно-государственной политики в отношении интеллигенции в советской России, а также – причины трагической судьбы российской интеллигенции после Октября 1917 г.

Однако стереотип негативного отношения к интеллигенции существовал не только на уровне идеологических построений различных элит российского общества. В этом направлении успешно поработала и великая русская литература. Так, негативный заряд в отношении интеллигенции содержат в себе многие произведения А. П. Чехова. Интеллигенция в них представлена как деморализованный, лишенный цели и

воли слой общества, который «тонет в болоте мещанского быта», мечтая о революционном подвиге и счастливом будущем для народа.

Особенно яркие примеры дискриминации интеллигенции мы наблюдаем в художественном творчестве «пролетарского» писателя А. М. Горького, тесно связанного с теоретическими построениями марксизма. Во всех дискуссиях в марксистской печати на тему интеллигенции Горький принимает самое живое участие. Более того, он становится главным идеологом и проводником марксисткой концепции интеллигенции [5]. Его авторитетное слово воспринимается как «голос народа», поэтому Горького цитируют, на него ссылаются публицисты практически всех направлений общественной мысли. Его «Заметки о мещанстве», направленные против интеллигенции («несоциал-демократической») были настолько агрессивны и несправедливы, что даже стали предметом критики писателя со стороны некоторых марксистов. Однако творчество Горького находило самый живой отклик у современников. И потому в значительной степени способствовало укреплению враждебного отношения к интеллигенции в качестве стереотипа массового общественного сознании. О том, что подобные стереотипы успешно эксплуатировались русскими теоретиками марксизма свидетельствует их реакция на статьи Горького. Известны, например, неоднократные обращения В. И. Ленина к Горькому с просьбой написать «что-нибудь в духе «Заметок...» и благожелательные отзывы Г. В. Плеханова: «У художника Горького... может многому научиться самый ученый социолог. В нем – целое откровение» [18, с. 527].

Справедливости ради следует отметить, что третирование интеллигенции, отрицание или умаление ее действительных заслуг в российской истории, характерные для первых теоретиков марксизма, явились, конечно, результатом полемических передержек. А. М. Горький и его соратники в последующем в значительной степени от них избавились. Однако, к сожалению, стереотип негативного отношения к интеллигенции у многих последователей марксизма приобрел стойкий характер, и после Октября 1917 года имел для интеллигенции трагические последствия. Этот слой общества в советской России пережил самые тяжелые потери: унижение, эмиграцию, физическое уничтожение.

Обозревая историю России советского и постсоветского периода, можно сделать вывод, что стереотип негативного отношения к интеллигенции в нашем обществе до сих пор живет и успешно воспроизводится (на уровне идеологии, в массовом общественном сознании, в фольклоре, анекдотах, в презрительных выражениях типа «а еще шляпу надел!» и т.д.). Более того, эти две российские проблемы – исторически

сложившаяся изоляция интеллигенции (от власти и от народа) и стереотип враждебного отношения к интеллигенции в массовом общественном сознании – тесно связаны друг с другом. Было бы неправильно объяснять их существование и постоянную воспроизводимость только конкретными политическими реалиями. Политические реалии российской жизни существенно изменились, а проблема принципиальной некоммуникативности интеллигенции сохраняется. Ее не желает слышать власть, ее не слышит основная масса населения. Очевидно, первые теоретики народничества оказались правы в том, что это проблема не только политическая, но и культурологическая. Истоки данной проблемы кроются в структурах российского менталитета, единого для всех: и власти, и народа, и самой интеллигенции. Поэтому, возможно, решение проблемы – на пути разрушения коммуникативных стереотипов самой интеллигенции как типичного российского субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 гг. / Сост., коммент. Н. Казаковой. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 462 с.
2. «Вехи» как знамение времени: Сб. ст. – М.: Звено, 1910. – 278 с.
3. Вольский, А. И. (Махайский Л. В.) Умственный рабочий: В 2 ч. – СПб. : Изд-во Яковенко, 1906. – Т. 1-2.
4. Воровский, В. В. Представляет ли интеллигенция общественный класс? // Русская интеллигенция и русская литература: Сб. ст. – Харьков, 1923. – С. 155.
5. Горький, А. М. Разрушение личности // Очерки философии коллективизма: Сб. 2. – СПб. : Знание, 1909. – С. 353– 377.
6. Иванов-Разумник, Р. В. Что такое «махаевщина»?: К вопросу об интеллигенции. – СПб. : Изд-во С. В. Бунина, 1910. – 220 с.
7. Изгоев, А. С. Интеллигенция как социальная группа // Образование. – 1904. – № 1. – С. 81.
8. Каблиц-Юзов, И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России: В 2 т. – СПб. : Общ. польза, 1886. – Т. 2. – С. 43–91.
9. Лавров, П. Л. Исторические письма // Философия и социология: В 2 т. – М. : Мысль, – 1965. – Т. 2. – С. 5–296.
10. Литературный распад: Сб. ст.: В 2 ч. – Ч.1. – СПб.: Товарищество Издательское бюро, 1908, Ч. 2. – СПб. : Эос, 1909.
11. Лозинский, Е. Что же такое, наконец, интеллигенция? Критико-социологический очерк. – СПб. : Невский голос, 1907. – 261 с.

12. Луначарский, А. В. Мещанство и индивидуализм // Очерки философии коллективизма: Сб.1. – СПб.: Знание, 1909. – С. 221–239.
13. Михайловский, Н. К. Записки современника: Т. IX // Отеч. Записки. – 1881. – № 12.
14. Павлова, Н. Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: историко-философский анализ. – Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1994. – 18 с.
15. Павлова, Н. Г. Роль народнического наследия в марксистской концепции интеллигенции // История и историография правого народничества: Сб. ст / Ред. Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 120–140.
16. По вехам: Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». – М : Заря, 1909. – 171 с.
17. Потресов, А. Н. (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: Изд-во Попова, 1906. – 314 с.
18. Плеханов, Г. В. К психологии рабочего движения: Максим Горький // Избр. филос. произв.: В 5 т. – М., 1958. – Т. 5. – С. 527.
19. Туган-Барановский, М. И. Что такое общественный класс? // Мир божий. – 1904. – № 1. – С. 64–72.
20. Хорос, В. Г. Идейные движения народнического типа в развивающихся странах / В. Г. Хорос. – М. : Наука, 1980. – 286 с.
21. Яковенко, И. Россия. Интеллигенция. Революция // Свободная мысль. – 1992. – № 11. – С.31– 42.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫМИ СИМВОЛАМИ РЕКЛАМЫ

Т. Г. Утробина

Рекламные коммуникации в современном российском и региональном общественном пространстве представляют собой один из наиболее востребованных и значимых механизмов влияния на социокультурные процессы. Реклама стала активной и актуальной формой социальных отношений, так как является средством репрезентации смысловых субъективных и конвенциональных образований. Динамическое понимание культуры не как собрания артефактов действительности, а как производство и восприятие смысловых образований ориентирует на исследование базовых социокультурных маркеров, к которым относятся стереотипы и символы, в русле современных тенденций постнеклассической науки. В частности, лингвосинергетический подход опирается на исследование нелинейных систем, к которым и следует отнести такие когнитивные, смысловые образования, как символ и стереотип.

Системный подход сегодня активно преодолевает отрицательные последствия длительного этапа дифференциации наук и научных понятий. Он позволяет обнаружить функциональные связи между, казалось бы, различными по своей природе явлениями, независимо от того, в какой области знаний эти явления исследуются. Можно выделить три основных принципа системного подхода, актуальных для современных психолингвистических, когнитивных, лингвосинергетических исследований. Во-первых, общая теория систем доказала, что свойства сложноорганизованного целого явления не сводятся к сумме свойств его частей. Этот принцип свидетельствует о том, что система порождает свойства, которые существуют до тех пор, пока эта система функционирует, и исчезают вместе с ее исчезновением. Во-вторых, сложные системы находятся в состоянии постоянного взаимодействия со средой и подчиняются принципу саморегуляции, основным элементом которой является обратная связь. В-третьих, самоорганизующиеся системы являются диссипативными структурами, т.е. в таких системах хаотические процессы, протекающие на микроуровне, могут приводить к упорядочению на макроуровне.

Реклама, как продукт когнитивной деятельности человека и на этапе порождения, и на этапе восприятия, репрезентируется в вербаль-

ной или в визуальной форме. На когнитивном уровне вербально-визуальная маркированность деятельности утрачивает свою «материальность», так как имеет общую ментальную интегративную основу – смысл. Следует уточнить, что языковые выражения могут выступать средством репрезентации смысла, что и происходит в рекламном дискурсе, в основном сочетающим вербальную и визуальную информацию. С другой стороны, язык метафорически может быть приравнен к жизнедеятельности человека как способу построения его действительности, картины мира, т.е. системы создания смыслов и смысла жизни в том числе. В этом значении, учитывая психологическую составляющую, языку как термину адекватно понятие речевой деятельности в русле отечественной психолингвистической школы.

Речевая деятельность на протяжении всей жизни человека сопровождает любой другой вид деятельности, но не сводима ни к одному из этих видов. «Речь – это специфическое измерение человеческого бытия, когнитивный акт, устанавливающий его модальность… Определяя модальность бытия, язык позволяет видеть и узнавать в мире объекты, соответствующие этим модальностям, открывая возможность новых распознаваний, но ограничивая человека способностью жить в мире объектов, так как любой процесс может войти в этот мир только как согласованно распознанный объект» [4, с.205].

Реклама наглядно демонстрирует «сопровождаемость» речи экономической, политической, социальной деятельности человека. Как материальный объект, рекламный дискурс является инструментом взаимодействия человека с внешним миром, следовательно, выступает идеальным объектом системного исследовательского анализа, связанного с прогностическим возможностями методологии.

Традиционная научная методология в плане составления прогноза, другими словами анализа продуктов деятельности, представляет два типа систем. Во-первых, это детерминированные системы, поведение которых определяется линейными уравнениями классической механики. Для таких систем прогноз возможен на любые промежутки времени – если известны начальные условия. Более того, для таких систем возможен «обратный ход» времени, т.е. расчет предыстории системы: при линейном понимании детерминизма, когда дана задача, решаемая по уравнению. Во-вторых, это системы стохастические, вероятностные, для которых возможен прогноз вероятности того или иного результата. Например, при бросании монетки можно утверждать, что «орел» выпадет с вероятностью «0,5». Постнеклассическая, или нелинейная, наука

позволяет утверждать, что существует третий тип систем, поведение которых можно предсказать, но только на ограниченный промежуток времени. За пределами этого промежутка малые нелинейные связи могут изменить состояние системы неконтролируемым образом. Такие системы называют синергетическими.

Лингвосинергетика отправной точкой построения методологии признает антиномию В. фон Гумбольдта «языка и сознания». Различные противопоставления как материального и идеального, дискретного и континуального, генетически различного, но интегрированного в речевой деятельности, оказались неспособными объяснить суть, процесс и результат этой интегративной деятельности. Именно объединение языка и сознания как энергийных сущностей, установление аналогии процессов различной природы привело к созданию лингвосинергетики. Существование психических, физиологических, нейрофизиологических процессов как одного целого возможно в речемыслительной синергетической деятельности – «нелинейной открытой среде, в которой границы между субъектом и внешним миром размыты» [1, с.40].

Ключевые синергетические термины – бифуркации (процессы качественной перестройки различных объектов), катастрофы (скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавное изменение параметров), аттрактор («притягивающее» состояние системы, в котором за счет отрицательных обратных связей автоматически подавляются малые возмущения) – в лингвосинергетике получили специфический оттенок толкования в проекции на речевую деятельность.

Основным продуктом речевой деятельности является текст (дискурс), который способен быть объектом прямого исследования, в отличие от понятий, представлений, мнений. Гармоническая организация текста формируется креативным аттрактором. Креативный аттрактор – это зона гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации, способствующая целостности текста и его переходу к иному состоянию, к восприятию концептуальной системой человека – другой системой самоорганизации. Бифуркационная точка определяет выбор одной из двух противоположных позиций. Самоорганизация текста предполагает наличие сильных и слабых позиций. Сильные позиции соотносимы с понятием гармонического центра, слабые – с зонами асимметрии. Текст как субстанция организуется, стремясь к симметрии, но одновременно является синергетической системой и самоорганизуется, стремясь к асимметрии.

Линейный системный подход осуществляет анализ симметрии – стабильности формы языка. Синергетический подход рассматривает соотношение двух режимов, двух состояний системы языка – неустойчивой стабильности и функциональной лабильности. Поэтому то, что в линейной науке считается функциональным свойством, в синергетической парадигме может относиться к элементам организации и самоорганизации. Это происходит потому, что в сложных системах (язык, текст, рекламный дискурс) значительно усложняются связи между характером функционирования и структурой системы.

Линейная и нелинейная методологические парадигмы по-разному представляют формирование культурных стереотипов и символов.

Психофизиологической основой образования стереотипа является устойчивость его структуры как однотипность формируемой им мотивации. Различая специфику перцептивного и вербального восприятия как первую и вторую сигнальные системы, следует отметить их общий принцип приурочивания динамики к структуре. Это означает, что восприятие реального раздражителя, например, цвет, и восприятие слова, например, красный, производят более или менее тесные возбуждения в коре головного мозга, при этом принципом локализации возбуждений является семантическая генерализация, т.е. близость значений объекта и вербальной единицы. Иными словами, в процессе восприятия слово (как языковая единица) способно оказывать такое же воздействие, как и реальный раздражитель. При постоянном участии однотипного раздражителя между ним и возникающей реакцией образуется связь по принципу условного рефлекса. Однако эта связь имеет функциональный характер, она актуальна только в контексте конкретной деятельности, попытка актуализировать ее в иной ситуации может оказаться безрезультатной. Любая функциональная система эволюционного характера является с позиции прогноза системой третьего типа, т.е. нелинейной системой. Рефлекс как психофизиологическая единица становится базисом для образования функциональных структур, интегрирующих в себе разнопорядковые элементы – вербальные и когнитивные единицы.

Существующая зависимость между рефлексами различных систем создает возможность для направленной актуализации смыслов и эмоций в пределах заданной функциональной системы, что успешно используется в рекламной деятельности.

Если в процессе формирования функциональной системы роль стимула выполнял какой-то определенный раздражитель, то после неоднократного повторения данного процесса указанную роль может выполнять любой из раздражителей, более того, он становится способен

один воспроизвести эффекты всей суммы составляющих стереотип компонентов. Такая структура устойчива в психофизиологическом плане, но в психическом плане позволяет гибко манипулировать собой, так как в качестве стимула задействуются разные компоненты.

Формирование стереотипа происходит по принципу доминанты. Процесс возникновения устойчивых связей между доминантой и рядом стимулов проходит стадии формирования и укрепления доминанты, выбора стимулов, закрепления создавшихся связей и образования единой системы. Стереотип является одним из вариантов образования подобной функциональной системы, в которой между доминантой и стимулами установлена такая связь, при актуализации которой достигается появление однозначной ожидаемой реакции. При функционировании стереотипа в рекламном дискурсе в качестве стимула используются не реальные раздражители, а вербальные, вербально-визуальные и визуальные знаки.

Определив специфику формирования и функционирования стереотипа как психического феномена, объединяющего рефлексы разноуровневого происхождения (перцептивного и вербального) и являющегося продуктом речевой деятельности человека, необходимо установить содержательные компоненты стереотипа. Находясь в системе координат линейного типа сделать это достаточно легко, опираясь на психические категории. Такими системообразующими компонентами стереотипа являются мотив (потребность), установка и эмоция. Потребность и мотив неразрывно связаны в структуре деятельности человека. В когнитивном аспекте стереотип является деятельностно-ориентированным знанием, что предполагает существование определенной схемы действий, связанной именно с определенным стереотипом и ни с каким другим.

Традиционно в психологии принято считать, что мотив – это отношение действия к условиям, в которых это действие возникает, т.е. отношение к цели, задаче и обстоятельствам. Мотив как побуждение – это источник действия, его порождающий; но, чтобы стать таковым, он должен сам сформироваться. Поэтому мотив не является неким абсолютным началом. Во временном плане мотиву предшествуют потребности и интересы, которые возникают у человека в процессе его общественной жизни. В рекламной деятельности мотив аккумулирует потребительские предпочтения в разновекторных видах речевой деятельности: создание и восприятие рекламного дискурса.

Мотив (потребность) включает человека в предметный мир, значимость предметов фиксируется эмоциональным отношением. До появления эмоционального отношения к предмету потребность может и не осознаваться, с другой стороны, появление эмоционального отношения, вернее модальность эмоции, формирует характер мотивов, стоящих за этой потребностью.

Эмоция как проявление потребности является компонентом стереотипа и тем средством, которое используется для регуляции поведения человека. Стереотип консервативен, представляя иерархию мотивов и иерархию эмоций. Стереотип – это когнитивная структура, «предписанность» усвоения которой не осознается индивидом, но воспринимается им как образование собственной картины мира. Субъект, способный к рефлексии, может отслеживать регуляторный характер эмоции. Тогда эмоция как компонент стереотипа является либо субъективным контролем деятельности (поведения, восприятии), либо контролем «извне», т.е. социальным.

Функции стереотипа (регуляция процессов восприятия, поведения, коммуникации и т.д.) позволяют определить его в качестве предиспозиции оценки объекта и готовности действовать в определенных условиях на основании прошлого опыта. Стереотип принципиально конвенциональное образование. В функциональном аспекте – это система, призванная стабилизировать социально значимую деятельность человека.

Символ, как термин и понятие, появляется в таком большом количестве теорий и концепций, что вряд ли возможно их просто перечислить. Стереотипу «повезло» в том, что все учения принимают неразрывную связь этого понятия и психической, когнитивной сферы человека как данность. Поэтому толкования стереотипа не столь противоречивы. В отличие от стереотипа, само слово «символ» уже стало символической структурой второго, а то и третьего порядка. Символ в различных научных направлениях не просто приобретает свою специфику, но принципиально разное понимание самого артефакта.

В философском осмыслении символ с Древних времен – это выражение возможности опознания целого феномена при предъявлении его знака, такой подход отчасти актуален и в исследованиях настоящего времени. В герменевтике (одно из философских направлений) символ рассматривается как структура значений, где первый, прямой и буквальный смысл при помощи добавлений означает другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть воспринят только посредством первого смысла. Культурология определяет символ

как особого рода знак, несущий в себе живую психическую связь с тем бытием, которое он обозначает. В сфере искусства символ – это образно представленная идея, в социологии – любые жесты, артефакты, знаки или понятия и т.д.

Не вдаваясь во все нюансы перечисленных направлений, можно выделить нечто общее: 1) символ предполагает некую субстанциональность, чаще понимаемую знаком, репрезентированным материальным объектом или отношением между объектами; 2) символ соотносит человека с обществом. Таким образом, символ является когнитивной единицей, существующей по принципу функциональной динамической системы.

Психология не рассматривает символ как операциональную структуру, в отличие от стереотипа, но если посмотреть на пути формирования символа, то в линейном измерении также можно выделить психические категории, участвующие в его образовании. Парадокс заключается в том, что это будут те же самые категории, что и у стереотипа – мотив (потребность), установка и эмоция. Более того, и у концепта, у слова, у метафоры и даже у иронии будут те же психические основы. Ответ прост: конститутивно все это – продукты речевой деятельности. Таким образом, с отражательной философской научной точки зрения различия (генетического, структурного, функционального характера) этих феноменов не имеют объяснительной силы.

Лингвосинергетика (как одно из направлений нелинейной науки) недостаточность объяснительной силы разграничения когнитивных единиц в рамках теории отражения определяет стремлением к упорядоченности системы. Упорядоченность приводит к генерализации понятий, следовательно, к содержательному упрощению самого явления. Функциональное сближение стереотипа и символа в рекламе происходит на основе концепта как смыслового поля, включающего, по модели В. А. Пищальниковой [3], компоненты: тело знака, понятие, предметное содержание, представление, ассоциации, эмоции, оценку. В рекламном дискурсе построение смыслового поля происходит по синергетическим принципам симметрии репрезентированной вербально и визуально информации. К основным построениям относятся: симметричная (совпадающая), антисимметричная (зеркальная) и трансляционная (перемещающаяся) репрезентация. Данные принципы могут быть соотносимы как со структурой концепта, так и с соотношением двух и более концептов. Этим обеспечивается выход за границы синергетической системы (человек) и включенность в структуру синергетической системы другого порядка (общество).

При восприятии рекламного дискурса актуально не расширение поля смысла, а его локализация и интенциональная сила. Энтропия восприятия может быть снижена за счет перенесения концептуальных знаний в доконцептуальные структуры, т.е. такие, как мотив (потребность), установка, эмоция и другие. Доконцептуальные диссипативные структуры лежат в основе и стереотипа, и символа. Первоначально стереотип и символ ведут к увеличению энтропийности восприятия и создают неравновесность системы за счет актуализации значений, закрепленных за этими когнитивными структурами. Далее энтропийность восприятия снижается по мере понимания или непонимания воспринятого.

Символ и стереотип соотносимы с повторяющимся восприятием: они ограничивают энергийный поток, который передается по замкнутому циклу фазовых превращений. То есть когнитивная основа стереотипа и символа не временная (векторная), а цикличная. Поэтому характеристикой темпоральности стереотипа и символа является их медлительность, зависящая от величины накопленной информации. В этом случае можно определить и различия стереотипа и символа: объем накопленной информации в символе выше, чем в стереотипе, поэтому и структура символа сложнее и может включать реликтовые пласты, не просто не осознаваемые, но и подсознательные.

Как элемент синергетической системы, репрезентированной рекламным дискурсом, символ является креативным аттрактором, стереотип – бифуркационной точкой. Но функционально они сближаются, так как стабилизируют и направляют восприятие. Происходит выравнивание, симметризация восприятия большого количества респондентов. Более того, действенность, заложенная психологическими системами, находящимися в основе этих когнитивных структур, обеспечивает оценку и интенцию, представленную конкретным рекламными дискурсами.

Таким образом, лингвосинергетический подход следует рассматривать как эвристический инструмент, как некую модель знаний о человеке, обеспечивающую иное представление об объектах действительности. Необходимо разграничивать сам синергетический процесс существования смыслов (порождение и восприятие их) в концептуальной системе человека, представленный в рекламном дискурсе, и анализ этого процесса. «Синергетический эффект» восприятия рекламного дискурса должен рассматриваться как реальный психосоматический процесс. Обнаружение же смыслового инварианта этого процесса – аналитический поиск определенного репрезентанта, носителя, маркера этого процесса.

На современном этапе реклама является не только особым социокультурным феноменом, но и значимым структурным элементом общества, то есть помимо информации разного уровня и содержания реклама сегодня несет в себе различные культурные, воспитательные, моральные, социальные, религиозные и т.п. представления. Создание идеальных рекламных образов в различных аспектах (по товарам, услугам или социальным проблемам) формирует культурные стереотипы – общее представление о ценностях общества, стремлениях и направлениях развития. С другой стороны, реклама является формой социальной коммуникации и передает информацию, идеи, эмоции, навыки, установки посредством символов, слов, изображений.

Одним из важнейших условий существования и дальнейшего развития культуры является возможность обмена духовными ценностями между людьми. В процессе общения между людьми и усвоения ими культурного богатства человек становится личностью. Это возможно благодаря передаче и приему информации, неотъемлемой частью которой в современном обществе является и реклама. В числе других форм социальной коммуникации, реклама также является средством распространения культурных кодов и их трансляции от поколения к поколениям. Смысловые образования, репрезентированные вербально-визуальными символами рекламы, формируют и укрепляют культурные стереотипы. Рекламная коммуникация даже экономического плана, тем более социального, выходит за рамки рекламного продукта и представляет сегодня новую ценностно-смысловую реальность и качественно новую социокультурную форму.

Символ возникает и функционирует в рамках социального опыта, поэтому общественные отношения являются областью развития особого типа мышления, способного к воспроизводству символов, создающих систему образного познания мира. Таким образом, символ является социальным и когнитивным механизмом, с помощью которого возможен человеческий опыт. С помощью символов происходит постоянное приобщение новых поколений к определенным способам познания и преобразования действительности, постижение социального опыта и формирование мировоззрения. Символ является смысловой константой и в рекламе представлен визуально и вербально.

К примеру, символ как образ социализации и индивидуализации ребенка может быть актуален в рекламе даже не социального, а экономического толка. Например, в телевизионной рекламе препарата медицинского назначения «Анаферон» (производства компании «Эвалар» г. Бийск) веселая и шустрая девчушка становится символом легкого, счастливого существования без болезней. С другой стороны, позитив-

ный отклик у жителей г. Барнаула вызвала социальная наружная реклама 2014 г. «Барнаул – город счастливых детей!». По сути, эта реклама была адресована всем жителям региона независимо от возраста. И в этом случае веселая, беззаботная маленькая девочка на качелях становится символом современного жизненного уклада горожан. Безусловно, восприятие рекламы запускает механизмы формирования культурных стереотипов согласно представленными в ней символами. Посредством их происходит соотнесение человека с той или иной социальной группой, даже если группа является вымышленной, метафорической, например, как «радостное детство».

С помощью символов в рекламе возможно не только присвоение социального опыта, но и ретрансляция культурных ценностей. Символы не только создают культуру, но и «являются средствами развития социального сознания. Развитие социального сознания, являясь диалектическим процессом отождествления и различения, направлено на самопознание человека, так как человек не может … осознать собственную индивидуальность, кроме как посредством социальной жизни» [2, С. 261]. Примером ретрансляции культурных ценностей может служить реклама «Алтайская нива», в которой девочка в национальном костюме приглашает гостей на сезонную выставку сельскохозяйственных достижений Алтайского края. Изображение колосьев, убранного поля дополняют в образе девочки символ молодости, счастья, здоровья, ценности сельского труда и производства.

Представленные три образа, безусловно, являются символами современного регионального развития с установлением ценностных доминант: здоровье, радость бытия, чистота жизни, труд и жизнь на земле. Но помимо этого, эти символы понятны, доступны для восприятия и способны генерировать культурные стереотипы «счастливого детства», «радости жизни» и «радости сельскохозяйственного труда», раскрывающие региональный имидж Алтайского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов, В. И. Синергетическое движение в языке / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Самоорганизация в науке. Опыт философского осмысления. – М. : АСТ, 1994. – 198 с.
2. Пендикова, И. Г. Архетип и символ в рекламе / И. Г. Пендикова, Л. С. Ракитина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 303 с.
3. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики. Ч.1 / В. А. Пищальникова. – М. : ИЯ РАН, МГЛУ, 2005. – 296 с.
4. Сонин, А. Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы / А. Г. Сонин. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2002. – 240 с.

«СИБИРСКИЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ И СПРАВОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ» КАК АРТЕФАКТ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В. А. Черных

Фёдору Петровичу Романову, частному издателю Томска, принадлежит крупный издательский проект – «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь». В 1893 г. он собрал и подготовил материалы, прошел цензурный комитет и напечатал первый календарь на 1894 г. Романов издавал календари до 1905 г., когда он скоропостижно скончался. В дальнейшем права на издание календаря приобрел коммерсант, агент многих промышленных предприятий и страховых обществ Михаил Павлович Кедроливанский, осуществлявший их выпуск с 1910 г.

Сначала Романов раздавал календари бесплатно, потом он стал их продавать по 1 руб. 50 коп., затем с обложкой по 2 руб. 50 коп., без обложки по 2 руб. У Кедроливанского цена календарей была от 3 руб. до 3 руб. 50 коп. В период с 1894 по 1903 гг. календарь разошелся в количестве 50 000 экземпляров. Общая сумма за 10 лет от продажи издания и от рекламы свыше 120 000 руб., чистая польза от календарей около 30 000 руб. [7, с. 27].

Печатали календари в Санкт-Петербурге в типографии Э. Ф. МексЪ, потом в типолитографии П. И. Макушина в Томске. Прием подписки и рекламных объявлений производили определенные лица в городах – Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе, Туле, Екатеринбурге, Омске, Ново-Николаевске, Барнауле, Бийске, Красноярске, Томске, Благовещенске; за рубежом – в Германии (в Берлине) и в Англии (в Лондоне). Таким образом, календари были известны не только в Сибири, но и по всей России и за границей.

«Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь» – это фолиант, который постоянно увеличивался в объёме: первые выпуски – до тысячи страниц, последующие – свыше 1000 страниц. Эти книги были красиво оформлены, в духе эстетики стиля модерн: на переплёте – орнаментальное тиснение, красивый шрифт названия, геометрический и флореальный орнамент – арабески на уголках [5, с. 3]. Листы были из очень тонкой, но прочной бумаги, в основном молочного цвета, оживляли календарь вставки бумажных страниц разных цветов: жёлтого, голубого, розового, сиреневого, зеленого, бирюзового, оранжевого, что облегчало читателю поиск нужной информации.

Открывался первый календарь заставкой, которая несла читателю определенный смысл. Дана суровая природа Сибири. Этот сумрачный лес освещает ярким факелом ангелочек, над которым помещена женщина с книгой. Ангелочек несёт светоч знаний в сумрак Сибири. Во второй половине листа дан мчащийся по железной дороге паровоз – стальной конь как символ технической мощи. Состав из товарных вагонов говорит о вывозе из Сибири её природных богатств. С правой стороны красивым шрифтом набрано название календаря и год – 1894. Затем Романов сменил заставку, которая в дальнейшем стала постоянной. Она имела символику с более чётким и точным смыслом. Эта заставка состоит из четырех рисованных картинок: суровая природа Сибири (леса, реки); крестьянин везёт на лошади сено; мчащийся прямо на читателя по железной дороге паровоз; строение золотодобытчиков. Здесь реализована любимая идея Ф. П. Романова: есть могучий и богатый край – Сибирь, в который должна ворваться новая, современная жизнь. Из старой, отсталой Сибирь должна превратиться в модернизированный регион, оснащенный современной техникой (сани должны уступить место паровозу). Заставка отражала дух историко-культурной парадигмы модерна, суть которой была в осовременивании, обновлении страны и её неотъемлемой части – Сибири, которую нужно было развивать и осваивать. Заставка символизировала модернизацию посредством техники.

Издание календаря было сопряжено со многими трудностями. Подводя итог 10-летнего издания календарей, Романов признаётся в том, что пройденный путь был очень нелёгким. Он пишет: «Вступить на него пришлось ещё тогда, когда торгово-промышленный мир Сибири не только не признавал нужным обращаться к печатному слову, как к полезному в его деятельности фактору, но считал ещё печатное слово и всякую вообще огласку в его делах прямо вредными; когда официальные лица и учреждения, не веря в возможность выполнения намеченной программы, готовы были, если не препятствовать осуществлению дела, то, во всяком случае, игнорировать его требования; когда, наконец, несовершенные пути старой Сибири значительно затрудняли возможность своевременного получения сведений, столь необходимых для календаря, как издания, прежде всего характера справочного, как издания, посвящённого исключительно области фактов и подлинной действительности. Приходилось неустанно бороться с этим недоверием, индифферентизмом и прочими неблагоприятными для издательства местными

условиями, шаг за шагом укреплять в мире коммерческом, официальном и в читателе доверие к изданию и правильный взгляд на его задачи и значение в ряду других повременных органов печати» (1903 г.).

Чтобы преодолеть эти трудности, Романов избирает такую форму общения со своими читателями как диалог, причём очень заинтересованный, искренний, доверительный. Он обращается за помощью к читателям, говорит им о своих проблемах, просит присылать ему материалы, высказывать критические замечания, давать советы. Только при активной поддержке читателей, как полагает Романов, издание состоится и займет достойное место в жизни общества. Как создатель и издатель, Романов всецело стремится к совершенствованию своего детища.

Издание Романова было принято в обществе. Благожелательное расположение читателей сказалось в обратной связи. Читатели начали активно сотрудничать с Романовым, ему писали и присылали материалы, давали советы, высказывали пожелания. Так, например, люди захотели увидеть в календаре перечень всех главных трактов Сибири. И эти сведения были напечатаны (1896 г.) незамедлительно, хотя они должны были являться содержанием разных путеводителей и дорожников. С каждым годом число подписчиков и покупателей календарей Романова увеличивалось, интерес к ним возрастал, о них хорошо отзывались в прессе.

Активно работали редакция и сам Романов, отмечавший, что число сотрудников по изданию календарей с каждым годом всё увеличивается. Корреспонденты выезжали добывать материал в самые отдаленные уголки Сибири. Романов привлекал людей разных знаний и профессий к написанию статей. Авторы материалы не подписывали, но издатели, выражая благодарность за сотрудничество, перечисляют некоторые фамилии: М. Н. Селихов, Н. Н. Разин, князь Э. Э. Ухтомский, ученый В. В. Сапожников, Л. Я. Штернберг, В. В. Потоцкий, М. И. Васильев, помощник присяжного поверенного Р. Л. Вейсман, инженер М. В. Гирбасов, заведующий библиотекой Томского университета ученый С. К. Кузнецов, Н. П. Матвеев (Николай Амурский), М. П. Попов, К. С. Прянишников, А. Г. Рождественский (правитель дел Приамурского отдела Императорского Географического Общества), С. И. Соколов, М. А. Тимофеев, А. И. Бычков, инженер Будаков, Н. Геккер, Н. А. Гурьев, инженер Л. Ф. Грауман, Н. Н. Емельянов, В. С. Келлерман.

В дальнейшем читатели присылали в редакцию столько материалов, что Романов, увеличивая объём своих книг, всё равно не мог помещать их в один ежегодник, а оставлял для последующих выпусков. Помимо вербального ряда, существовал и визуальный. Редакцией было заготовлено много фотографий и клише рисунков для иллюстрирования календарей (видов местностей, снимков этнографического характера, портретов начальствующих особ и общественных деятелей). То, что его издание состоялось, – это, по признанию самого Романова, являлось «нравственной поддержкой» в его дальнейшем творчестве по созданию календарей. Со своей стороны, Романов беспрестанно выражает благодарность редакции, читателям, учёным за то, что они помогают ему осуществлять столь важное дело.

Романов издавал свой календарь-ежегодник в течение 12 лет. Возобновил издание «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря» М. П. Кедроливанский, подготовив и издав календарь на 1910 г. Он лелеял мысль осуществить раньше издание календаря, но пережил «страшную материальную нужду» (1909 г.). Он сообщает читателям: «…Счастлив с гордостью заявить, что, как это ни трудно было, мне удалось всё-таки в конце концов достигнуть возможности выполнить свои обязательства перед всеми, почтившими издание доверием, но и обеспечить дальнейшие безостановочные его выпуски» (1909 г.). Кедроливанский на титуле календаря на 1910 г. идентифицирует его как «бывший календарь Ф. П. Романова» и выражает надежду, что возрожденное издание будет таким же хорошим, как и предыдущее. Приём подписки и рекламы производили как в России, так и за рубежом определенные лица, но были ещё и разъездные представители, имевшие специальные полномочия.

Кедроливанскому на первых порах пришлось столкнуться с теми же трудностями, что и Романову. Он говорит о том, что редакция преследует благородную цель – она издает календарь на благо общества, для развития экономики, для торгово-промышленных кругов, чтобы они владели всей необходимой для развития их дела информацией. При сборе информации какие-то учреждения и лица сразу откликаются и присылают в редакцию нужные сведения, но большинство не откликается на просьбы, молчит, сколько бы раз к ним ни обращались. И редакция не может получить никаких известий от них. Что, конечно, очень вредит делу. Редакция, несмотря на трудности такого рода, выражает готовность не только запрашивать необходимые материалы, но будет командировать агентов и добывать нужную информацию по вопросам жизни Сибири (календарь на 1911 г.).

Издатель меняет и заставку к своему календарю, которая говорит уже о результатах освоения Сибирского края. В красивой фигурной рамке, украшенной цветами, сосредоточены дары лесов, полей и рек – рыба, пушнина, мёд, грибы, заготовка леса, снопы злаков. Означены средства передвижения – пароходы, паровозы. Представлены работающие фабрики и заводы. Таким образом, у Кедроливанского, в отличие от Романова, даны уже результаты преобразования сибирского региона.

В календарях Кедроливанского появляются новые рубрики, как, например, галерея выдающихся деятелей, внёсших большой вклад в развитие Сибири, – П. И. Макушина, А. М. Сибирякова, И. М. Сибирякова, Е. Л. Зубашева, Г. Н. Потанина и многих других. Об этих людях М. П. Кедроливанский пишет: «…В наш век безыдейности и совершенного равнодушия, такие люди… являются гордостью и национальным достоянием страны, ибо они в области хороших начинаний, своей энергией и несокрушимым присутствием духа, служат нам примером, как нужно работать, несмотря ни на какие препятствия, не покладая рук, на пользу своего ближнего» (1911 г.).

Интересен такой факт. Кедроливанский в своём «Календаре» на 1910 г. рекламирует другие календари: «Тульский Адрес-Календарь» (4-й год издания), «Приамурский торгово-промышленный и Справочный Календарь» (4-й год издания), «Уральский торгово-промышленный Адрес-Календарь» (12-й год издания). Все эти календари стали издавать гораздо позже «Календарей» Романова и Кедроливанского. Также представлен читателям коммерческий справочник и общий адрес-календарь «Вся Волга» (год издания не указан). В нём даны сведения об Астраханской, Казанской, Костромской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тверской и Ярославской губерниях.

Цель и содержание календарей

В первом выпуске календаря на 1894 г. Романов видит цель в том, чтобы «сгруппировать, по возможности, все материалы о торговых делах и промышленных предприятиях Сибири вообще и города Томска в частности в один общий сборник». Через два года в календаре на 1896 г., Романов определяет цель своего издания уже по-другому, он пишет: «Громадным и важнейшим рынком сбыта предметов производства Европейской России будет Сибирь, так что заблаговременно завоевать себе позицию на будущем рынке – дело первостепенной важности для торговых и промышленных фирм». В первом случае речь идет о том, чтобы представлять России деловую Сибирь, во втором – продвинуть европейскую часть России, где были развиты коммерция и производ-

ство, на сибирский рынок. В принципе, цель одна: способствовать развитию Сибири через активизацию торгово-промышленных связей, налаживание коммуникации между производителями и потребителями. Глубоко патриотическая цель, реализации которой Романов посвятил всю оставшуюся жизнь. По мере издания календарей цель издания расширяется и углубляется – появляется идея дать читателям справочную книгу, которая может быть названа «Вся Сибирь». Романов делится своими замыслами, говоря о том, что со временем это издание будет носить иной характер, «…помимо календарных сведений, справочной книги и сборника всевозможных данных о Сибири», это будет сибирский ежегодник как периодическое литературное издание, в котором «…будут помещаться каждый год новые статьи и материалы о Сибири, с описаниями и отдельными очерками по разным предметам, касающимся текущей жизни края» (1896 г.). Романов хотел расширить читательскую аудиторию. Это должна быть книга о всей Сибири и для всех, а не только для предпринимателей, коммерсантов и промышленников, т. е. деловых кругов России и Сибири. Это должна была быть книга для всех, кто интересовался жизнью Сибири, для самих сибиряков, для россиян, для иностранцев. Это была одна большая «реклама» Сибири в России и в мире. В дальнейшем в рекламе конкретных товаров читаем приписку: «Для Сибири».

«Сибирский» – это главное слово, которое обусловливает основное содержание и специфику календарей Ф. П. Романова. В конце XIX – начале XX вв. появилось много календарей, которые специализировались на отдельных местностях (например, «Тульский Адрес-календарь»). Календарь Романова был одним из них. Однако он отличался тем, что рассказывал о всей Сибири, а не об отдельной губернии. Территория Сибири на тот момент включала Томскую, Тобольскую, Енисейскую, Якутскую, Забайкальскую, Приморскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Амурскую, Уссурийскую губернии, часть Пермской губернии и остров Сахалин [1, с. 145]. Романову удалось дать читателям обзор всех частей Сибири, от Урала до Восточного океана, и даже включить в этот обзор среднеазиатские владения России, т. к. они тесно соприкасались с Сибирью. Через четыре года в предисловии к календарю на 1898 г. Романов констатирует, что цель, которую он себе ставил, то есть дать книгу о всей Сибири, «до некоторой степени достигнута». Он отмечал, что его издание заинтересовало людей, он получает благожелательные отзывы о нём от читателей и прессы. Ему удалось пробудить в обществе большой интерес к Сибири. Выпуски календарей «…расхо-

дились без остатка тотчас же по появлении их в свет» [4, с. 26]. С каждым годом расширялся объём данной книги. Романова радует успех его издания, это придает ему уверенность в том, что его труд важен и нужен людям, что вдохновляло его на дальнейшее творчество, на совершенствование издания.

Торгово-промышленная сфера хозяйства была представлена рекламой более 500 фирм. Реклама – это средство продвижения товара от производителя к потребителю. Рекламу помещали в календарях сибирские, российские и зарубежные компании. Техническая оснащенность хозяйства имела общемировой уровень (российская, американская, французская, немецкая, скандинавская, бельгийская и др. реклама встречается на страницах календарей). С другой стороны, Романов помещал статьи известных специалистов о том, какие в Сибири полезные ископаемые и как ведётся их разработка (например, статья инженера Гирбасова о золотопромышленности).

Справочный раздел имел емкий характер. Информационный блок давал сведения о всех сибирских губерниях и городах, их населении, экономике, путях сообщения, ярмарках, торговых фирмах, банках, золотодобыче, законодательстве, сельском хозяйстве и т. д.

Поскольку календари – это печатное средство массовой информации, то отметим и такую их особенность, как качество информации. Необходимые материалы добывали сам издатель, сотрудники редакции и читатели. Сведения поступали как из центров, так и из глухих провинций. Их запрашивали и получали, если не получали, то командировали агентов. К каждому календарю Романов писал преамбулы «От издателя», устанавливая тесную взаимосвязь издателя с читателями, доверительно делясь с ними трудностями, возникающими в процессе подготовки календаря к изданию. Доверительность издателя пробуждала в читателе отзывчивость, желание помочь, поэтому со временем Романов стал получать большое количество материалов, присылаемых ему читателями.

Впоследствии Романов стремился охватить как можно большее количество читателей, как подписчиков, так и покупателей календаря. Как издатель, он стремился к тому, чтобы информация вовремя поступала читателям, поэтому календари печатали и распространяли накануне того года, которому он был посвящён. Информация была объёмной, развернутой. Его справочные материалы были не похожи на краткие словарные статьи, это были полноценные статьи авторитетных авторов по разным аспектам жизни Сибири. Романов очень быстро реагировал на запросы читателей, помещая интересующие их материалы.

Одним из достоинств календарей Романова было то, что материалы о Сибири были точными, своевременными и свежими, взятыми из официальных отчётов, в отличие от других изданий, позволявших себе печатать устаревшие данные. Если какие-то материалы требовали повторения в последующих выпусках календарей, то их обязательно перерабатывали, обновляли на основе новейших цифр и фактов. При таком ответственном отношении к содержанию календарей Романов, тем не менее, испытывал тревогу и беспокойство за то, что информация доходила до читателей с задержкой, но не по его вине, а в силу того, что официальные источники и статистические сборники печатали с опозданием. Да и сам календарь был не ежедневной газетой, а ежегодником, и регион Сибири был очень обширен. Романов на это обращает внимание читателей и просит его извинить. Романов очень уважительно обращался с читателями и очень ответственно относился к своей работе.

Теперь обратимся к содержательной части «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря». По жанру – это календарь, которых в то время выходило очень много. Календарь – это таблица или книжка с перечнем всех дней в году (с различными справочными материалами) [2, с. 221]. По разновидности – это настольный календарь. Например, календарь на 1897 г. открывается календарями разных религий (православный, римско-католический, протестантский, еврейский, магометанский). Наличествует летоисчисление, и перечисляются неприсутственные дни, святцы, календарные сведения. Дан адрес-календарь присутственных мест Томска и других городов, адрес-календарь правительственных, общественных и частных учреждений Томска – с указанием их личного состава. Здесь же помещены сведения о Главном управлении Алтайского горного округа в Барнауле.

Из первого выпуска календаря можно было узнать о посещении Сибири особами Царствующего Дома, начиная с 1837 г., о церквах и чудотворных иконах Томска, о завоевании Сибири. Перечислены торговые фирмы Томска, рассказано о золотодобыче, о путях сообщения, о балансе Общественного Сибирского банка в Томске, есть перечни сибирских городов с указанием, кем и когда они основаны. Почти половину объёма книги занимает реклама, которая позволяла жить издателю и существовать изданию.

Эпоха модерна, как и наше время, – это рыночная экономика, конкуренция, активное развитие предпринимательства, коммерция, производство товаров. Именно в это время рынок порождает активное развитие рекламы как средства, соединяющего спрос и предложение, производителей с потребителями.

«Коммерсантов, удостоивших моё издание помещением своих объявлений, которые при большом количестве календаря, при интересе к книге при её повсеместном распространении в Сибири – вполне достигнут цели, ознакомив посредников между спросом и предложением, сибирских коммерсантов с производителями нужных им товаров.

Торговая деятельность Сибири с проведением железной дороги постепенно развивается – значит, Сибирь будет громадным и важнейшим рынком сбыта предметов производства Европейской России, так что заблаговременно завоевать себе позицию на будущем рынке, – дело первостепенной важности для торговых и промышленных фирм. Издание моё предназначено служить этой цели…

Выражаю благодарность публикаторам, поместившим свои объявления. Смею надеяться на их благосклонное внимание, что в будущих выпусках моего календаря, я буду иметь честь видеть не только эти крупнейшие торговые фирмы, но ещё и новые, я же, улучшая ежегодно издание, постараюсь дать ему самое широкое распространение, чтобы реклама в нем была действенною. Ф. П. Романов. Томск, 31 октября 1895 г.»

Календари были действенным печатным рекламоносителем. В них рекламировали свои товары купцы и промышленники Российской империи, Западной и Восточной Сибири, бизнесмены из Европы и Америки. Одна треть календаря была отдана рекламе: ею ежегодник открывался и закрывался, она была на обложке, в конце страниц некоторых статей и справочных материалов, на обороте карт строящейся железной дороги.

Модернизация Сибири предполагала насыщение её техникой, поэтому в календарях много объявлений рекламирующих технические изделия, как российские, так и зарубежные. Вербальный текст подкреплялся графическим изображением – чертежами, реже помещали фотографии, на которых мог быть показан завод и оборудование, на котором изготовляли технику. Потребителю давали наглядную картинку и текст, описывающий достоинства данного товара и то, как им пользоваться.

Что рекламировали? Меха, одежду, обувь, продукты, кондитерские изделия, посуду, резиновые товары, строительные товары, музыкальные инструменты, парфюмерию, табачные изделия, галантерею, хозтовары, мебель, алкоголь, различные напитки, канцелярские товары, печатную продукцию, изделия народных промыслов и т.д. Все потребности, как производственные, так и человеческие старались удовлетворить. Ассортимент товаров был огромный при жесткой конкуренции

(например, резиновые изделия предлагали российские, польские и американские фирмы). В календарях потребители Сибири находили рекламу американской и австрийской мебели, ювелирных изделий «Фаберже» (Санкт-Петербург), товаров из Англии, Германии, Бельгии, Италии, Австрии, Чехии, Венгрии, Польши, Литвы, Финляндии, Швеции. Поляки рекламировали как свои товары, так и немецкие, голландские, швейцарские, французские.

Купцы Восточной Сибири рекламировали как местные товары, так и китайские, японские. Барнаул торговал с Китаем и Монголией, местные купцы имели магазины по всей Сибири и во Владивостоке, торговали и рекламировали импортные товары (так, например, товарищество «С. А. Шутов и В. В. Суслин» объявляли о продаже немецких сельскохозяйственных машин и швейцарских локомобилей, импортном оборудовании для мукомольных мельниц).

Рекламу в календарях можно структурировать следующим образом: местная (собственно барнаульская), губернская, общероссийская, стран, входивших в состав Российской империи (Польши, Финляндии), иностранная (Европа, Америка, Монголия, Китай, Япония).

Таким образом, товары со всей России и мира были представлены на рынке Сибири, что, конечно же, убыстряло, динамизировало, изменяло экономическую и социокультурную жизнь всей Сибири.

Романов в своих календарях освещает важнейшую для Сибири проблему строительства железной дороги. Ежегодно он публикует отчёты о каждом проложенном отрезке пути, в том числе, когда магистраль пролегла по Алтайскому округу, около Барнаула. Железная дорога была мощным средством коммуникации как внутри самой Сибири, так и вне её. Она соединяла Сибирь с Европой и Азией, со всем миром. Информация представлена не только текстом, но подкреплена фотографиями, картами Российской империи с обозначением Великой Сибирской железной дороги. Карты-вкладыши давали представление о том, до каких мест можно добраться по железной дороге, в т. ч. по ветке, ведущей на Обь к Новониколаевску, Барнаулу, Бийску и далее до Дальнего Востока. В календарях печатали расписание движения поездов и цены на билеты. Издатель информирует о том, как продвигается строительство Уральской, Уссурийской железных дорог, помещает проект дороги в Маньчжурию. Материалы о строительстве железной дороги были приоритетными, их печатали в первую очередь, с гордостью сообщая, что «непрерывный рельсовый путь прорезал всю Сибирь с запада на восток». Железная дорога дала мощный толчок культурно-экономическому развитию Сибири. Романов констатирует, что железная дорога

решила проблему классического бездорожья в Сибири, она стала силой быстрого всестороннего и безостановочно-поступательного развития всей Сибири, ее хозяйственно-экономического аспекта, она способствовала усиленному переселению крестьян, она высвободила значительную часть населения от коренного его занятия – транспортировки грузов с её подсобными промыслами: тележным, санным, дужным, шорным – и направила эту часть людей в сельское хозяйство. Этот процесс повлёк за собой пересмотр форм землепользования, были проведены поземельно-устроительные работы. Железная дорога ускорила обмен и распределение товаров в Сибири; сократила сроки оборота капитала вдвое/втрое; уменьшила предпринимательский риск и тем удешевила капитал, что привело к появлению в Сибири новых сфер деятельности и предприятий (экспорт хлеба, масла и всякой живности); изменила формы товарообмена, промыслов, кредита, что заметно сказалось на золотопромышленности, которая вместе с чайной торговлей и винокурением занимала крупнейшее место в торгово-промышленной жизни Сибири. Золотопромышленность стала интенсивно развиваться на основе новых форм хозяйствования и с введением закона о свободном обращении золота и мн. др.

Помимо железной дороги, Романов рассказывает читателям о других видах связи: о работе почты, телефона, телеграфа; помещает таблицы, тарифы, правила пользования этими видами коммуникации. На эту тему в календарях даны обстоятельные статьи. Хорошо представлено пароходное сообщение: перечислены порты, количество пароходов в них, пассажиро- и грузоперевозки, расписание пассажирского движения и цены на билеты в разных классах, освещается работа Барнаульского и Томского портов. В календарях даны сведения об Одесском и Дальневосточном пароходствах, какие пароходы и в какое время доставляют пассажиров и грузы в города Европы и Америки. Таким образом, наличие всех современных видов связи позволяло Сибири коммуницировать со всем миром.

Другой важной проблемой, решению которой способствовал Ф. П. Романов, актуализируя её на страницах своего издания, – это развитие Восточной Сибири. Романов с гордостью заявляет, что он сотрудничает с известным специалистом по Востоку – князем Э. Э. Ухтомским, который написал и поместил в одном из календарей основополагающую статью «Наши задачи на Азиатском Востоке», в календаре на 1896 г. была помещена реклама его книги «Путешествие на Восток его императорского высочества наследника цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая Александровича». На тему

Востока Романов печатает всё новые и обширные материалы – «Русские и европейцы в Китае», «Очерки Уссурийского края», «Остров Сахалин», «Порты Охотского моря», пополняет интересными сведениями о жизни восточных окраин. Особо Романов обращал внимание на остров Сахалин, колонизация которого составляла в то время один из животрепещущих вопросов по освоению этой территории. Материалы о Сахалине иллюстрируются серией рисунков. В календарях охарактеризованы губернии и города Дальнего Востока, описаны порты Охотского моря, подробно освещено текущее строительство железной дороги и планы дальнейшего прокладывания железнодорожного пути по Дальнему Востоку.

Романов очень своевременно откликается своим изданием на все изменения. Он быстро отреагировал на реформирование суда в Сибири, поместив очерк о сущности и форме нового порядка судопроизводства, преимущественно освещая его практическую часть (об открытии новых судебных учреждений, о судебной части, о суде присяжных). Как отмечает Романов: «Уничтожив суд по форме и заменив его судом совести, судом скорым, правым и милостивым, судебная реформа положила <…> грань между функциями административными и судебными, резче и теснее очертила административное усмотрение, а, следовательно, дала и более прочные устои гражданским правоотношениям в крае, что, в свою очередь, должно было повлечь за собой крупные изменения в общественном строе Сибири» [3, с. 11]. Распространение и введение (1903–1904 гг.) на всей области Сибири закона о промысловом налоге тоже сыграло свою роль в изменении жизни Сибири.

В своих книгах-ежегодниках как Романов, так и Кедроливанский старались дать максимальную характеристику всех губерний, городов, значимых населенных пунктов Западной и Восточной Сибири, Туркестана, Степного края: географическое положение, природа, население, земледелие, скотоводство, промыслы, добыча полезных ископаемых, золотодобыча, состояние торговли, местные ярмарки, народное образование, наличие железнодорожного и гужевого транспорта, пароходного сообщения и мн. др. Эти сведения постоянно уточнялись и обновлялись.

По календарям можно проследить интеллектуально-творческую и культурную жизнь в Сибири: писали о народном просвещении, о создании первых бесплатных библиотек, о наличии печатных изданий и издательств, школ, о выпуске книг, журналов, газет, торговле музыкальными инструментами; помещали отчёты о развитии народного образования, ведомости о числе учебных заведений и учащихся (напри-

мер, в Томске); приводятся статистические данные о школах, гимназиях, их работе, выпускниках. Конечно же, в календарях зафиксировано такое грандиозное событие в интеллектуальной жизни сибирского общества, как открытие университета в Томске. Университет вначале называли «Сибирским», но потом ему этот статус не присвоили. Цель открытия – повышение уровня народного образования, профессионализма и количества педагогов, медиков, юристов, физиков, биологов, математиков, развитие разных сфер науки. В календарях отражена борьба за наличие в университете историко-филологического факультета, который правительство не хотело долгое время открывать, опасаясь усиления революционного движения. Рассказывали об учёных, изучающих Сибирь в разных аспектах (природа, флора, фауна, народонаселение, наличие полезных ископаемых и т. д.).

В календарях уделено внимание и Алтаю, входившему в состав Томской губернии. Представлено Главное управление Алтайского округа в Барнауле, дано описание городов и многих крупных населенных пунктов, перечислены купцы разных гильдий, чем они торгуют, сказано о характере производства, об инородцах, о реке Катуни и её притоках, о дачных местах, железной дороге, водных путях, о торговле с Монголией, о переселении и землеустройстве, о распоряжениях правительства по Сибири, упоминается и о золотодобыче на Алтае. Материалы снабжены фотографиями видов Горного Алтая, строительства железной дороги, планами городов. В календаре на 1911 г. весь седьмой раздел посвящен Алтаю. В календарях публиковали статьи учёных Томского университета об Алтае. Были перечислены общероссийские и зарубежные представительства торговых фирм, находящихся в Барнауле. Рекламировали очередные выпуски периодических изданий, издававшихся на Алтае, – журналы «Алтай», «Алтайский крестьянин», газету «Жизнь Алтая».

В каждом выпуске календарей обязательно помещали сведения о Российском Императорском Доме с портретами императоров и их семей.

В силу того, что невозможно описать всё, о чём сообщали в календарях, перечислим лишь некоторые примеры помещаемого в справочном отделе: о гербовом сборе, о векселях, о таксе вознаграждения нотариусов, о новом Уставе, о государственном квартирном налоге, о новом государственном промысловом налоге, о почте, телеграфе, телефоне, о судебных сведениях, о торговых пошлинах, о новом положении

видов на жительство, об игральных картах (кстати, их продавал в Томске Ф. П. Романов), о лечебных минеральных водах Сибири (например, в Забайкалье) и о мн. др.

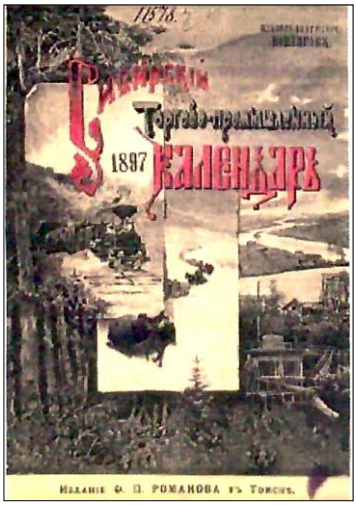
Таким образом, «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь» был печатным изданием, способствующим процессу модернизации Сибири в конце XIX – начале XX вв. Календарь осуществлял как внутрисибирскую и общероссийскую, так и международную коммуникацию. Как сказал основоположник межкультурной коммуникации Э. Холл в своей книге «Безмолвный язык» (США): «Коммуникация – это культура, культура – это коммуникация». Следовательно, календари Ф. П. Романова и М. П. Кедроливанского способствовали окультуриванию Сибири конца XIX – начала XX вв.

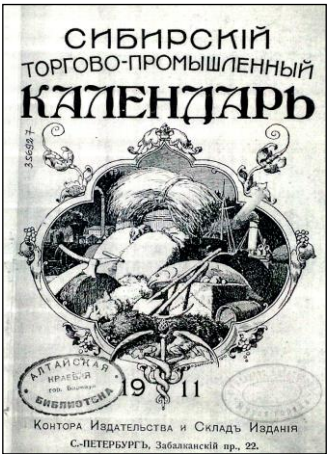
Обобщая всё сказанное, выделим функции календарей в экономической и социокультурной жизни сибирского общества: 1) коммерческо-рекламная и коммуникативно-информационная (через рекламу связывали потребителей с производителями); 2) когнитивная – люди овладевали знаниями о Сибири, на основе которых принимали осмысленные решения, касающиеся различных видов деятельности; 3) миграционно-демографическая – переселение людей в Сибирь на основе точной и всесторонней информации об этом месте развития; 4) культурологическая – улучшение (изменение) уровня жизни людей, бытовой и повседневной культуры, культуры семьи и домохозяйства (начало формирования общества потребления), когда благодаря рекламе (в т. ч. в календарях) на рынке Сибири появились всевозможные российские и импортные товары; 5) футуролого-прогностическая – приблизить лучшее будущее, динамизировать жизнь Сибири; 6) геополитическая – формировался евразийский локус; 7) эстетическая – сам календарь был прекрасно издан и эстетизировал культуру повседневности.

Издаваемые ежегодно календари – это характерное для эпохи модерна сложное синтетическое образование: одновременно и торговый, и промышленный, и справочный, и рекламный артефакт, где гармонично взаимосвязаны форма и содержание.

В настоящее время «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь» Ф. П. Романова и М. П. Кедроливанского должен быть введен в научный оборот. Календари могут дать точный фактический материал по истории рекламы, маркетинга и коммерции, предпринимательства, СМИ и издательского дела, культурологии, при изучении истории Сибири и Алтая.

Сотрудники отдела редких книг Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова создали электронный вариант данного календаря [4].





ЛИТЕРАТУРА

1. Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию Барнаула / АлтГУ, Администрация г. Барнаула; Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 145.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 26-е изд., перераб. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс»; ООО «Мир и Образование», 2008. – С.221.
3. Романов Ф. П. От издателя / Издатель Ф. П. Романов // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Год десятый. – Томск, 1903. – С. IX-XII (1-я паг.)
4. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 год: (високосный), год третий [Электронный ресурс] / изд. Ф. П. Романова. – Томск: Паровая Типо-литогр. П. И. Макушина, 1896. – 232 с. – Режим доступа: http://elib.ngonb.ru/jspui/handle/NGONB/11845. – Заглавие с экрана.
5. Черных, В. А. Реклама на Алтае (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Реклама на Алтае: история и современность: колл. монография / Ю. П. Пургин и др.; отв. ред. И. Н. Никулина. – Барнаул: ИП «Колмогоров И. А.», 2012. – С. 18–88.
6. Черных, В. А. Польская реклама на Алтае // Реклама и коммуникации: история и современность: материалы II междунар. науч.-практ. конф. / Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова ; отв. ред. И. Н. Никулина, Н. Г. Павлова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2015. – С. 108–124.
7. Яковенко, А. В. Федор Петрович Романов и его «Сибирский торгово-промышленный календарь» [Электронный ресурс] / А. В. Яковенко // Отчет клуба краеведов «Старый Томск» за 2005 г. / Том. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; сост. В. В. Манилов. — Томск, 2006. – С. 27. – Режим доступа: http://kraeved.lib.tomsk.ru/files2/426_Otchet_2005.pdf. – Заглавие с экрана.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Юлия Алексеевна – кандидат исторических наук, заместитель директора по учету и хранению музейных предметов (главный хранитель) КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей» (г. Барнаул)

Альшевская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (ГПНТБ СО РАН) (г. Новосибирск)

Вохменцева Наталья Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Голуенко Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Дурново Ирина Васильевна – научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

Дунец Александр Николаевич – доктор географических наук, доцент, проректор по международной деятельности Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Ермаков Юрий Михайлович – доктор технических наук, профессор Московского технологического университета – МИРЭА (г. Москва)

Жиляков Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Каланчина Ирина Борисовна – научный сотрудник Центра краеведческой информации КГУ «Централизованная библиотечная система» акимата города Усть-Каменогорска (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

Калиева Канша Саветкановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народов Казахстана Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

Контева Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Кунгурова Елена Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул).

Литвинова Оксана Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Лихацкая Людмила Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, член Союза художников России (г. Барнаул)

Михалюк Дорота – доктор исторических наук, профессор университета им. Николая Коперника (Республика Польша, г. Торунь)

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – доктор исторических. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Новосибирск)

Никулина Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Островский Марек – сотрудник лаборатории образной информации CNBCh Варшавского университета, кандидат наук (Республика Польша, г. Варшава)

Павлова Наталья Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Потупчик Маргарита Николаевна – заместитель директора Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова (г. Барнаул)

Рыгалова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии и документоведения Алтайского государственного института культуры (г. Барнаул)

Резмер Вальдемар – доктор исторических наук, профессор университета им. Николая Коперника (Республика Польша, г. Торунь)

Серак Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (Республика Беларусь, г. Минск,)

Степанова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Утробина Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного и дополнительного образования Института психологии и педагогики Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул)

Черных Вера Алексеевна – кандидат культурологии, доцент (г. Барнаул)

Чжоу Синь – студентка университета Шихецзы (КНР)

Цапко Анатолий Иванович – заведующий историческим отделом Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (г. Бийск)

Царева Наталья Степановна – кандидат искусствоведения, заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного художественного музея Алтайского края, Заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников России (г. Барнаул)

Шевцова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (г. Барнаул)

Шерстюков Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сборник научных статей

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 28.12.2016. Формат 60x84 1/16.
Печать – ризография. Уч.-изд. л. 16,51.
Тираж 100 экз. Заказ 2017 - 32

Издательство Алтайского государственного
технического университета им. И. И. Ползунова,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,

Отпечатано в типографии АлтГТУ,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46,
тел.: (8-3852) 29-09-48